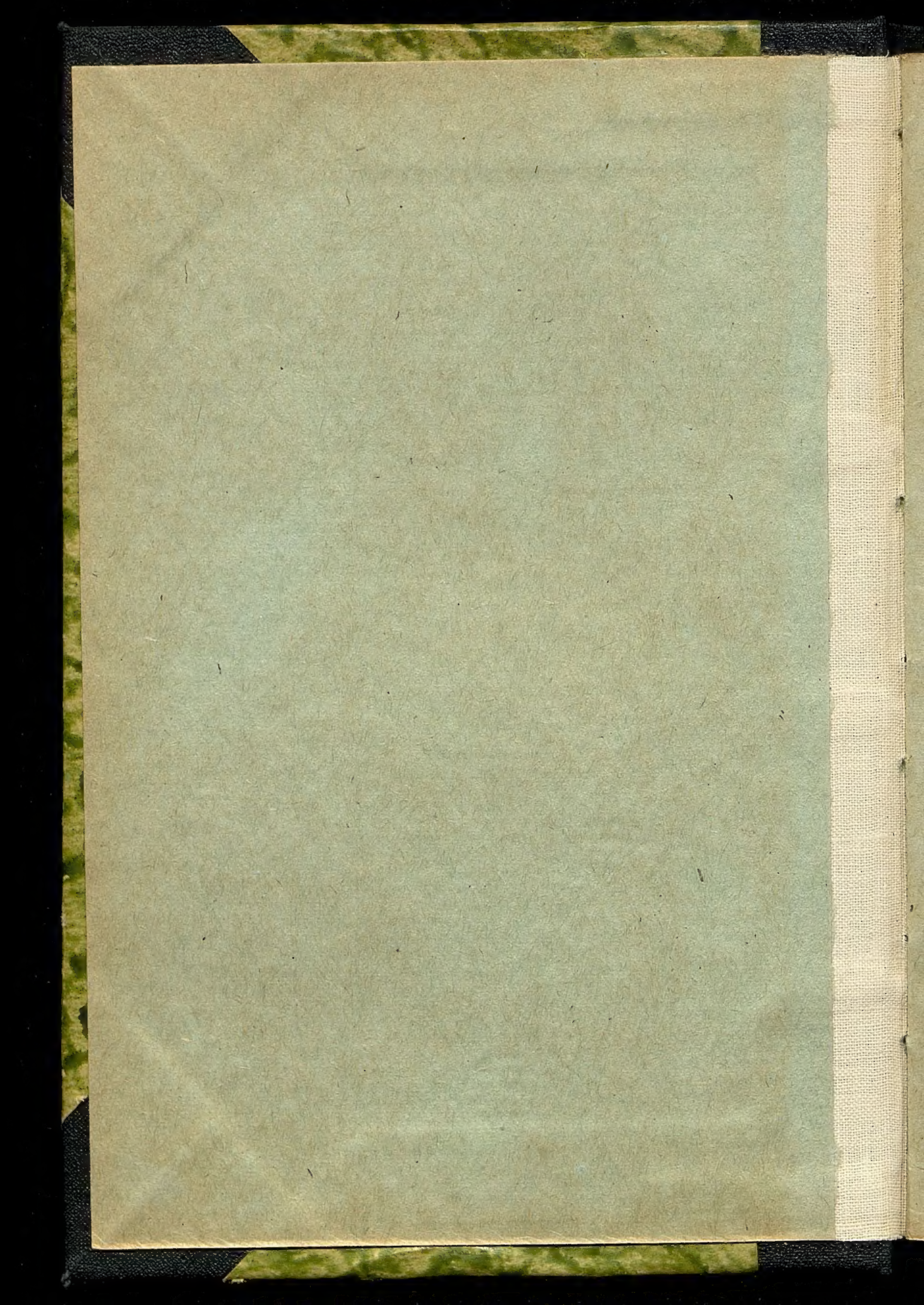

А. ТОДОРСКИЙ

ГОД С ВИНТОВКОЙ И ПЛУГОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛЕКСАНДР ТОДОРСКИЙ

ГОД С ВИНТОВКОЙ И ПЛУГОМ

★★★

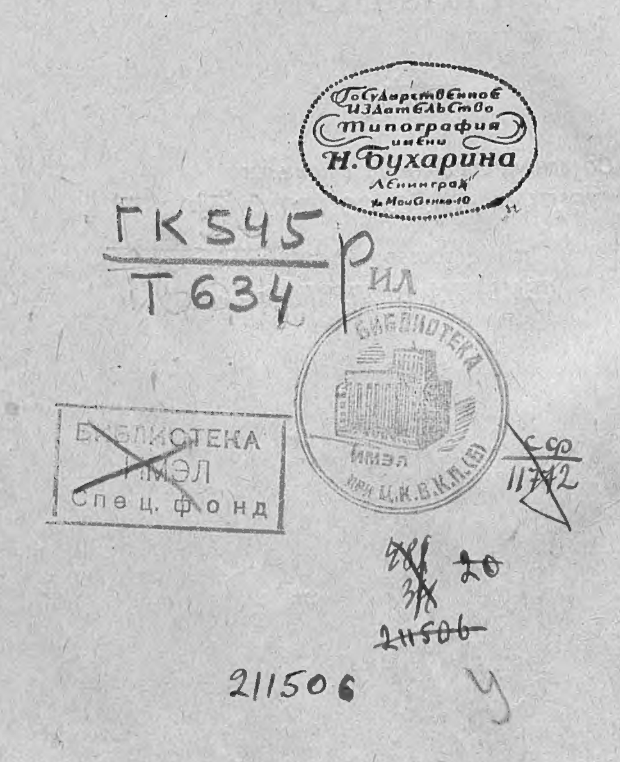
Со вступительными статьями
В. И. ЛЕНИНА и Л. С. СОСНОВСКОГО

и стихотворением
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Гиз № 19541.
Ленинградский Гублит № 39331.
17 л. — Тираж 4000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящую книгу составляют две книги А. И. Тодорского: „Год с винтовкой и плугом“, изданная Весьегонским уездным исполкомом 7/XI 1918 г., и „Черные страницы Весьегонской истории“ (глава „Опора царского трона“ написана А. В. Киселевым), изданная тем же исполкомом 1/V 1919 г.

Последняя книга помещается здесь первой, так как рисует историю дооктябрьского Весьегонска, а первая— второй, так как подытоживает первый год Советской власти.

Книге предпосылаются: известная статья В. И. Ленина о книге „Год с винтовкой и плугом“, впервые опубликованная в „Правде“ за 7/XI 1926 г., и выдержка из статьи „Три книги“ Л. С. Сосновского („Правда“ за 12/XI 1925 г.), касающаяся „Черных страниц Весьегонской истории“.

В конце книги приложены: статьи Л. С. Сосновского: „Городок Окуров“ и „Строители России“ (из „Правды“ за 1918 и 1920 гг.) и стихотворение Демьяна Бедного „Рак на золотом поле“ (из „Правды“ за 1919 г.), касающиеся Весьегонска времен первых лет Октябрьской революции.

МАЛЕНЬКАЯ КАРТИНКА ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ

Товарищ Сосновский, редактор „Бедноты", принес мне замечательную книгу. С ней надо познакомить как можно большее число рабочих и крестьян. Из нее надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами. Это—книга товарища Александра Тодорского „Год с винтовкой и плугом", изданная в городке Весьегонске тамошним уездным исполкомом по поводу годовщины Октябрьской революции.

Автор описывает годовой опыт деятельности руководителей работы по строительству советской власти в Весьегонском уезде,—сначала гражданскую войну, восстание местных кулаков и его подавление, затем „мирное строительство жизни". Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных

и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни.

Возьму один маленький пример из рассказа тов[арища] А. Тодорского. Дело шло о том, чтобы не оставить „безработными" „купеческие руки", а побудить их „взяться за работу".

..."В этих целях были призваны в исполком три молодых, энергичных и особенно дельных промышленника Е. Е. Ефремов, А. Логинов, Н. М. Козлов и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов, к оборудованию которых сразу же и было приступлено.

„Советская власть не ошиблась в выборе работников, а промышленники, к чести их, почти первые поняли, что имеют дело не с „двухнедельными случайными гостями", а с настоящими хозяевами, взявшими власть в твердые руки.

„Вполне правильно уяснив это, они энергично взялись за исполнение распоряжений исполкома и уже в настоящее время Весьегонск имеет лесопильный завод на полном ходу, обслуживающий всю потребность местного населения и выполняющий заказы от вновь строящейся железной дороги.

„Что же касается завода по выделке хрома, то сейчас оборудовано помещение и идет установка двигателя, барабанов и прочих машин, доставленных из Москвы, и не далее как через 1½—2 месяца Весьегонск будет иметь хромовую кожу своего приготовления.

„Оборудование двух советских заводов „несоветскими" руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным.

„Это — еще полдела, если мы ударим эксплоататоров по рукам, обезвредим их или „доканаем". Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить советскую власть".

Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что поняли товарищи в захолустном Весьегонске, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц. Не редкость встретить советского интеллигента или рабочего, коммуниста, который презрительно морщит нос при упоминании кооперации, заявляя с чрезвычайно великой важностью — и со столь же великой глупостью — что это не советские руки, что это буржуи, лавочники, меньшевики, что вот тогда-то и там-то кооператоры прикрыли своими финансовыми оборотами помощь белогвардейцам, что аппарат снабжения и распределения в нашей социалистической республике должны строить чистые советские руки.

Подобное рассуждение типично в том отношении, что истина смешана здесь с ложью, так, что получается опаснейшее извращение задач коммунизма, приносящее бездну вреда нашему делу.

Да, кооперация есть аппарат буржуазного общества, выросший в атмосфере „лавочничества“, воспитавший руководителей в духе буржуазной политики и буржуазного миросозерцания, дающий поэтому высокий процент белогвардейцев или пособников белогвардейщины. Это бесспорно. Но плохо то, когда из бесспорной истины путем упрощения и аляповатого применения ее начинают делать нелепые выводы. Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом

трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд.

Кооперация есть аппарат буржуазный. Из этого следует, что он не заслуживает политического доверия, но отнюдь не следует, что позволительно отвернуться от задачи использовать его для целей управления и строительства. Политическое недоверие приводит к тому, что нельзя давать несоветским людям политически ответственных постов. Оно приводит к тому, что чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине. (При этом, в скобках будь сказано, вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале „Красный Террор" товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплоататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал на стр[анице] 2 в № 1 своего журнала: „не

ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом").

Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму. Кто захотел бы рекомендовать меньшевика как социалиста или как политического руководителя или даже как политического советчика, тот совершил бы громадную ошибку, ибо история революции в России доказала окончательно, что меньшевики (и соц[иалисты]-революционеры) не социалисты, а мелкобуржуазные демократы, способные становиться на сторону буржуазии при каждом серьезном обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Но мелкобуржуазная демократия — не случайное политическое образование, не какое-нибудь исключение, а необходимый продукт капитализма, при чем не только старое, до-капиталистическое, экономически реакционное среднее крестьянство является „поставщиком" этой демократии, но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т[ому] п[одобное]. Ведь даже в отсталой России рядом с Колупаевыми и Разуваемыми народились капиталисты, которые умели ставить себе на службу культурную интеллигенцию, меньшевистскую, эсеровскую, беспартийную. Неужели мы окажемся глупее этих капиталистов и не сумеем использовать такого „строительного материала" для постройки коммунистической России?

В. Ленин

Теперь о второй книге того же тов. Тодорского, которая тоже заслуживает внимания. Это — „Черные страницы Весьегонской истории“. Эта книга написана им в сотрудничестве с тов. А. В. Киселевым и издана в том же Весьегонске 1 мая 1919 г. Любопытна история книги.

8 января 1919 г. Весьегонский уездный исполнительный комитет обсуждал положение издательского дела в городе и вынес несколько интересных постановлений. Надо сказать, что при культурных дворянах Родичеве и К° в Весьегонске даже и типографии путной не было, почему не было и вопроса о „постановке издательского дела“. При большевиках появилась типография, стали выходить две газеты, а временами и четыре (советская, партийная, женская и комсомольская), начали печататься книги. Исполком образовал коллегию по издательскому делу, которой помимо всего прочего дал два таких поручения:

„Коллегии озаботиться собранием исчерпывающего материала по истории Весьегонского края, каковой она должна всесторонне обработать и в простой, понятным языком написанной книге издать не позднее как к 1 мая сего года“.

Наивные исполкомщики, никогда не занимавшиеся еще на практике писанием исторических книг, смутно представляли себе, сколько времени требуется на собирание исторического материала, всестороннюю его обработку, составление текста и, наконец, печатание

книги в условиях 1919 г. По их мнению, вполне достаточно было на всю работу 4 месяца. Любой историк, любой литератор, любой издатель усмехнулся бы над наивностью весьегонских законодателей. Но коллегия приняла постановление всерьез и выполнила его точно в срок. 1 мая книга вышла в свет. В предисловии авторы извинялись за неполноту, за грубую обработку и приводили в свое оправдание несколько соображений. Составлением книги они могли заниматься лишь в свободное от партийной, советской и литературной работы время:

...„Лишь урывками, отнимая у себя по несколько часов необходимого, к сожалению, для человека сна, мы могли хоть отчасти выполнить постановление исполкома“.

Авторы едва ли понимали, как великолепно звучит эта фраза, как чудесно отразился в ней лихорадочный темп работы революционеров.

Прежде чем перейти к характеристике книги, приведу вторую часть постановления исполкома:

„Коллегии озаботиться в нынешнюю зиму собрать по деревням уезда все народные песни и былины, рассказы и сказки, чтобы сохранить их и передать в собранной книжке на память грядущему потомству, которое бы знало, какими чувствами и думами было полно крестьянство как в годы мрачного произвола, так и в наступившие дни воли. Коллегии предоставляется полная самостоятельность в работе“.

Если прибавить, что в том же постановлении предписывается расширить и пополнить только-что созданный большевиками местный музей, то читателю станет ясна культурная физиономия „большевистских варваров“, сменивших Родичева и Колюбакина. Родичеву и в голову не приходило заботиться о таких вещах,

какими были заняты местные руководители в самый разгар гражданской войны. Собирание исторических материалов, песен и былин, создание музея, забота о грядущем потомстве — какой прекрасный ответ всем клеветникам, шипящим о хамстве мужика. Если бы нас оставили в покое сразу после Октября; если бы не погиб от сыпного тифа замечательный работник, гигант-самородок Г. Т. Степанов, бессменный председатель Весьегонского исполкома, редких административных и личных качеств человек; если бы одна мобилизация за другой не обессиливали местную (как и все прочие) организации; если бы тот же Тодорский с лета 1919 г. по сей день не должен был заниматься военной работой вместо культурной, очень ему дававшейся, — какие бы мы теперь имели культурные всходы в Весьегонском уезде, да и во всех других!!!

Но буржуазия навязала нам истребительную и разорительную войну, и культурное творчество было на несколько лет придушено. Те иностранцы, что удивляются нашему культурному росту, должны знать (особенно чехо-словаки), что мы сделали, может быть, сотую часть того, что хотели сделать и сделали бы, если бы не происки буржуазии.

Итак, два весьегонских большевика в трехмесячный срок собрали, обработали и изложили в популярной книге для народа историю Весьегонского края в революционном освещении. Теперь каждая школа уезда вместо „Иловайских“ учебников может изучать историю нашей родины по книге „Черные страницы“. Конечно, любой историк найдет тысячу и один недостаток в самодельной истории Тодорского и Киселева. Но одно в ней есть достоинство, и оно покрывает все недостатки. История нашего народа была историей рабства в разных его видах. Вот это и показано документами

и фактами из прошлого данного уезда. Изменялись формы кабалы. Но существо кабалы не отменялось до самого Октября. Книга Тодорского с простотой, доступной пониманию ребенка, раскрывает хитрую механику эксплоататорского режима. Замечательными документами нашего прошлого она рисует основные черты господствующих классов и их правительственного механизма.

Приходится повторить слова В. И., сказанные им о другой книге Тодорского: пересказывать ее содержание — значит ослабить яркость и живость впечатления. Интересующихся можно отослать к самой книге. Могу сказать одно: по такой книге должен издать каждый уезд, каждая губерния в количестве достаточном для снабжения всех школ, библиотек, изб-читален и т. п. Разумеется, теперь не 19-й год. Теперь возможности совсем другие. Возникло множество учебных и ученых заведений. Подросла молодежь, способная лучше Тодорского обработать исторический материал. Есть уже красные профессора-историки. Словом, есть у кого поучиться правильной работе, правильным методам.

Какими методами, в сущности, действовал Тодорский? Вы удивитесь, читатель, если я скажу: чекистскими! Да, он работал в чека, что не мешало ему одновременно работать и в ОНО, и в редакции газеты, и еще во многих местах. По обязанностям чекистской работы он делал налеты на помещичьи гнезда, а по своим склонностям больше всего интересовался материалом архивного порядка: жалованными грамотами, документами, дневниками, архивами, перепиской. И отсюда им почерпнута большая часть материалов по истории Весьегонского края. Отсюда же были „позаимствованы“ экспонаты для созданного музея. Так чека соприкасается

у нас и с историографией и с музееведением. Некоторые документы, добытые чекистами в имениях, являются поистине замечательными уникумами. Я бы привел их много, но газеты не хватит. Ограничусь для образца немногими. Вот отрывок из дневника помещика Николая Полтева, относящийся к лету 1918 года:

„Сегодня пришли трое отъявленных врагов. Трое подлецов, избранных мужиками в реквизиционный отряд для реквизиции излишков хлеба. Нет никаких сил выразить все возмущение, все негодование от событий сегодняшнего дня. Хотя поздно, но спать не могу: слишком живо еще переживаю события дня. Слишком еще больно и тяжело, и душа не может примириться с фактом и бессилием что-либо сделать и как-нибудь отомстить. Месть, самая беспощадная и злая,—вот что только успокоило бы!"

Охотно верим помещику Полтеву. Мы видели на опыте гражданской войны остервенение белогвардейщины.

Таких же ярких документов, относящихся к разным эпохам и к разным классам, в книге Тодорского найдется очень много. Историку Тодорскому здорово повезло: для него постарался чекист Тодорский. И у обоих— здоровый вкус на яркие исторические, архивные документы. От трагического до комического. Нельзя без хохота читать переписку жандармского офицера с жандармским унтер-офицером по вопросу о покупке новой иконы для жандармского учреждения. Собранных на икону денег не хватило на освящение, перевозку на телеге и прочие расходы. И вот его высокоблагородие делает детальнейшую раскладку до десятых долей копейки: сколько с него и сколько с унтер-офицеров. И чтобы не накладно было, часть расходов решили покрыть продажей старой отслужившей иконы. Однако, продавать святыню непристойно. Придумали мягкий

термин — „уступить“ отставному унтер-офицеру Львову за 3 руб. 94 коп.

Всего не перескажешь. Факт, однако, налицо. Первая революционная историческая книжка, построенная на местном материале, вполне пригодная даже для школы 1-й ступени (старших классов), написана именно в Весьегонске и написана с быстротой невиданной. Мне думается, что это свидетельствует о громадных культурных стремлениях наших низовых работников. Стремления эти были временно подавлены суровыми условиями гражданской войны.

Нам часто попадают на глаза проявления уездного головотяпства и рукосуйства, но очень редко — творческие достижения провинции. Надо соблюдать правила двойной бухгалтерии и, хотя бы по годовым праздникам, воздавать должное провинции.

Л. Сосновский

ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕСЬЕГОНСКОЙ ИСТОРИИ

I. ПОД ИГОМ БАРСТВА

Слушай внимательно, весьегонский крестьянин, жуткую повесть о том, как в жерновах барского ига хрустели и ломались кости твоих прадедов, дедов и отцов.

В этом рассказе в доказательство своих слов мы будем приводить подлинные документы прошлых лет, разысканные нами среди старых (архивных) дел и разного рода переписки.

Разговор наш пойдет о помещиках, которых ты знаешь и помнишь.

Наверное, прежде всего встанет вопрос: каким образом появились эти помещики и как это один человек вдруг становился *барином*, господином над многими?..

На этот вопрос красноречиво отвечает следующий документ из имения весьегонского помещика (Макаровской вол.) Арсения Петровича Измайлова.

Документ этот — грамота царя Алексея Михаиловича, царствовавшего с 1645 по 1675 год, выданная Андрею Гавриловичу Измайлову.

Эта грамота лишний раз подтвердит наше уверение в том, что земля из достояния всеобщего постепенно перешла в руки нескольких людей.

Вот этот ценный исторический документ, подписанный собственноручно царем.

„Божиею Милостию, мы великий Государь Царь и великий Князь Алексей Михайлович, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержец, по своему

Царскому милосердному осмотрению, пожаловали, Андрея Гавриловича Измайлова, за его к нам великому Государю Царю, и ко всему Московскому Государству многую службу, которая венчалась в прошлом в $^{162}/_{1654}$-м году, после поляновского докончания, что было во многих разрушительных письмах, вечному миру противенство учинено, и за те досадительства на польское и литовское королевство ходили, и смоленск, и вильну, и брест, и иные многие городы, в литве, и на белой России поимали: и коруны польские, и княжества литовского в далных местах в походех великое одоление учинилось. И в прошлом во $^{175}/_{1667}$-м году, Генваря в 20 день, с польскими и литовскими послы договор учинили на перемирие на тринадцать лет и на шесть месяцев. И мы великий Государь Царь, и великий Князь Алексий Михайлович. за те *службы, которые сначала в нашем в походе были и во все лета. тое войны с полки в разных походах, многое одоление над противными славно по всему свету показали, пожаловали ево Андрея Измаилова, похваляя его службу, помыслы, и храбрость, в роды и роды, с поместного его окладу . . . . . . четвертей, со 100 четвертей*[1] *по 20 четвертей, и того 176 четвертей из его (вписано):*

Поместья в вотчину, в вологотцком уезде в кимзерской волости, в изленском стану: деревнею острецовскою, якимово тож без жеребья, деревня климова займице купавиха тож. деревнею павловского пичиха тож. деревнею залухиною. деревнею чичерихою. Полудревнею артюковскою пашковскою тож. Половиною древнею калининою половиною древнею дору без жеребья. Да пол пустоши кирилловские. Пол пустоши полтинины. жеребей пустоши некрасовские. Да в кумзерской же волости в шабзерском стану. древнею мысовскою панинское тож. Да в кумзерской же волости в щапщенском стану древнею питинскою. Деревнею милентьевскою. На кизем-

[1] За четверть считалось тогда $^{1}/_{2}$ десятины.

ским озером. жеребей д грани власовские петрищево тож. жеребьем пустоши зелениной. По книгам вологотцкого уезду. Писма и меры. Федора веняминова воронцова. Да подъячего новина завесина 136—137/1628—1629 году в той андрееве вотчине измаилова написано пашки паханые. с перелогом и лесом порослой середния и худыя. Доброю землею и надачею его деваносто шесть чет. в поле а в дву потомуж и перейде сверх ише великого Государя и князя вочинное выдачею. в пустоши зеленихе девять четвертей с полуосминой и тем перехожим четвертым владеньем андрея в помесье,

И на ту вотчину велели есмя дать сию нашу Царскую жалованную грамоту, за нашею Царскою красною печатью. И по нашему великаго Государя Царя, Царскому жалованью та вотчина ему, Андрею Измайлову и его детям и внучатам, и правнучатам в роды их неподвижно, чтоб наше Царское жалованье, и их великое дородство, и храбрая служба, за веру и за нас великаго Государя, и за свое отечество, последним родом было на память, и на их бы службы дети его и внучата и правнучата, кто понем роду его будет, также и за веру христианскую и за святыя Божия Церкви, и за нас великаго Государя, и за свое отечество стояли мужественно. А в той вотчине, он, Андрей Измайлов, и дети его и внучата и правнучата, по нашему Царскому жалованью, вольны и продать и заложить и в приданые дать, А в монастыри тое вотчины по душе не отдать, А будет продаст в чужой род, а кто будет роду его похочет ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину выкупити по уложенью, А будет у него роду не останется, и та вотчина останетца не продана и не заложена и в при-

даные не отдана: и та вотчина взять на нас великаго Государя Царя в поместные земли.

Печатана нашего Государства в Царствующем граде Москве, лета $^{176}/_{1668}$-го генваря в 19 день".

На обороте грамоты хорошо сохранилась и разборчива подпись руки царя — „Царь и великий Князь Алексей Михаилович всея великия, и малыя, и белыя России Самодержец".

К грамоте прикреплена толстая большая сургучная печать, на одной стороне которой изображен Георгий победоносец, на другой — стоящий двухглавый орел, над которым корона с шапкой Мономаха, на краях заметны слова: „...самодержец и многих"...

Из этого документа мы видим, как царь Алексей (а до него и после него и другие цари), *„лепили"* помещиков и отдавали им в кабалу деревни целыми десятками.

В те далекие времена мужик отвечал за все. Наверное, солдаты тех же деревень, кои пожаловал царь Измайлову, в тысячу раз более последнего доказали свою храбрость в походах и ратных делах. Это — не в счет!

Война царская выгодна только царю и его слугам, а мужику? Все равно он отдувается за нее своими боками и при победе и при поражениях!

И, таким образом, цари своим служилым людям иногда за жалованье, иногда в подарок, раздавали направо и налево „живой товар", над которым новый хозяин отводил свою „душеньку".

На широкой спине мужика вольготно и весело кормилась свора *дворянства* и царских служилых людей. Все должности в государстве отдавались в руки людей белой кости, чистотелых, знатных,

*

Для примера мы приведем выдержку из „Месяцеслова с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1778-е“. Книге этой, напечатанной в Санкпетербурге при Императорской Академии Наук, сейчас уже 141 год. По ней мы видим— кто тогда стоял у власти.

В „Веси-Егонске“, как напечатано, около полутораста лет тому назад городничим был маиор Иван Камарашев; в уездном суде: уездным судьей — коллежский асессор Ѳ. П. Волкунов, дворянскими заседателями — секунд-маиор Михайло Старошершавин и прапорщик Иван Синягин, уездным казначеем секунд-маиор Игнатий Дедевкин, при дворянской опеке предводитель полковник князь Матвей Петрович Ухтомский; в нижнем земском суде: земским исправником — коллежский асессор Михайло Веневитинов и дворянскими заседателями: капитан Матвей Батюшков и капитан Степан Ахлебаев.

Чьи интересы защищали эти майоры, князь-полковник и капитаны? Без сомнения, только свои дворянские.

Баре распоряжались весьегонским пахарем, как своей дворовой собакой или лошадью.

Имеющиеся у нас „обыскные“ книги, взятые в церкви села Чурикова, Любегощской волости, дают нам возможность определить зависимость крестьян того времени от своих господ.

Вот в книге за 1810 год приложено следующее письмо помещика Чуриковскому священнику.

„Ваше благословение, честнейший Иерей Николай Федорович! Благоволите *проданную* мною дворовую девку Татьяну Петрову господину штабс-капитану Батюшкову обвенчать с крестьянином сельца Тимофеевского Федором Алексеевым, ибо между ими никаких законных препятствий к союзу не имеется,

в чем и подписуюсь. Подпоручтик Петр Иванов сын Караулов".

А вот другое письмо:

„Священный Иерей отец Николай Федорович! Прошу Вас покорнейше обвенчать крепостного дворового человека детей моих Евсея Борисова на крепостной девке Федосье Дмитриевой. Лета имеют как жених так и невеста законные. Между ими родства и кумовства не какова нету, в том и свидетельствую.

Подполковница *Елизавета Саванчеева.*

1838 г. Генваря 27 дня".

На перелистываемых нами синих ветхих страницах церковных книг, заключающих в себе записи браков (свадеб), начиная с 1805 и кончая 1861-м годом, мы видим, в какой тяжкой неволе были весьегонские крестьяне, без дозволенья господ своих не имеющие права даже любить друг друга и венчаться.

Прежде всего на каждой странице впереди крестьян и дворовых людей мелькают громкие имена *вотчинников-помещиков,* которым принадлежали деревни и села в округе.

Мичман А. А. Ханыков, поручик П. Г. Батюшков, помещик И. Ѳ. Емельянов, помещик П. М. Шатилов, маиор С. И. Караулов, маиор М. А. Балкановский, помещица А. П. Ушакова, надворн. советн. И. С. Батюшков, маиор и кавалер орденов А. Ф. Богданович, княгиня А. С. Мещерская, секунд-маиорша А. А. Измайлова, капитанская дочь А. И. Караулова, тит. сов. И. Б. Маслов, флота артиллерии лейтенант И. З. Батюшков, князь кол. асс. П. А. Мещерский, и так далее, так далее идет список рабовладельцев, которым принадлежали эти бедные маленькие весьегонские сельца и деревнюшки: Облазино, Мишуткино, Суховерхово, Дорофеево, Торяниха, Чуриково, Никулино,

Курово, Часовня, Дынино, Леферово, Абакумиха, Козлы, Страшино, Ескино, Самылово, Емельяново и многие другие. А вот самые записи...

„1828 года генваря 25 дня мы нижеподписавшиеся по присяжной должности и по чистой совести свидетельствуем, что нам совершенно известно, что желающие сочетаться законным браком весьегонского уезда вотчины госпожи помещицы Александры Степановны Измайловой, деревни Суховерхова умершего крестьянина Прокофия Захарова сын отрок Антон с девкой того ж уезда и госпожи деревни Новоселка после отданного в военную службу крестьянина Иродиона Алексеева вступает в брак *по дозвблению* родителей своих и *госпожи*".

„1826 г. февраля 7 дня по приходу села Чурикова госпожа штабс-капитанша Анна Алексеева Батюшкова объявила нам священнику с причетники, что она *положила намерение* сочетать законным браком того ж прихода и села Чурикова дворового крепостного своего человека вдовца Макара Иванова с крепостной девкой того-ж двора Анисьей Васильевой"...

„1830 года февраля 5 дня мы нижеподписавшиеся свидетельствуем, что нам совершенно известно, что желающие сочетаться законным браком того-ж уезда вотчины господина малолетнего Николая Николаева Маслова деревни Тимофеева крестьянина Василья Михайлова сын отрок Павел тоя ж вотчины и уезда сельца Дорофеева с дворовою девкой Людмилой Васильевой первым браком вступают в брак *по дозволению господ* и родителей своих"...

„1840 г. августа 11 дня прихода села Чурикова сельца дорофеева подполковница Елизавета Николаевна Саванчеева объявили нам священнику с причетники, что они положили намерение сочетать законным браком своего крепостного крестьянина Федора Евдокимова с крепостною же своею девкою умершего крестьянина Ефима Леонтьева дочерью Анною первым браком.

Вотчины г. капитан Стефан Васильев Батюшков того-ж сельца Дорофеева также объявил нам свя-

щеннику с причетники, что он положил намерение сочетать законным браком своего крепостного дворового человека Кузьму Алексиева с крепостною дворовою девкою Мариею Михайловою, *купленною* у г-жи подполковницы *Елизаветы Ник. Саванчеевой* первым браком“...

Нам очень понятно — почему без дозволения господ крестьяне не могли ступить ни одного шагу. Они были не людьми, а предметами помещичьего обихода, которыми хозяева распоряжались, как хотели!

Доказательством этому служат следующие документы — купчие крепости, из которых видно: был ли тогдашний крестьянин человеком, или вещью.

„Лета 1785 февраля в 14 день дворянин Федор Иванов Сухин в роде своем не последний *продал* я из дворян подпоручика Ивана Борисова сына Спешнева жене ево Авдотье Григорьевой дочери недвижимое свое имение доставшееся мне по наследству после двоюродной сестры моей княжны Мышецкой, состоящее Новогородского наместничества в Устюженском уезде Железнопольском деревне Именцево, с написанными в одной по нынешней четвертой ревизии в подушной оклад за мною *крестьяны с женами их и с детьми* и со всем их имуществом и с принадлежащими ко оной деревне Именциной и отхожими землями... а взял я Федор у нее Авдотьи за означенное свое недвижимое и со крестьяне денег пят сот двадцать пять рублей“...

„Лета 1795 июня в 15 день Белозерская помещица прапорщица Дарья Семенова дочь жена Десятова, в роде своем не последняя, отпустила я крепостную свою крестьянскую дочь девку Марью Алексееву, писанную по четвертой ревизии за мною Белозерского уезда Дубровской волости в деревне Илиновской в замужество, тверского наместничества Весиегонского уезда в вотчину помещицы девицы Варвары Алексеевой дочери Измайловой в новопоселенное селцо Новоселку за крестьянина Ивана Алексеева, а на предь

сей отпускной означенная крестьянская моя девка Алексеева иному никому *не продана не заложена* и ни у кого ни в каких крепостях не укреплена и ни за что не отписана. Подписались: прапорщица Дарья Семенова дочь жена Десятова, секунд маиор Иван Федоров сын Патрекеев, капитан Николай Алексеев сын Измайлов".

„1799 года февраля 4 дня Белозерского уезда Судского стану Черновадбалской волости поместья Матвея Воейкова деревни Красной староста Федор Кириллов отпустил я по приказу господина своего одноводчинную свою крестьянскую дочь девку оной-же показанной деревни Красной Анну Алексееву в Черноандапольскую волость в поместье Елизаветы Измайловой в деревню Сенькино за крестьянина Василия Ловрентьева в замужество, на смен чтоб и мне, старосте Кириллову за крестьянина своего одноводчинного *взять девку-же* в чем во верность сие отпускное сменное и письмо даю, к сему отпускному письму вместо вышеописанного старосты Федора Кириллова Кириллова по его самоличной просьбе Свято-Егорьевской церкви священник Дмитрий Анфитов руку приложил".

„1800 года генваря в 31 день Елецкий помещик секунд-маиор Александр Алексеев сын Григорьев — в роде своем не последний, *продал* я Бежецкой помещице из дворян Титулярной Советнице Авдотье Григорьевой дочере жене Спешневой и наследникам ее крепостных своих крестьян писанных по последней пятой ревизии Тверской губернии Весиегонским, что ныне Бежецкого уезда, в деревне Ларехове за матерью моею подпоручицею вдовою Прасковьею Андреевною Григоровой, Григорья Митрофанова, с женою ево Катериною Тимофеевою, сыном ево от первого брака Григорьем, Григорьевою женою Татьяной Кондратьевой, детьми их сыновьями Михаилом, Никитою и Филипом, Михаиловою женою Марьею Ивановою... со всем их крестьянским имуществом, строением, скотом, птицами и наличным хлебом без земли *на вывоз*, а взял я Александр с нее Авдотьи Спешневой за тех своих проданных крестьян со всем означенным денег *сто рублей*".

„Лета 1814 апреля в 22 день Весьегонский помещик подпоручтик Иван Афонасьев сын Бирилев, продал я Весьегонской помещице вдове титулярной советнице Авдотье Григорьевой дочере жене Спешневой, крепостную свою, доставшуюся мне 1810 года февраля 5 дня по купчей от Белозерской помещицы вдовы коллежской ассесорши Маланьи Ивановой дочери жены Дмитриевой, рожденую после пятой ревизии Новгородской губернии Белозерского уезда селца Бору, крестьянскую дочь девку Катерину Григорьеву: а взял я, Бирюлев с нее Спешневой за оную девку Григорьеву денег государственными ассигнациями *пятьдесят рублей*“...

„1840 года, июля 15 дня, Устюжский помещик гвардии штабс-капитан Помпей Батюшков и Весьегонский помещик гвардии штабс-капитан Петр Измайлов, заключили условие в том, что продáл я, Батюшков, ему, г. Измайлову, оставшееся мне по наследству после отца имения Весьегонского уезда в сельце Старом крестьян Абрама Лифантьева с семейством, Кузьму Ефимова с семейством, и семейство Сергея Ефимова, и *перевезенных крестьян* из Устюжскаго уезда деревни Кононова Степана Данилова и Илью Данилова с семейством, Федора Савельева с семейством, с их женами, обоего пола детьми, приемышами и подкидышами, а всего мужеска пола двадцать, женскаго девятнадцать душ и с владеемой ими землею в сельце Старое, Пожнях на р. Зване, Пустошах: Сафоновой, Сарабушной...... Зыкове,.... Медведице, Липоважике по р. Рене и Зване, Змеяватице, Тетереникове, Афанасьевой, Борах, Борках, Новинке и в общем Никольском Бору, что мне на часть принадлежит и чем владеют означенные крестьяне за две тысячи двести восемьдесят пять рублей семьдесят одна копейка 3/7 серебром“.

Вслед за этими документами нам попался и приказ проданным крестьянам от промотавшего их барина следующего содержания:

„Сельца Старова старосте Кузьме Ефимову и крестьянам сельца Старова

ПРИКАЗ

Продал я вас Весьегонскому помещику гвардии штабс-капитану Петру Арсеньевичу Измайлову, а потому приказываю вам находиться у него *в полном повиновении.* Оброчную же недоимку за прошедшее время вам от меня прощается.

Гвардии штабс-капитан
Помпей Батюшков.

Июля 1840 г.
село Даниловское“.

(Поставлена сургучная печать на приказе „Даниловской Вотчинной Конторы“.)

Покупаемые и продаваемые крестьяне Весьегонского уезда во времена рабства делились на две части: одна — принадлежала барам, помещикам, другая — *государю, казне;* одна часть должна была трудиться для того, чтобы вольготно и весело жила свора дворян, а другая — гнула спину для сытой жизни царского рода и его чиновников.

Мы уже приблизительно составили себе понятие о том, как жили крестьяне в хомуте барском, к этому мы еще вернемся в этой главе, а сейчас посмотрим, как жили государевы люди, так называемые *удельные* крестьяне. Всеми таковыми крестьянами ведал департамент уделов, закон о котором говорил так: „как для удовольствования происходящих от крови Императорской родов всем нужным к непостыдному себя содержанию определены знатные суммы, которые, будучи особо отделяемы из общей Государственной массы имений и доходов, потребуют и особенного оными управления; а на сей конец и учрежден сей департамент уделов“.

Старые документы по нашему уезду дают сведения, что удельные деревни входили в волости, а волости в свою очередь в сельские приказы.

Так существовал Чамеровский приказ с волостями: Чамеровской, имеющей 1629 душ, Бухаловской — 997 душ и Кесемской — 1126 душ.

Был Арханский сельский приказ, в который входили волости: Арханская — 573 души, Сандовская — 566 д., Волховицкая — 709 д., Борисоглебская — 484 душ и Мышкинская — 824 д.

В нашем распоряжении имеется несколько документов Арханского приказа, которые проливают свет на положение государственных крестьян.

Об обязанностях поселян статья 195 закона учреждения об императорской фамилии, которой принадлежали удельные крестьяне, говорила:

„Во всяком селе и деревне по данному через колокол знаку, или по сделанной от выборного ими головы повестке должны жители по одному с каждого двора, или сколько приказано будет, при всяком случае немедленно на сход поспешать, и там будучи во всякой тишине, что им приказано будет, внимать и в точности *исполнять* под штрафами за неповиновение, или небытие по позыву на сход пятидесяти копеек, а за бесчинство и шум против того вчетверо“.

Волостью управляли волостной голова и писарь, а каждым селением — особый выборный с десятскими.

Кроме этих представителей начальства, маленьких местных сошек, над удельными крестьянами черной тучей стояла целая свора *чиновников* крупных, которые наезжали в приказ, производили ревизию и расправы и выжимали последние соки из весьегонских государевых людей.

Арханский приказ мы застаем в то время, когда там были во главе местного начальства голова, казенный

заседатель, приказный заседатель, два добросовестных и писарь.

Документы нам говорят о том, что казна заботилась об этом мелком начальстве и воздавала им должное за управление подневольными крестьянами.

Так мы видим, что „голова, заседатели и писарь заслуженным жалованьем и на сделание двух кафтанов удовлетворены“, а писарь Ануфриев в мае 1846 г. всемилостивейше за какие-то заслуги „награжден 35 рублями серебром“.

Если крепостные помещиков не имели за душой ничего своего и за каждую пустяковину до земли гнули спину перед барином и отрабатывали, то и крестьян удельных окружало лишь богатство казенное, за малую толику которого с них драли, что хотели.

Так мы видим, что для того, чтобы в 1855 году крестьянам д. Захарихи и Михалихи можно было получить 87 сажен дров из обгорелого леса Мышкинской дачи, неимоверно долго ходило прошение об этом в Тверскую удельную контору, которая разрешила взять лес с пошлинами и за плату.

Из одного документа мы видим, что цена на лес в 1855 г. была следующая: еловое дерево в 3 сажени длины и 4 верш. толщины стоило 6 копеек серебром, 100 жердей — 2 руб. 28 к., 100 кольев — 38 коп., сажень дров 55 коп.

Нам сейчас кажутся шуточными такие цены, но нашим прадедам, за грош работавшим до седьмого пота, такие деньги не были пустяками.

Это подтверждается тем, что несмотря на то, что за покушение на собственность казны полагались большие штрафы и наказания, крестьяне, которым было не под силу платить деньги, тайком шли и рубили государев лес.

В 1826 г. крестьяне деревни Михалево порубили лесу в Кесемской даче, за что уплатили штраф 65 руб. 65½ коп., в декабре 1852 г. была обнаружена порубка, в ноябре 1854 г. тоже, а в 1858 г. в самовольной порубке попались кр-не дер. Батихи Лука Игнатьев и дер. Кочихи Феофан Панфилов.

Сельский приказ был разбит на несколько участков и каждый участок был поручен особому сборщику податей.

В 1860 году сборщик 3 участка (Волховицкого) Иван Васильев Колотушкин представил в приказ за первую половину года 251 руб. 72 коп., за ярмарку 24 июня в Волховицах Баракин Х. 23 руб. и сборщик 5 участка (Мышкинской вол.) Фокин — 113 руб. 50 коп.

В 1825 году с крестьян приказа требовалось по 9 руб. в год с души оброку, да еще штрафных, за невзнос старого, да недоимки прежних лет.

Как дороги были деньги в то время, мы можем видеть хотя бы из того, что согласно § 186 учреждения об уделах волостной голова получал жалованья (которое тоже сбиралось с общества) 20 руб. в год, писарь — 15 руб., а сельский выборный — 10 руб.

Таким образом на те деньги, которые должна была уплатить одна крестьянская душа, могла кормиться почти целый год одна начальственная персона.

Волей-неволей приходилось считать *непосильной* плату и по 6 коп. за бревно, раз эти 6 копеек надо было отдать в другое место!..

В 1855 г. в виду того, что в удельной Мышкинской даче от гниения сердцевины стали ломаться столетние осины, Тверская удельная контора предложила через Арханский приказ местным крестьянам вырубить их с платою за них по таксе на корыта и другие хозяй-

ственные изделия, но, несмотря на нужду в дереве для указанной цели, о чем имеются сведения, желающих купить не нашлось.

Ни один шаг крестьянина не мог укрыться от жадного взора государевой казны, которая хищно протягивала свою руку, каждый раз намереваясь что-нибудь с него *„сорвать“*.

В 1855 г. Тверская удельная к-ра замечает, что крестьянами Арханского приказа производится в некоторых местах гонка смолы и сидка дегтя, для чего крестьяне пользуются лесом и пнями и не приносят уделу решительно никакого дохода.

Началось расследование. Начальство засуетилось и в результате в неуважении к государеву лесу были уличены и оштрафованы крестьяне: дер. Большого Бору — Григорий и Аввакум Яковлевы и Аким Захаров и дер. Малого Бору — Мокей Естефеев и Данил Емельянов.

В 1859 г. Тверск. удельная к-ра пишет в Арханский приказ, что построенные самовольно на крестьянской тягловой и усадебной земле три маслобойни конских не включены до сего времени в число оброчных статей, а потому приказывается взимать по 10% (процентов) в год с той суммы, в каковую должна быть оценена маслобойня. Если будут несогласны кр-не платить, маслобойни надлежит уничтожить.

Сельский приказ производит оценку и ставит хозяев маслобоен в известность о распоряжении высшего начальства. В результате платеж в казну оказывается непосильным, и кр-не дер. Чернавы — Федор Назаров и дер. Воробьихи — Данил Федотов дают подписку срыть свои маслобойни, а кр-н дер. Михалихи — Петр Никифоров Лебедев просит произвести более низкую оценку, которая бы дала возможность платить требуе-

мые проценты. По произведенной оценке стоимость его маслобойни определяется в 40 рублей и с него в год приходится вносить 4 рубля. Лебедев считает такой взнос для него обременительным и просит сбавить сумму пошлины до 2 рублей в год.

Жадная казна и слушать не хочет о таких условиях и приказывает Лебедеву срыть маслобойню.

Сколь незначительна была крестьянская недвижимость того времени, мы можем видеть из того, что в 1855 г. одна деревня приказа с 54-мя крестьянскими домами была оценена в 4641 рубль, т.-е. приблизительно дом-двор каждого удельного стоил 85 руб. и, несмотря на то что это добро составляло *единственное* богатство крестьянина, которое он берег пуще глаза, все же, как мы видим из документов 1856 г., дабы как-нибудь избавиться от тяжелых последствий весьма частых в то время пожаров, — из 1147 домохозяев приказа могли застраховать свои дома только 556, а остальные вверили свое добро за неимением денег слепой судьбе.

Тяжелое положение крестьян в государевом хомуте и невозможность свести концы с концами в своем хозяйстве заставляли искать счастья на стороне, в чужих людях.

Закон того времени разрешал временно отлучаться крестьянам на заработки лишь в том случае, „когда хлебопашество от оного потерпеть не может и *общество* за отлучающегося и за обработывание участка его земли отвечать возьмется“.

Число мужских душ в приказе по разным годам определялось приблизительно в 3000 человек (в 1841 г. — 3130, в 1856 г. — 3042). И из этого числа в 1855 г. по 1 ноября было выдано 37 годовых паспортов, 2 — полугодовых, 28 — трехмесячных, 397 — двухмесячных и 200 — месячных.

О самовольной отлучке с родных (но неприветливых) гнезд закон говорил так: „удельные крестьяне, которые самовольно отлучились из селения, без всякого впрочем другого преступления, но по одной простоте или оплошности, подвергаются или телесному наказанию, или содержанию в смирительном доме, или употреблению в общественные крестьянские работы“ (4 ч. Св. Пост. ст. 35).

В 1853 году кр. дер. Игумкова Михайло Иванов, 25 лет, пробыв на заработках в Новгородской губ. у станц. жел. дор. „Окуловки“ в кузнице у подрядчика Ник. Ив. Русанова, просрочил отпускной билет и, возвращаясь домой, в г. Тихвине был пойман за бродяжничество, просидел в остроге, потом был переслан этапом в Арханский приказ, где тоже сидел, после чего поступил в рекруты.

Тяжела ли была рекрутчина времен неволи крестьянства, мы можем судить по тем условиям, в каковых происходил набор рекрут.

В „Указах Генерального учреждения о сборе в Государстве рекрут“ (1776—1797 г.г.) мы читаем следующее:

„Сбор рекрут во всем Государстве чинить с положенных последней ревизии в подушной оклад, а именно: с купечества, с дворцовых, ...сошных, черносошных, духовных вотчин и помещиковых крестьян и иноверцев, с ямщиков и раскольников... и со всех казенных и партикулярных заводов и фабрик, при которых приписные и купленные заводчиками и фабрикантами деревни, или у заводчиков хотя и не приписные люди и крестьяне есть“...

Нам станет несколько удивительно: каким это образом купечество смешалось с такой „грязью“, как крепостные крестьяне, но через несколько страниц закон „спохватывается“ и разъясняет: „а как Российские

купцы будучи выключены из подушного оклада платят по одному проценту с капитала, то всемилостивейше уволяя их от поставки рекрут натурою, до будущего узаконения взыскивать с них по 360 рублей за каждого рекрута“...

Через несколько строк после первого распоряжения в законе замечается „забота“ о крестьянах, которая красноречиво говорит о том, каковы были наши помещики и каково было жить „под ними“ крепостным.

„При каждом-же наборе владельцам отдавать как за свои деревни с числа душ, так и за приписных в складку малопоместных из своих деревень собственных людей и крестьян. И для того, во отвращение могущих иногда произойти подлогов, а наипаче, дабы таким помещикам, кои алчут только своих прибытков, а о пользе общей не радеют, и коиж по распутному житию всеми мерами стараются о приобретении имений единственно на *роскошное* себе прожитие, не соответствующее их состоянию, возможно было способ пресечь, людей своих и крестьян обольстясь большою ценою посредством продажи за других в службу а из целой деревни выбирая лучших людей отдавать, и чрез то оставших своих крестьян доводить до *крайнего раззорения* и бедности, запрещается во время таковых наборов с публикования о том Указов впредь три месяца никому ни под каким видом людей своих и крестьян не продавать и в судебных местах во все то положенное время на оных крепостях не писать“...

„Хотя доныне рекрутам складочная цена и полагалось 60 руб. 14 коп., но довольно известно, что купить в рекруты добровольно за ту цену никак не возможно, к такому-ж с заводчиков за мастеровых людей по 100 руб., а за доимочных рекрут по 120 рублей“.

„Принимать в рекруты из положенных в подушной оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных от 17 до 35 лет, ростом (если кто больше не поставит) в 2 аршина 4 вершка без обуви“.

„Есть-ли-ж при отдаче плательщиками рекрут кто из оных станет объявлять у себя какие внутренние болезни, которых наборщикам и лекарям, или подлекарям узнать будет невозможно, а приводцы покажут, что они те болезни притворяют себе ложно.., и есть-ли по усмотрению приемщиков вид представленного в рекрута не показывает его скорбным, таких принимать, несмотря на отговорки их“...

„У всех рекрут при приемах *выбривать лбы*, чтоб оные по таким предметам виднее были, и так к побегу менее случаю имели, а к жительству в бегах некоторым образом и надежды лишены были, да и волосы им не отдавать, что чинить и в командах, не давая им заращивать оных, пока они к полкам приведены будут“...

„Буде отданного в службу пожелает брат его, или сын, или же племянник пришедший в возраст переменить сие также не запрещается, однако оных желающих принимать с воли помещиков их, а дворцовых с воли начальств“..

„Кто же из людей, или крестьян, бежавших от помещиков своих, напишут себе воровские отпускные, или пашпорты, и имена себе переменят, и прямых своих владельцев утаят, оных... *бив нещадно плетьми*, годных в службу писать в солдаты, или в погонщики, а негодных ссылать к Нерчинским заводам... которых-же из них помещики к себе принять по прежнему пожелают, таких отдавать им с вышеписанным же наказанием обратно“.

„Ежели кто из назначенных в рекруты нехотя служить отсечет сам себе у руки пальцы, либо какой член, или другою какою раною себя уязвит, таким чинить жестокое наказание, а именно: которые ружьем владеть могут, тех гонять шпиц-рутен *сквозь пять сот человек* три раза и определять в солдаты; а кои ружьем владеть не могут, с таким-же наказанием писать в извощики, ежели ж за большим увечьем в извощиках быть не годны, тех *бить плетьми нещадно и ссылать в каторжную работу по смерть*“...

„Небезызвестно Правительствующему Сенату, что из Государственных, экономических и помещиковых

крестьян многие годные в службу и очередные к отданию в рекруты, уведав о наборе, оставя свои домы разбегиваются и укрываются у разных чинов людей, а другие, предупреждая наборы, повреждают себе члены, рубят пальцы, выкалывают и разными другими способами портят глаза, вырывают зубы, растравливают руки и ноги и надеются сделать через то себя к службе неспособными"...

Так спокойно повествует канцелярским языком закон того времени, но не чувствуется ли за этими холодными буквами весь ужас неволи крестьянства, не проступают ли через эти белые страницы потоки крови и реки слез сдавленных рабством людей?

И несмотря на тяжелые наказания, на нещадное битье плетьми и угрозы каторгой, из дел 1838 года мы видим, что и в Арханском приказе были бежавшие с военной службы. Так в этот год шло сложное следствие об удельных крестьянах дер. Тучева Михаиле Алексееве, дер. Чернавы — Даниле Семенове и вотчины Г. Маслова сельца Курилкова Андрее Кондратьеве и Кожанкова — Никите Наумове, у которых, будто бы, несколько времени проживали дезертиры: Алексей Ефимов Жуков, Артамон Никифоров, Федор Данилов и по имени Трофим.

А в 1841 году от госпожи порутчицы Сомовой убежал со сделанной фальшивой отпускной дворовый человек Андрей (Якимов) Анисимов с семьей и по этому делу затаскали в Весьегонский земский суд подозреваемого в прикосновенности к этому делу кр-на дер. Толстикова Якова Федорова.

Из нескольких документов мы видим также и о побеге других крестьян нашего уезда от своих господ.

От Весьегонского помещика, отставного штабс-капитана Петра Арсеньева Измайлова в 1837 году 24 июня

бежали неизвестно куда крепостные его дворовые люди Прокофий Степанов 29 лет и Семен Родионов 28 лет; от весьегонской помещицы штабс-капитанши Софьи Григорьевны Измайловой в 1838 г. 13 февраля сбежал крестьянин дер. Стрекачева Василий Корнов и „увел лошадь мерина чистова бурого, у которого грива на правую сторону негустая, хвост жидкий, росту среднего, десяти лет, стоющего 110 рублей"; от этих же помещиков сбежали один крестьянин, возвращавшийся из Петербурга в Макарово, и другой, отпущенный из Макарова на ярмарку, а также много других.

Нещадное битье плетьми в то время мы видим не только в отношении рекрут и солдат. Кнут не щадил и женщину и, наверное, не раз опускался и на детей.

Так из дела № 85 за 1853 год мы видим, что „крестьянская женка деревни Высочки, Арханского приказа, Анна Захарова за самовольную отлучку из места жительства, за ложное показание перед судом в том, что будто бы она побег учинила единственно вследствие делаемых ей мужем притеснений и нетрезвой жизни его, за прошение милостыни и за приобретение себе фальшивого вида на основании 84 ст. улож. получила при Устюжской полиции *60 ударов розгами*, возвращена домой и отдана на два года под надзор общества".

О жизни крестьянских детей того времени дает нам некоторый материал переписка о сельском училище и учениках оного по Арханскому приказу за 1856 г.

Из этих документов мы видим, что для 63 деревень, входящих в приказ, с 3042 душами мужского пола, имелось одно училище с 19-ю учениками, из которых 11 человек были назначены к выпуску за успешное окончание учения, 3 — исключены по безнадежности к продолжению учения, а остальные 5, повидимому, оставлены на повторительный курс.

О занятиях в этом единственном для целого приказа училище красноречиво говорит следующее послание Арханского приказа от 11 июня 1856 г. за № 1112 на имя учителя Рождественского.

„Так как в течении $3^{1}/_{2}$ лет у вас в училище до сего времени не было сторожа и за эту должность деньги 22 рубля серебром вы опускали в свой карман, а сторожевскую должность всегда отправляли училищные мальчики, да кроме того они у вас пасут ваших гусей, строют хлев и обрабатывают в огороде гряды; то чтобы чрез такое злоупотребление не подпасть приказу законной ответственности, — посылается вам в сторожа д. Тучева удельный крестьянин Фома Иванов. При чем приказ покорнейше Вас просит с этого времени не занимать мальчиков вышеозначенными работами“.

Несмотря на такую постановку дела, учитель Рождественский 18 июня того же года получил письменную благодарность (№ 4331) от самого управляющего Тверскою удельною конторою, в августе того же года ему подносится Тверью не то чин коллежского регистратора, не то губернского секретаря, а в отношении своем от 28 янв. 1857 г. за № 144 Арханский приказ называет учителя уже „его благородием“.

Весьма ценные сведения получаем мы из „списка о выборе мальчиков в сельское училище“ на место окончивших таковое в 1856 году.

В списке указаны все мальчики приказа от $7^{1}/_{2}$ до 12 лет, а в примечании имеются отметки о хозяйственном состоянии их отцов.

Между прочим, о девочках нигде нет ни единого слова и, таким образом, мы безошибочно заключаем, что для них и самая плохая школа была недоступна.

Из 114 мальчиков приказа 20 — никуда негодны по причинам: нем и глух, падучая болезнь, косноязычен,

на голове парша, венерическая болезнь, кашляет удушливо, родимец, воспаление в глазах, запор в мочевом пузыре — вот болезни, которым подвержены были эти маленькие рабы!

Из остального числа мальчиков приходилось вербовать в школу путем назначения и жеребья, так как почти каждый родитель отказывался давать сына, ссылаясь на нужду и недостаток в семье работников.

Лишь в отметке о кр-не дер. Юрьева Иване Иванове, имевшем сына Харитона 12 лет, обозначено:

„бедного состояния. Мужик смирный и *не поспорил* нисколько, что возьмут мальчика".

Чаще же всего имеются такие отметки:

„дер. Горки Кирилл Фадеев посеял поле невсхожим овсом, хлеб не уродился и теперь от того обеднел"...

„дер. Микшеева Осип Сидоров бедного состояния и отзывается болезнью ноги, вследствие упавшего на него бревна при постройке дома после пожара"...

„дер. Микшеева Кирилл Александров среднего состояния. Пять лет, как выгорел совершенно. Отзывается, что много на нем долгу и еще не построился никакою огуменною постройкою"...

Лишь у имеющих кой-какой достаток в хозяйстве можно было взять ребенка. Вот пример этому.

„Дер. Решетихи Архип Богданов имеет сына Филиппа. Порядочного состояния и взять следует".

Следует упомянуть, что и в то время в деревнях, хотя и единицами, но уже имелись *богатые* „мужички".

Так, в том же списке мальчиков, за кр-ном дер. Чернавье Андреем Федоровым имеется отметка „богач, барышник, торгует лошадьми", а за кр-ном дер. Мисенихи Осипом Степановым — отметка, „хорош, богат, бывший смотритель"...

В великой нужде, в болезнях, работая от зари до зари, влачила свою убогую жизнь беднота подъяремного

времени, не смея ослушаться грозных криков начальства и не имея надежды найти где-либо правду и облегчение в своей горемычной доле.

Документы прошлого говорят нам о том, что были попытки со стороны наиболее смелых, а может быть наиболее измученных, искать справедливости за пределами своего приказа, но эти попытки не приводили ни к чему.

Так, в 1841 г. удельный кр-н дер. Холма Илья Федоров вошел в Тверскую удельную контору с жалобой на приказного голову Андрея Филимонова в жестоком наказании его при добросовестном Даниле Кондратьеве и других (дело № 48 от 17 июля), но жалоба эта так и осталась без последствий.

25 июня 1853 г. кр-н дер. Копаево Михайло Васильев пошел в Петербург с намерением подать какую-то жалобу министру уделов, но за самовольную отлучку без письменного вида по распоряжению департамента уделов был выслан этапом из Питера и по доставлении в Арханский приказ умер, а за выданные ему на дорогу пару котов, стоивших 1 руб. 40 коп. серебром и 34½ коп. на кормовые, были взысканы деньги уже после смерти с его хозяйства.

Для того чтоб полнее нарисовать жуткую картину крепостничества, мы должны остановить еще свое внимание на положении крестьян помещичьих и на самих помещиках.

О последних сначала мы и поведем свою речь...

Их было много... Так много, что мы нисколько не ошибемся, если назовем весь наш уезд одной сплошной помещичьей вотчиной.

Даешься диву при мысли о том, какими судьбами мог прокормить небогатый весьегонский крестьянин такую свору паразитов.

Сколько надо было крови, пота и терпения на то, чтоб возить на своей шее столько бар; давать им возможность сладко пить и кушать, нежить и холить их; воспитывать по разным пансионам и институтам и содержать при них ораву разной челяди.

Не потому ли до сего времени как-то „притулившись“ ходит весьегонский пахарь, которому помещичий хомут до крови набил шею и, искривив ее, пригнул книзу голову.

Да правда ли это? — спросит нас читатель. — Действительно ли уж так много было этих трутней и от них ли испортилась мужицкая спина и шея?

Да, правда, говорим мы! И, взявшись по мере сил рассказать здесь историю нашего края, мы правдиво и ясно ответим на все волнующие вопросы.

Намереваясь выяснить число помещиков, мы считаем нужным заранее предупредить, что хотя сведения наши и будут безукоризненно правдивы, но все же — далеки от точного числа, так как у нас нет ни времени, ни места на то, чтобы вогнать на эти страницы всю ту орду, которая вольготно и весело жила и баловалась на спине весьегонского мужика.

За исключением удельных, не было ни одной деревушки, которая бы не была прибрана к помещичьим рукам, и каждый крестьянин нашего уезда был не просто крестьянин такого-то места, а прежде всего — дворовый человек такого-то господина, о чем нам уже толково и ясно рассказали записи в церковных книгах наших попов.

Весь уезд был помещичьим дворовым. Все, что было над землей его, на земле и под землею, принадлежало помещикам.

Их было очень много... А так как они были особенно плодовиты, то имели около себя дюжины домашних

и родных. А так как они были господами, то около них было бесчисленное множество разных управляющих, надсмотрщиков, старших и старост, которые ревностно, как псы, стерегли барское добро и „застаивали“ господские интересы. Около помещиков были целые стаи усадебных прихлебателей, всех этих полуюродивых плутоватых старичков, старушек, монашенок, что услужливо чесали барские пятки и сгоняли с лысины ленивых господ дерзких мух.

Всех их было видимо-невидимо!

Как черная густая туча, висели они над убогими деревушками, застилая от глаз весьегонского мужика и солнце и счастье.

Сладка ли была жизнь „под ними“ подневольному весьегонскому крестьянину?

Мы знаем уже из документов, каково было тогда житье, да и ушедшие в могилу наши деды в долгие зимние вечера на печке с опаской, шепотком поведали нам кое-что о том времени.

Они рассказали, как со свистом рвала в клочья мужицкую спину хлесткая барская плеть, и мужицкая кровь брызгами летела на стены господских конюшен.

Они рассказали, как за малейшую провинность, неугодливость барину забривали лбы мужицкой молодежи, угоняя ее из родных изб в двадцатипятилетнюю солдатчину на потеху и под палочные удары одетых в офицерский мундир дворян.

Они рассказали, как несчастные дворовые девушки сразу же из-под венца шли в барскую спальню и отдавали свою первую брачную ночь похотливому господину.

Прошли года... Время похоронило в туманной дали многие дела прошлого. Стерлись следы мужицкой крови на господских конюшнях. Смолкли стоны

замученных на барщине, в казармах и ссылках мучеников-рабов. Затерялись господские плетки...

Но то, о чем нам поведали деды, не умрет никогда. Мы, слышавшие это, передадим другим, другие — третьим, и из поколения в поколение будет переходить эта мужицкая повесть о временах рабства и мученичества...

Удовлетворяя желанию читателей, мы возвратимся назад и постараемся ответить на их вопрос о том, какое количество всадников ездило на шее весьегонского мужика.

Ну-с, смотрите! Перед вами пройдет сейчас целая орава эксплоататоров, которым когда-то принадлежали и люди, и звери, и птицы, и рыбы Весьегонского уезда.

Посмотрите последний раз на этих бывших богачей, пропустите парадом мимо себя палачей ваших дедов, и как только поравняется с вами последний из них, плюньте им вслед и благодарно скажите: „попутный ветер в спину!"

А теперь речь к ним.

„Равняйсь, барское отродье! —

Смирно!..

Паразиты Весьегонского уезда, шагом марш!"

Вот, смотри, товарищ читатель, они идут, эти рабовладельцы-крепостники, дворяне-помещики, в порядке принадлежавших им когда-то волостей.

Антоновской волости: Олсуфьева, Шубинский, Карякин, Еремеев, Головачев, Патрикеев.

Арханской волости: фон-Баранов, Скарятина, Гамова, Голоперов, Федорова, Окунева, Шварц, г-жа Веселаго, Головачев, г-жа Друри.

Бельской волости: Шварц, Веселаго, Горбатов, Грызлов, Головачев, Гебель, Шилинг, Патрикеев.

Володинской волости: Тютчев, Рагозин, Деленч-Ленчевский, наследник г. Шатохина, Овцина, купец Камкин, Скуратова, Канбиба, фон-Гагман, Мартьянов, Стромберг.

Делединской волости: Змиева, Павлова, Дораган, Беркут, Лесовицкая, Сидоров, Петров, Андреев, Иванов, Лодыгина, Штемпель, Лездневы, фон-Баронов, Гамова, Голоперов, Мунд, Друри, Нилов, Верховская, Ботовы, Карцева.

Залужской волости: Патрикеева, Пыжев, Ухтомский, Колюбакин, Балкунов, Снаксарев, Патрикеев, Трегубов, Маслов, Землина, Шевелева, Сабанеев, Жданова, Патрикеев, Шварц, Шилинг, Воейкова, Савелов, Меллина, Чертков, Козлова, Ханыков, Никулин, Головин, Желобова, фон-Нольде, Ушаков, Окунев, Сипягина, Вальмус, Веселаго, Кузьмин-Короваев, Батюшковы, Ульянова-Дювар-Руссо, фон-Нон-Бек.

Кесемской волости: Батюшков, Чертков, Оболенский, Философова, Ивановская, Шнедер, Делединский, Пыжев, Вырубов, фон-дер-Нонна, Штемпель.

Лопатинской волости: Ушаков, Артимеев, Давыдова, Павлов, Бырдина, Никонова, Веселаго, Крицкий, Урениус, Маколютина, Новицкая, фон-Райзер, Стромилова, Поздняков, Заворова, Косаговская, Писарева, Ирицкий, Головачев, Змортвинова-Тарасевич, Мамлянская, Полтев.

Любегощской волости: Масляницкая, Сабанеевы, Никонова, Шевелева, Караулова, Соловьева, Копосова, Веселаго, Мишустины, Шварц, Батюшковы, Кубаркина, Мясоедова, Маслов, Саванчеев, Патрикеев, Курбатова, Сторпова, Меллина, Ухтомский, Сомова, Грызлов, Головачевы, Окунев, Снаксарев, Козьминская, Калитеевский, Ушаков, Свербеева, Данович,

Черносвитова, Дементьев, Панова, Ханыков, Путятина, наследник Самсоновой, Зыков.

Лукинской волости: Лосева, Караулов, Овцына, Карякина, Ушаков, Шилинг, Маркова, Корсаковы, Яковлев, Андреев, Соловьева, Дементьев, Томиловская, Черемхин, Войнов, Друри, Лесникова, фон-Бок, Веселаго, Слободские, Перская.

Макаровской волости: Рогозина, Жуков, Дружинин, Литтебранд, Бырдин, Перский, Шварц, Десятов, Веселаго, Сомов, Ухтомская, Путятина, Измайловы, Масловы, Гаттенберг.

Мартыновской волости: фон-Баронов, Шилинг, Дыбин, Пантелеевы, Дюклу, Коренева, Ханыков, Юдин, Землин, наследник г-жи Постельниковой.

Михайловской волости: Вражский, Рашков, Путятина, Карякина, Бырдина, фон-Райзер, Безруцко-Высоцкие, Обергард, Минины, Трувелмер, Стромберг, Неплюев.

Никольской волости: Веселаго, Пыжева, Салтанова, Райзер, Заворовы, Головачевы, Родичевы, Веригина, Семичев, Сеславина, Снаксарева, Лодыгина, Плотникова, Томановская, Гроттель, Стромберг, Гротке, Калитеевская, Голенищева-Кутузова, Грязева, Шиллинг, Ушаков.

Поповской волости: Корсаков, Карякин, Мартьянов.

Прудской волости: Кисловский, Кузьмины-Короваевы, Стромберг, Желобова, Тютчев, Коропчевский, Карпачева, Милородович, Сальковская, Юзефович, Бешенцова.

Путиловской волости: Карякина.

Телятинской волости: Сабанеев, Ухтомский, Поярков, Шаховской, Константинов, Сабанеев, Ухтомская, Антонова, Свербеев, Ляпунов, Шилигин, Че-

ремхин, Белый, Балкуновы, Мерлина, Родичев, фон-Райзер.

Топалковской волости: Абрам Леонтьев, Илья и Дементий Евстратовы, Дементьев, Шилинг, Казнаков, Пыжова, Тондер, Караулова, Фроловские, Еремеевы, Шварц.

Хабоцкой волости: Корпачева, Желобова, Емельянов, Дельвиг-Кильдеев.

Чемеровской волости: Остроченко, Гессе, Дюклу, Вагнер, Адамович, Старкова, де-Тейльс, Иванова, Седов, Боборыкин, Кавелина.

Чистинской волости: Ярцева, Андреев, Овцына, Курбатова, Старкова, Серебряницкая, Шварц, Рыкачев, Раммон, Дубельт, Остафьева, Ушаков, Голенищева-Кутузова, Грязнова, Еськава, Реут, Голиновский, Верховская, Шварц.

Каково, товарищ? Здесь надо несколько раз передохнуть только при чтении этого черного списка, а как же „дышали" те тысячи рабов, над которыми творили и „суд свой и милость" эти сотни почти самодержавных хозяев?

Сосчитай-ка, в скольких хищных руках со стоном корчился многострадальный весьегонский землепашец!

А к этому следует еще заметить, что вся эта дворянская свора не в разное время владела нашим пахарем, передавая его из одних рук в другие, а одновременно держала в руках все деревни горемычного края и настойчиво трясла и душу и тело „своего" крепостного мужика.

И если братья последнего, находясь в казне „под государем", не видели ни искорки света, правды и жалости, так сам крепостной был в несколько раз несчастнее их.

Царем и богом его был один только хозяин-помещик, для которого в своей усадьбе не были писаны никакие законы, который мог одной рукой среди бела дня согнуть мужика в дугу, а другой — выпрямить...

И рассказав о жизни удельного крестьянства, мы думаем, что нам нет нужды подробно описывать жизнь крепостных, так как ее по той картине легко представить: если там удельный платил рубль — крепостной здесь — три, если там удельный получал 60 розог — крепостной здесь за то же принимал 180...

И таким образом страдания удельного, увеличенные в три раза, составят страдания крепостного.

Эта нехитрая арифметика без лишних слов даст лучшее представление о барском иге.

Однако, для удовольствия еще существующих многочисленных отпрысков дворянского весьегонского рода, мы напомним им в нескольких строках то „золотое“ время, когда можно было жить без заботы и труда...

Вот — добро его превосходительства господина весьегонского помещика генерала Шварц.

В 1859 г. в Чистинской (ныне часть Покрово-Коноплинской) волости и в других местах нашего края он имел 30 001 десят. 1499 саж. удобной земли и 789 десят. неудобной.

В его распоряжении имелось 698 крестьянских дворов (1086 тягол), которым в пользование дано было 5336 десятин, за что они, его крестьяне, обрабатывали в пяти хуторах господской запашки по 504 казенной десятины в каждом поле, должны были выкосить до 2000 десятин сенокосов и кроме того уплачивали в год 10 945 руб. 70 коп. оброка.

Вот — добро весьегонского помещика Андрея Александровича Черткова, хозяина селения Ясинева, Лобневского общества,

По 10-й народной переписи в селении значилось мужского пола крестьян 48 душ.

Пользуясь 280 десятинами 275 саженями удобной и неудобной земли, они составляли 26 тягол (семей) и находились на смешанной повинности. Повинность эта состояла в том, что крестьяне платили оброку с тягла в год 25 рублей и сверх того обрабатывали с трех тягол десятину ржи и десятину овса, т.-е. должны были десятины вспахать, заборонoвать, перепахать, засеять, запахать, сжать, скопнать и в скирды убрать. В один день с тягла обязаны были вывозить навоз на господское паровое поле. Три дня с тягла косить траву, сгребать, копнить, сбирать в стоги и, когда потребуется, перевозить... (Следующий лист „Уставной грамоты", из которой мы сообщаем эти сведения, поврежден, так что нет возможности указать, что еще лежало на обязанности крестьян.)

Вот — добро того же помещика Черткова, состоящее из разных селений Пятницкого общества: село Пятницкое — мужского пола крестьян 40 душ, деревня Большая Поповка — 44 души, дер. Доманово — 54 души, дер. Старое Шилково — 43 души, дер. Новинка — 43 души, дер. Грязная Поповка — 34 души, дер. Крупицы — 17 душ, дер. Колиберово — 29 душ, дер. Мелюхино – 31 душа, дер. Калинка — 24 души и дер. Петряйка — 24 души.

Всей земли состояло в пользовании крестьян означенных одиннадцати селений при селениях и в отхожих пустошах, удобной и неудобной (занятой болотами, речками, ручьями и дорогами), 2045 десятин 386 саж.

Во всех селениях считалось всего 210 тягол, из них 65 тягол отбывали издельную барщинскую повинность, а 145 тягол состояли на повинности смешанной. Последние платили оброка 25 рублей с тягла в год, сверх

того отрабатывали с трех тягол десятину ржаную и десятину яровую, день с тягла отбывали в навозницу, три дня в покос и в год давали одну подводу под своз хлеба...

Вот несколько примеров о положении помещичьих крестьян нашего уезда.

И если от непосильной работы, голода и холода трещали кости весьегонского мужика, так в это же время от сладкой лени, сытой еды и уютного тепла нежно урчал живот весьегонского барина, переваривавшего крестьянскую кровь и силу...

Начиная с *1861* года, каждое 19 февраля торжественно неслись по весьегонским полям, лесам и деревням звоны с поповских колоколен, возвещавшие о празднике освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Не привыкнув сейчас слепо верить поповским речам, мы, читатель, теми же путями, какими шли по прочтенным страницам, пойдем далее и посмотрим: стоит ли и теперь звякать медью и будить людей 19 февраля?

Под нашими руками снова шуршат свидетели былого времени — пожелтевшие книги и документы...

Распростившись выше с удельными крестьянами, мы на минутку вернемся к ним, так как сейчас нам попалась в руки „копия с окладной книги о доходах удельных и казенных с крестьян по Арханскому приказу ведомства Тверской уд. конторы за октябрь месяц 1861 года“.

Из этой копии мы видим, что в то время в приказе плательщиков крестьян, состоящих на поземельном сборе, было 2914 душ и на подушном оброке — 207, а всего 3121 душа.

В 1861 году с них следовало получить поземельного сбора, подушного оброка, казенных податей и земских

повинностей — 16 462 руб. 38½ коп. И к 1 ноября 1861 г. в счет этой суммы ими было уплачено 13 465 руб. 74¼ коп...

Удельный крестьянин, таким образом, попрежнему находился в том положении, в каком мы оставили его ранее.

Какая же перемена произошла в положении помещичьих крестьян нашего уезда?

Вернемся за этими справками к недавно упомянутому нами помещику Черткову.

Крестьяне дер. Ясинева, состоя до 1 января 1862 года на смешанной повинности, с этого времени были переведены на чистый оброк, при чем, в виду того, что местным положением о поземельном устройстве их высший размер душевого надела по примечанию к ст. 15 этого положения был определен для местности, где находится селение, в 4 десят. 1200 саж. и по числу бывших тогда 53 душ им полагалось на все общество 239½ десятин, помещик Чертков уступил крестьянам 245 десят. 1256 саж. в постоянное пользование (даже дал сверх закона, — не зная куда деть неудобную землю), а себе отрезал лишнюю часть, которою крестьяне владели,—20 десят. в пустоши Кумшино и 14 дес. 1419 саж. из полевых крестьянских угодий.

Таким образом, выпустив их на „волю", он еще смог урвать у них жирный кусок земли, имея на то законное право.

Кроме того, за предоставленную в постоянное пользование сельского общества землю - 4½ десят. на душу— крестьяне, на основании 3-го примеч. ст. 168 местн. положения, с каждого душевого надела должны были платить помещику Черткову по 9 рублей в год, так что со всех 53 душевых наделов полагалось ему 477 рублей.

Чистый оброк, на который крестьяне были переведены, они обязывались вносить помещику в два срока: 1 января и 1 июля.

Из числа душевого оброка относилось на усадьбу 1 р. 50 к., так как она причислялась к 1-му разряду по ст. 243 местн. пол., вследствие чего повинность за пользование этой усадебной оседлостью составляла в год 79 руб. 50 коп., а выкупная сумма за всю оседлость 1325 рублей.

Крестьяне селения согласились выкупить усадебную оседлость, полевые земли и угодья, вошедшие в их надел, и дополнительный платеж с них, следующий к выкупной сумме, помещик снисходительно рассрочил на шесть лет.

Точно такая же „история“ была проделана Чертковым с вышеупомянутыми нами одиннадцатью селениями.

В уставной грамоте — договоре помещика с крестьянами — так изложены условия выхода на волю крестьян Пятницкого, Большой Поповки, Романова, Старого Шилкова, Новинки, Грязной Поповки, Крутцов, Колиберова, Мелюхина, Калинки и Петряйки.

„Для местности, где находится сельское общество, определен местн. полож. о поземел. устр. кр-н высший размер душевого надела, по примеч. к ст. 15 местн. полож., в 4 десят. 1200 саж., а по числу 374 душ селений высший размер надела на все крестьянское общество составляет 1685 дес.

Так как кр-не ныне пользуются землею в большем против высшего размера в количестве, то предоставляю им в постоянное пользование полное количество земли по расчету высшего размера 1683 дес. 1060 саж. затем остальная земля бывшая в пользовании крестьян в числе 316 дес. 1725 саж. отрезается от их надела и обращается в непосредственное мое распоряжение В отрезку от кр-н поступили отхожие пустоши Турово

44 дес. 116 саж., Саломиха 60 дес. 400 саж., Крюково 41 дес. 2100 саж. и от запольной крестьянской земли 170 дес. 1510 саж. Находящиеся в крестьянском наделе, кроме того лесные пространства, Мелюхинская роща, часть пустоши Бурковой, пруд и по обеим сторонам оного березовая роща близ деревни Доманова, не включены в крестьянский надел и оставлены за мной.

Усадебная крестьянская оседлость не подлежит переноске. Водопой у крестьян отдельный.

За предоставляемую мною в постоянное пользование сельского общества землю в количестве $4^1/_2$ дес. на душу, причитается мне, на основ. 3 примеч. ст. 168 местн. полож., с каждого душевого надела по 9 руб. в год, а со всех 374 душевых наделов 3366 рублей.

Крестьяне до 1 января настоящего 1862 г. состояли на смешенной повинности, но с сего времени по добровольному с ними соглашению переведены все на чистый оброк по положению. Вследствие сего означенный оброк обязаны они вносить мне в два срока: 1 генваря и 1 июля.

Из числа душевого оброка относится на усадьбу 1 руб. 50 коп., так как она причисляется к 1-му разряду по ст. 243 местн. полож. Вследствие сего повинности за пользование сею усадебною оседлостью крестьянского общества составляет в год 561 руб., а выкупная сумма за всю оседлость 9350 руб.

За исправное и своевременное отбывание определенной денежной повинности ответствует круговою порукою все сельское общество". —

Таким образом, 19 февраля 1861 года не разрубило той цепи, на которой держал помещик крестьянина.

„Воля" осталась в царском манифесте, а здесь, в нашем крае, выразилась лишь в том, что спустя несколько времени в Чуриковских церковных книгах вместо „крепостного" попы стали писать „временно-обязанный".

Из следующей нижеприводимой бумаги мы увидим, что помещик вместо всяких сборов по душам и неизбежных в этом случае проволочек мог получить сразу

*

кругленькую сумму и зажить, ничего не потеряв на пресловутом „освобождении“.

Документ исходит от тверского губернатора, на бланке которого стоит штамп губернского по крестьянским делам присутствия. Адресованный 20 сентября 1866 года за № 4778 „Весьегонскому помещику Александру Августовичу фон-дер-Нонне“, он сообщает:

„Главное выкупное учреждение, утвердив выкупную сделку г. фон-дер-Нонне с крестьянами Весьегонского уезда, селений: Абросимова, Корнягова, Лобнева, Плоскова, Тимошкина, Нового-Шилкова, Вяльцева, и Ясинева в числе 348 душ, разрешило под выкупаемую крестьянами землю в количестве по сел. Абросимову и Корнягову 247 дес. 1200 саж. за повинность и 19 дес. безвозмездно, Лобневу, Плоскову, Тимошкину, Новому-Шилкову и Вяльцеву 1080 дес. за повинность и 7 дес. безвозмездно и Ясиневу 238 дес. 1200 саж., выкупную ссуду 41 760 руб., срок с 1-го августа 1866 г.

Вследствие полученного об этом уведомления на отношение, от 2. VII № 24 506, губернским присутствием было сообщено главному выкупному учреждению, отношением от 13. VII № 3845, о беспрепятственной выдаче ссуды в С.-Петербурге владельцу или его уполномоченному.

(Подпись) Генерал-Лейтенант *Кн. Багратион*“.

В общем дело вышло так, что те помещики, коим неудобно и хлопотливо почему-либо было сидеть на земле (из-за плохого ее качества, неименья хороших сел.-хоз. орудий и т. п.), с охотою дали ее „в постоянное пользование крестьянам“ и, получив крупную сумму денег, ехали из ограбленного уже ими Весьегонского уезда в столицы и города спокойно подвизаться на государственной службе, хорошо оплачиваемой и несущей с собою чины и ордена.

У тех же помещиков, кои владели выгодной землей, дела тоже текли великолепно. Свалив неудобную землю

крестьянам и получая с них за это ежегодно оброк, на который можно было вволю пить и кушать, на своем собственном участке они домовито хозяйничали, делая его „полной чашей".

Доказательством последнему служат сведения из „описи строений" и имущества, находящегося при сельце Данилкове к 1 апреля 1874 г.

Здесь мы видим, что к 28 марта того года при сельце состояло налицо в помещичьем хозяйстве:

106 овец (разной породы),

20 лошадей (среди них и английских),

68 коров (разных пород),

4 породистых быка,

17 телят.

И в то время, когда одна часть барства прожигала деньги в столицах, а другая—пила парное молоко и стригла овечек в своей усадьбе, весьегонский мужик, отпущенный на „волю",—*попрежнему снимал портки и ложился под розги.*

Перед нами—„решение Кесемского волостного суда, состоявшегося 25 августа 1874 года", из которого мы видим следующее.

„1874 г. августа 25 дня, крестьянин д. Абросимова Иван Семенов Купчин в прошении своем, поданном в волостное правление, просит, что его крестьянин дерев. Ясинева Афонасий Петров обличал в краже леса у доверителя его Эйзеншмидта в бытность его в сельце Даниловском, а потому просит за ложную клевету Петрова подвергнуть ответственности.

Кесемский волостной суд, рассмотрев показания сторон, и в виду оправдательного заявления доверенного Эйзеншмидта Покровского постановил:

крестьянина дер. Ясинева Афанасия Петрова за обнесение ложно чести крестьянина Ивана Семенова Купчина, лесника Эйзеншмидта, наказать розгами восемнадцатью ударами, о чем ему и объявить.

Волостные судьи; Ефим Григорьев, Василий Тимофеев и Иван Петров, а вместо их неграмотных по личной просьбе фельдшер Сергей Алексеев Скворцов руку приложил“. —

И получая попрежнему „горячие“ оформленные законом плети в судах и оплеухи и зуботычины от всех властей „предержащих“, весьегонский пахарь, благосклонно отпущенный помещиком на „волю“, надрывался в работе, выколачивая из земли деньгу за „свободу“, постепенно влезал в долг, корчился и бился в тисках суровой нужды и заботы.

Перед нами ценные сведения о положении крестьян к 1882 году, из коих мы видим — каким добром наградили помещики своих крепостных и как чувствовали себя прикрепленные к своим наделам землепашцы.

Вот — Михайловская волость.

Несмотря на то, что самими помещиками-владельцами земля здесь была оценена в 1859 г. по 10 руб. за десятину, крестьяне принуждены выкупать ее по 25 руб. Надел плох и не дает свести концы с концами. Пахарь рад бы приобрести удобную землю, и ее легко купить также за 10 руб. дес., но надо заботиться об ежегодной уплате повинностей за надельную землю, которую даже и за эти повинности никто не берет у него в аренду. Признаками несоразмерности выкупного платежа с доходностью земли является здесь в некоторых селениях то обстоятельство, что наделов, покидаемых ослабевшими крестьянами, не берут даже и за половину выкупного платежа. Крестьяне этих селений — „в долгу по самые уши“, и только некоторые, благодаря промысловым заработкам, кое-как еще выкручиваются. Взглянем на деревни волости в 1882 году.

Абакумово. 49 ревизских душ, 23 хозяйств. крестьянских двора и 5 бобыльских, В наделе 211 десят.,

из коих 117 пашни и 30½ дес. покоса. Особого выгона нет, леса тоже. Местоположение гористое, почва сухая, каменистая. В 28 дворах деревни 163 души обоего пола, а от 18 до 55-летн. возраста только 31 работник. Крестьяне ежегодно покупают хлеба до 46 четвертей, что стоит около 500 руб. Ежегодно селение уплачивает до 505 руб. всяких повинностей. Недоимок за ним уже накопилось 800 руб.

Старая Горка. И здесь производительность земли далеко не соответствует лежащим на ней выкупным платежам, вследствие чего бывают случаи отказа от наделов, и в настоящее время один надел лежит впусте. Местных промыслов нет; уходить на заработки могут только 6 чел. из деревни. Единственная поддержка — аренда земель у соседних землевладельцев.

Арендою земель поддерживают свое хозяйство и Новая Горка и Хмелево.

Студеник и Мощанское так тяготятся выкупными платежами, что в них есть домохозяева, сдающие свою надельную землю только за половину повинностей. Если бы не занятие шерстобойным ремеслом по зимам, да извоз и „заделье“, т.-е. рубка и возка леса, то здесь бы быстро уменьшалось число работников и быстро увеличивалось число бобылей, что однако уже и сейчас происходит постепенно.

В Борках имеются пустующие наделы.

В Лукошине надельная земля весьма дурного качества. Признаками тягости выкупного платежа является здесь, кроме убыли рабочих душ, сдача наделов за половину повинностей. Некоторые же наделы и на этих условиях платы никто не берет: у одного домохозяина два надела совершенно пустуют, выкупные же платежи за них вносятся, куда следует, из сторонних доходов. Недоимки накопилось 242 руб.

Выручает немного лишь зимняя рубка и возка леса.

В Бахтове население не увеличивается, что является признаком неблагоприятных экономических условий. Пашня тоща, сенокосов весьма мало, да и те дурного качества (низки, болотисты). Крестьяне живут арендным сенокосом. Выручает дегтярный промысел.

В Спорном — земля весьма дурного качества. Крестьяне бедствуют. Селение, в 11 крестьянск. и 1 боб. двор., должно ежегодно уплачивать 341 руб. всяких повинностей (в том числе 216 руб. выкупного платежа). Недоимки — 1899 руб.

В Свиньине — земля тощая (лесная почва), тяжелая для обработки. Недоимок накопилось 1467 руб.

В Застровье — вследствие плохого надела крестьян спасает от великой нужды арендуемая земля, да выделка осенью и зимой деревянной посуды (кадок).

Тяготятся выкупными платежами также Попово, Ионово, Тинькино, Плоское, Большое и Малое Куземкино, Трубино, Исаиха.

Рядом с Михайловской волостью расположена в такой же возвышенной холмистой местности, с таким же тощим пахотным слоем почвы волость Никольская.

Большинство наделов волости находится в таком положении, что крестьянская семья, работая на них круглый год, не только не получает никакой выгоды и не может уплатить своих повинностей, но даже еще должна покупать хлеб.

И хотя земля в этом случае дает один только убыток, тем не менее она обрабатывается, так как крестьянин, не имея возможности ее оставить, должен как-нибудь питать свою семью, а для того, чтобы убыток был возможно меньше, он расширяет свой надел арендою угодий частных владельцев, которые, как более

ценные, берут охотнее, чем надел соседа, хотя бы последний и отдавался за половину выкупного платежа.

При отпуске крестьян на волю местные помещики так „обкарнали" их землю, что освобожденный пахарь очутился в положении человека, попавшего из кулька в рогожку.

Получилось так, что Никольская волость из бедной стала нищей.

Крестьяне не могли никак развернуться на отведенной им земле, приспособиться к ней, тем более, что с реформою 19 февраля соединен был переход от преимущественно натурального хозяйства к преимущественно денежному, т.-е. переход от уплаты части повинности натурою и части деньгами — к уплате их исключительно деньгами, а между тем местность, оставаясь удаленною от торговых и промышленных центров, продолжала быть исключительно земледельческою, в которой добыть столько денег на повинности, сколько требуется, оказалось нелегко.

Волость уплачивает разных повинностей—кроме страховых платежей—10 916 р.

По деревням волости дело обстоит так:

В Бродыгинском обществе, заключающем в себе Бродыгино, Никитино, Зелениху, Костыгово, Николаевское, Терпежи, Александрово и Гагино, многие крестьяне с удовольствием бы сдали свои наделы, но не находится желающих арендовать. При всей тягости земледельческих условий, они не могут покинуть надела, притом же обязательно выкупаемого, и должны обрабатывать его во что бы то ни стало, несмотря на бесплодность земли и бездоходность каторжного труда на ней.

Следствием таких условий является в этом обществе значительное количество бобыльского элемента

и малое число мужчин работников. Так, на 80 хозяйственных дворов общества имеется 20 бобыльских и на 543 души обоего пола — 122 работника.

Переход крестьян в бобыли совершается в виду невыгодности обработки надела и в дер. Полонском, Борисове и Требесове.

Не в лучших условиях, чем вышеописанные, находятся и деревни: Корочкино, Дудкино, Шернино, Сонцово, Шакшино и Вышатино.

Их тоже давят и разоряют высокие выкупные платежи.

То же самое испытывают и деревни: Кривая Гора, Изосимово, Лубеники, Богуславль, Староселье, Александрово, в которых на 64 хоз. двора имеется 11 бобыльских, а на 407 душ обоего пола — всего 78 работников.

Большинство деревень волости слишком бедно сенокосной надельной землей, в виду чего крестьяне должны много арендовать у соседних владельцев, при чем, благодаря сильной конкуренции между желающими нанять землю, арендные цены на нее сильно повышаются.

У некоторых селений мало пашни в наделе, и притом земля эта дурного качества, вследствие этого велик спрос и на наемную пахотную землю, за которую арендная цена также высока. Некоторые селения на аренду земель расходуют больше денег, чем на уплату выкупных платежей.

В Лопатинской волости без промыслов (рубки и возки леса к рекам и смолокурения) положение крестьян было бы невыносимо, так как почва здесь по качеству еще хуже Никольской; здесь гораздо больше пашен с боровою песчаною почвою, больше лугов с болотистым грунтом.

Лучшим показателем безысходной нужды крестьян служит дер. Бустрыгино. Деревня эта имеет по бума-

гам 6 окладных душ, но в действительности ни одной, так как здешнее крестьянское население или вымерло или разбрелось по белому свету. Живет в этой деревне теперь только одна бобылка, состоящую же при деревне землю держит землевладелец П. Л. Миротворцев.

Бедностью из бывших помещичьих крестьян отличаются деревни: Погорелец, Столбово, Сорогожское и Угрюмова Гора.

Тощим земельным наделом и малым количеством сенокосной земли страдают также: Стучево, Лыкошино, Сосновка, Дементиха и Столбово.

Вот—Топалковская волость, стоящая на почве из обширных болот и громадных пространств борового сыпучего песка. Селения ютятся на берегах Мологи и на небольших возвышениях среди громадного, векового, но уже значительно вырубленного леса. У большинства селений пахотные поля имеют настолько неблагодарную песчаную почву, что сколько-нибудь вознаграждающие труд урожаи возможны только при обильном удобрении, чего сделать за неимением скота нельзя.

У некоторых селений дурной надел разбит еще на несколько клочков, при которых наибольшие и нужнейшие для крестьян пахотные, подлежащие удобрению, участки находятся в 5, 6 и даже 7 верстах от селения. Так наделены селения, принадлежавшие прежде помещику Еремееву.

В плохих условиях находятся деревни: Добрый Бор, Борисовское, Нивицы, Залоги, Верхние Пороги, Сутоки, Мартемьянцево, Тюхтово, Язвиха, а к беднейшим относятся—Залоги, Раменец и Артемиха.

В несколько лучших условиях застаем мы Лукинскую волость, но и в ней есть селения, где надел

можно сдать в аренду разве только за половину повинностей, или и того дешевле, что, например, наблюдается в селении Редкуше. Наиболее тяготятся выкупными платежами селения: Харовичи, Халамеево, Макаровское, Збудово, Березницы, Дурниково, Борок, Заручевье.

Главная причина упадка благосостояния этих селений, выразившегося, между прочим, в убыли рабочего населения, заключается в недостатке сенокосной земли. Кроме того, некоторые из этих селений были более прочих отягощены барщиною во время крепостного права.

Щербовская волость по качеству почвы стоит выше Лукинской. Здесь пахотные земли лучше, сенокосы менее болотисты, а к тому же у крестьян много собственной купленной земли, и селения, не имеющие таковой, составляют исключение. Вообще волость принадлежит к лучшим в уезде.

Но и здесь есть деревни, в которых рядом с зажиточным крестьянским меньшинством существует большинство, с трудом выносящее уплату повинностей, как, например, в Щербове и Мокей-Горе.

Большая часть крестьян Залужской волости в крепостное право несла тяжелую барщину, но переход после этого от натурального хозяйства к денежному, требующему от 1156 крестьянских дворов уплаты 24 878 рублей повинностей (кроме страховых), был здесь тягостнее, чем где-либо в Весьегонском уезде, за исключением разве вышеупомянутого Замоложского края.

В Пятницком, Гоймарове, Большой и Малой Каменках, встречаются крестьяне, бросающие свой надел. К беднейшим относятся здесь Гоймарово и Попишка.

Но кроме этих селений вся остальная волость находится в далеко неудовлетворительном экономическом

положени из-за скудного количества скота и скудости урожаев.

Признаком трудности борьбы за существование служит здесь весьма значительный процент бобылей и безлошадных.

В виду того, что почва Макаровской волости имеет лесной характер, тяжела для обработки и непроизводительна, здесь положение бывших помещичьих крестьян тоже плохое, а по количеству имеющегося у них скота они — одни из беднейших в уезде, что нельзя сказать про государственных крестьян этой волости, которые обладают сравнительно пространным наделом и значительным количеством купленных пустошей.

Надельные земли помещичьих крестьян нередко сдаются за половину повинностей и дешевле, что мы наблюдаем в Елейцине, Неганове, Егнах, Кузьминском, Марьине (Макарьине), Улитине, Стрекунове, Квасове и Метлине, в котором, например, 5 наделов, никем не взятые, лежат в пустырях.

На 232 крестьянских двора тринадцати селений волости — 38 дворов бобыльских и 40 безлошадных, а на 1266 наличных душ обоего пола здесь имеется только 266 работников.

Особенно значительно здесь развит отхожий промысел.

Любегощская волость, хотя и имеет больше плодородных пространств, чем две предыдущие, благодаря обилию рек, имеющих отлогие берега с поемными покосами, но крестьянское население по благосостоянию низко и здесь в большинстве селений, где также встречаются случаи сдачи наделов меньше чем за половину повинности и наблюдается наличие бобыльских и безлошадных дворов.

В Чистинской волости у крестьян генерала Шварц отрезана большая часть сенокосных и выгонных угодий, так что каждая семья средним счетом должна арендовать сенокоса (на деньги, за работу, или за уплату натурою) на сумму от 10 до 15 рублей, а часто и более.

К беднейшим селениям принадлежат: Коноплино Покров, Скорлятино, Никольское, Орли, Лисишна и Веселки. Все эти селения отличаются малым процентом мужского рабочего населения и обилием бобыльского люда.

В Кесемской волости беднее других деревни: Холм, Грязная Поповка, Новинка, Мелюхино, Доманово, Крутец, Шилково, Мякишево, Губачево, отличающиеся относительно медленным приростом населения и малым процентом работников.

Но весьма бедные крестьяне встречаются во множестве и в других селениях, и надельная земля волости нередко сдается в наймы за уплату меньшую выкупного платежа. Тот факт, что надельная земля не имеет арендаторов даже за уплату половины повинностей, и в то же самое время немало земель частных владельцев охотно арендуются (в волости арендуются 3028 десят. за 4640 руб.), показывает, что выкупной платеж и здесь во многих случаях не соответствует доходности земли.

В таком же положении находятся селения Телятинской волости, где в Иван-Погосте, Погорелове, Арефине, Ещеве, Баранкове и Чурилове 19 наделов сдаются бесплатно, а в Григорове, Вошкине, Маринине несколько наделов за половину повинностей.

Случаи сдачи наделов за сумму меньшую выкупного платежа встречаются и в волости Чамеровской, где в Билюкове два надела отдаются за $^1/_3$ повинно-

стей, а в Топорищеве, Брикове, Чурилове и Романовском несколько наделов отдаются бесплатно.

Положение бывших помещичьих крестьян волости Арханской, принадлежавших генералу Шварц, одинаково с бывшею барщиною того же владельца по Чистинской волости. К беднейшим селениям относятся: Веригино, Горка и Андрейцево.

В Делединской волости беднейшие селения: Коньково, Курниково, Чеганцево и Рашково.

В волостях, примыкающих к г. Красному Холму, земля настолько ценна, что доходность ее, говоря вообще, не ниже выкупного платежа, но и в пределах этих волостей есть весьма бедные селения и встречаются случаи сдачи наделов за сумму низшую выкупного платежа, а именно: по Прудской волости в дер. Поповке 16 наделов сдаются за исправление изгородей, в Путиловской волости в дер. Янкино некоторые крестьяне сдают наделы из половины податей, в Терешкове 7 наделов сдаются бесплатно, в Подмонастырной Слободе 8 — также бесплатно. На тех же условиях сдаются несколько наделов: в Чумине, Боярском, Бабине, Григорове и Костычеве.

Увидев, таким образом, положение нашего края спустя 20 лет после 1861 года, — мы нисколько не ошибемся, если утвердительно скажем, что для крестьян вышеперечисленных волостей и селений был обычной поповской брехней торжественный звон во все колокола в день освобождения от крепостной зависимости.

Если после 19 февраля мужик несколько отодвинулся от барина и вздохнул хоть немного „вольнее“, то „волю“ эту он получил не как подарок, не по милости царя-освободителя и просвещенных человеколюбивых дворян (на что особенно упирают наши помещики, считая, что прадедушки их из тверского дворянства были

революционеры и боролись за свободу [1])... Нет! За 19 февраля мужик заплатил слишком дорогую цену, он его купил за бешеные деньги, и благосклонность дворян и их царя выразилась разве только в том, что они рассрочили мужику на долгие годы уплату этих денег, удержав его опять-таки в своей кабале, как неоплатного должника.

Что мужик по горло был всажен в долги, доказывается тем, что конец выкупных платежей для „выкупных крестьян“ нашего уезда должен был наступить в 1917 году, а для „крестьян оброчных“ — *в 1931-м!!!*

Вот какова была милость дворян и царя!..

И в заботах об уплате этих денег сильная часть деревни — взрослые работники — прощались с родимой, но неприветливой землей и шли, как говорят сведения от того же 1882 года, большею частью в С.-Петербург и Ярославскую губернию, где и пополняли великую армию *пролетариата,* становясь судорабочими, крючниками, мостовщиками, каменщиками, кульщиками, половщиками, батраками, городскою прислугою, фабричными и заводскими рабочими.

А в Весьегонском крае в это и последующее время попрежнему всеми делами заправляли помещики.

Управление делами уезда было сосредоточено в руках земства, которое через каждые три года, согласно положению 1890 года, меняло свой личный состав, состоящий из земских гласных.

---

[1] Даже известный деятель по освобождению крестьян Ал. Мих. Унковский, самый, как говорится, передовой из дворян, в просматриваемых нами стародавних бумагах выступает как обыкновенный помещик. Будучи по профессии присяжным поверенным, он получает от весьегонского помещика Петра Арсеньевича Измайлова доверенность от 6 марта 1868 г. „вести дело о завладении сельским обществом крестьян деревни Овсяникова части мне принадлежащей пожни Мостовой“.

Правом избрания в число этих гласных пользовались лица, имеющие так наз. *имущественный ценз,* т.-е. владели на праве собственности или пожизненного владения землей в размере не менее 225 десят. для нашего уезда, или другим недвижимым имуществом, стоимостью не менее 15000 рублей (заводом, мельницей, домом и т. п.).

В земские гласные в Весьегонске должны были пройти 19 дворян, 4 представителя от духовенства, купечества и торгово-промышленных обществ, товариществ и компаний и 9 представителей от крестьян, при чем последних до 1906 года утверждал *губернатор.*

Составляя из себя земское собрание, гласные обсуждали дела, и нет сомнения, что по своему составу все решения гнули в свою, дворянскую, пользу.

И если в земстве разбирались такие дела, как понижение выкупных платежей (чем земцы хвастались), то в данном случае ими руководили свои личные интересы: ведь нельзя же корову, от которой питаешься, оставить без внимания, когда она вот-вот протянет ноги.

Ярким образчиком работы „на себя" служит следующее дело, обсуждавшееся уездным чрезвычайным земским собранием.

„Доверенный землевладелицы Ольги Кирилловны Веселаго, А. И. Веселаго, словесно обратился к собранию с просьбою не взыскивать с нее штрафа, наложенного г. мировым судьею, за порубку леса на 30 саженном пространстве полотна почтовой дороги, так как до сего времени все землевладельцы рубили лес и не были привлекаемы к ответственности, по поводу чего гласный Л. А. Кисловский сказал, что, принимая во внимание выставленные доводы, а равно и бедное положение г. Веселаго, обремененной многочисленным семейством, не следует в виде исключения взыскивать деньги,

на что собрание вынесло постановление о согласии с мнением г. Кисловского".

Не видя никакой помощи и облегчения в своей доле, сдавленный с одной стороны барами, с другой — полицией, и слыша от начальства лишь один грозный окрик „смирно!", весьегонский мужик постепенно начал понимать, что если дело будет так продолжаться и далее, то из помещечьего хомута ему не выпрыгнуть.

И результатом этого мы видим первые признаки революционного брожения среди крестьянства, столкновения с барами, и ту или иную „дерзость" бывших рабов, которые свидетельствуют, что за угрюмыми складками мужицкого лба зашевелилась в те поры не совсем обычная думушка...

Взяв на удачу пачку дел из полицейского архива, (пересмотреть тщательно весь архив и выбрать наиболее ценное из него положительно нет времени), мы видим, что по Весьегонскому уезду уже начинают пробегать облачка революционности и, все более и более увеличиваясь, накапливают перед очами дворян и полицейских густую тучу, которая в будущем сулит последним немалые несчастия.

Вот 17 V 1901 г. пристав 2 стана уезда сообщает исправнику, что некий Воронов, в дер. Александрове, в разговоре с крестьянами о последних беспорядках в Питерском Казанском соборе упоминал, что министры наши ничего не делают хорошего для народа, а Колька (государь) получает 12 миллионов и ничего не дает.

„Что вы тут живете и всех боитесь? Дали бы хорошенько и становому и исправнику, а не то что уряднику! У нас, в Питере, их ни во что не ставят", говорил Воронов, но крестьяне, насколько умели, опровергали взгляды и выражения его, успокоительно дополняет пристав.

В мае 1904 г. исправник рапортует губернатору, что 23 апреля возвращавшимся из Питера крестьянам села Арханского, Матвею Алексееву Орлову и Семену Михайлову Лебедеву в 4 верстах от села прилично одетым молодым человеком, ехавшим верхом в седле на бурой лошади, были даны противоправительственные книжки, каковое дело раскрыл и донес земскому начальнику волостной писарь Крылов.

В июне 1905 г. губернатор предписывает исправнику принять меры, „в виду замеченного в последнее время возникновения в некоторых местностях беспорядков, а равно происходящих вследствие своеволия и самоуправства сельского населения, стремящегося к захвату и пользованию не подлежащими ему владениями земель".

В декабре 1905 г. губернатор Слепцов телеграфирует в Весьегонск:

„В виду учащающихся случаев самовольных порубок чужого леса скопом целыми деревнями предлагаю немедленно, получив заявления потерпевших, принимать меры к прекращению и арестовывать главных виновников, направлять судебному следователю", а через несколько дней шлет циркуляр: „признавая необходимым всеми мерами прекратить революционные подстрекательства крестьян к грабежам и насилиям против землевладельцев, предлагаю всех подстрекателей, зачинщиков и революц. агитаторов арестовать".

В январе 1905 г. урядник 3 участка пишет приставу 2 стана, что десятский села Пупцова Егор Иванов не явился в дер. Красново, Делединской волости, для оказания содействия Делединскому волостному старшине при отобрании у крестьян деревни скота и доставления такового на место назначения продажи в село Молоково за неплатеж крестьянами недоборов окладных сборов.

*

В феврале 1905 г. в дер. Афанасове читалась крестьянами петиция к царю от рабочих и жителей Петербурга и говорились слова, что царь нам не нужен, без него мы все будем равны, а главным пропагандистом был Рылешников.

В ночь на 4-е марта в дер. Глунцове, Путиловской вол., были разбросаны бесцензурные, противоправительственные листы.

13 февраля кр. дер. Десны Ив. Ив. Тараканов ругал при уряднике матерно царя.

В апреле в дер. Василево, Арханской вол., были найдены прокламации: „Первое мая“, „Война против войны“, „Пауки и мухи“ и др., о чем доносит исправник губернатору.

В апреле же в деревнях Алешине и Иван-Горе найдено 26 прокламаций — манифест царя от 18 февраля со словами „Мы, — Николай последний, убийца и насильник Всероссийский“, и т. д.

В апреле между селом Лаптевым и дер. Глебени на полосах найдены печатные брошюры под заглавием „Воззвание Гапона ко всему русскому народу“.

В день рабочего праздника крестьянами дер. Брагино вынесен следующий приговор:

ПРИГОВОР

1905 года, мая 1 дня.

Мы нижеподписавшиеся крестьяне домохозяева Тверской губернии, Весьегонского уезда, Поповской волости, Рычмановского сельского общества, деревни Брагина, состоящей из 43 домохозяев, имеющих право голоса на сходе (быв сего числа на сходе в селении Брагине), на который явилось 36, имеющих 104 ревизских души и имеющих надельной земли по уставной грамоте 271½ десятину и предварительно ознакомившись с высочайшим указом от 18 февраля сего 1905 года, по которому имеем законное основание обсу-

ждать вопросы, касающиеся усовершенствования государственного устройства и народного благосостояния, постановили составить настоящий приговор для представления его помимо земского начальника, в особое совещание комитета министров, следующего содержания:

Необходимо:

1) Достаточное обеспечение крестьян землею за счет государства.

2) Уравнение гражданских прав, так как крестьяне в настоящее время имеют ограничения и по этому неравноправны перед судом и администрацией.

3) Упразднение земских начальников с заменой их выборными судьями.

4) Предоставление права голоса на сельских сходах жителям всех сословий деревни как мужчинам, а также и женщинам:

5) Необходимо иметь бессословную волость, как местное учреждение крестьянского самоуправления.

6) Обязательное участие в земских учреждениях уездных и губернских в лице своих свободно избранных представителей.

7) Обязательное участие народных представителей в государственном управлении.

8) Уничтожение выкупных платежей и настоятельная необходимость заменить косвенные налоги прямыми подоходными.

9) Всеобщее бесплатное народное образование, начальное за счет местного населения, а среднее и высшее за счет государства.

К сему приговору крестьяне деревни Брагина неграмотные: Никита Егоров Лебедев, Иван Григорьев, Павел Егоров, Карп Степанов, Петр Алексеев, Степан Андреев Критский, Алексей Зиновьев, Роман Николаев, Иван Никонов, Иван Никитин, Василиса Дмитриева, за неграмотных по личной их просьбе, а равно и за себя Василий Степанов Бабулин, Алексей Петров, Федор Аверьянов, Ефим Тубашев, Василий Сергеев, Михаил Егоров Суворов, Михаил Ф. Румянцев, Андрей Минеев, Василий Петров, Михаил Ионов Ковалев, Алексей Еремеев, Павел Милюшкин, Ефим Захаров,

Василий Березин, Осип Михайлов, Алексей Дмитриев Березин".

В ноябре 1905 г. кр-не дер. Кузьминского, Макаровской вол., огульно порубили березовый лес в даче землевладельца Шварц под названием „Шарово", причем общее количество срубленного составило 60 возов дров. Порубка произведена по необходимости за неимением своего собственного леса.

Затем кр-не той же волости, дер. Старое, с 15 ноября начали производить самовольную порубку леса в даче помещика Сомова „Первое Пантелеево", считая лес своим.

Кроме того были совершены порубки в разное время кр-нами той же волости дер. Мордкина в даче г. Сомова, и виновные, кроме наложения на них двойного штрафа, земским начальником приговорены к аресту на 10 дней каждый.

Крестьянами дер. Старой в даче землевладелицы Николаевой вырублено 34 дерева.

Крестьяне дер. Егон намеревались увезти из усадьбы землевладелицы Гронской сено из-за того, что прорытые ею канавы для стока воды летом залили часть покоса крестьян, а когда они предъявили Гронской иск в сумме 325 руб., уездный съезд им в этом отказал.

В имении Шварц—Елизаветине (Капустине), Чистинской волости, 16 ноября обнаружен приколоченный к столбу у ворот красный флаг с надписью: „За Республику!!! Гибнет Шварц. Да здравствует социал-демократия Жди нас скоро!"

19 ноября служащий землевладельца Андрея Платоновича Соловьева Егор Корсаков пишет следующее письмо своему господину:

„Ваше Высокоблагородие Андрей Платонович! Кр-не деревни Перфильева всей деревней намереваются про-

извести рубку леса в Вашей даче Игнатихе, даже для этой цели сегодня пригласили сельского старосту составить приговор относительно рубки леса. Если же Перфильевские начнут рубить, тогда Борковские и Лукинские тоже не пропустят случая. Тогда что же? В таком случае принять какие меры? В настоящее время идет волнение угрожающих размеров. Мужики так настороживши, что — одна искра и вспыхнет все население. Дачам Друри и Караулова тоже предстоит лишь начин сделать. В виду таких намерений довожу до Вашего сведения. Изв. Вам слуга Ваш *Егор Корсаков*".

28 ноября 1905 г. на имя исправника из усадьбы „Коники" Е. А. Галуновой, Любегощской вол., летит такое письмо:

„Многоуважаемый Петр Иванович! Пожалуйста пошлите сейчас же станового. Мужики опять затевают что-то. Урядник уже здесь. Пожалуйста сейчас же. Урядник советовал Екатерине Андреевне уехать, но мы ее оставили. Уважающий Вас А. Постников".

Этими короткими справками из полицейских дел мы, надеемся, бегло охарактеризовали отзвуки первой революции в нашем уезде.

Терпеливый Весьегонский край, как мы видим, несколько заволновался, но усиление личного состава полиции, приезд казаков (в Любегощскую вол.), поповские проповеди и, самое главное, несознательность большей части крестьянства грузно опустились на юные революционные ростки, и они постепенно завяли.

За несознательность населения, которой мы отводим большую роль в подавлении революционности, говорит следующий документ — секретное отношение пристава 2 стана исправнику от 16/XII—905 г. за № 207: „доношу, что земские школы были закрыты кр-нами, потому что 1) в дер. Дмитровке учительницы Рождественские учащимся мальчикам внушали, чтобы не чтили царя, не признавали бога; в д. Рагузине учительница

М. М. Лебедева разъясняла то же самое; в селе Деледине учитель Горшечников внушал ученикам те же мысли, почему кр-не при закрытии школы на дверях ее повесили такую надпись: „Бог есть, Царь будет, а тебя, лысого черта, не будет“...

Нет сомнения, что яд поповских речей, происки кулаков, усиленная контр-революция, работа помещиков и вековая робость и темнота крестьянства, увидевшего нагайки и полицейские „селедки“, на время размахали черную тучу, опустившуюся над помещичьими усадьбами, но начало было сделано и временно припугнутая мужицкая думушка уж неотвязчиво стучала по мозгам, шевелила их и вела свою упорную работу, революционизируя темный Весьегонский край. За это говорят те же полицейские документы, в которых день за днем идет работа по выявлению то тут, то там обнаруживающейся крамолы.

А вместе с тем эти же документы рисуют нам и согласованную работу вместе с полицией наших помещиков.

Вот местный помещик князь Ухтомский, земский начальник 3 участка, пишет приставу 4 стана следующее письмо:

„Прошу Вас кр-на с. Любегощи Быкова арестовать при волостном управлении на 6 дней и арестовать теперь же, т.-е. до 12 января, ибо 16 января будет волостной сход по поводу выборов судей. Прошу на сход откомандировать урядника — других вопросов не допускается говорить и рассуждать всякую ерунду и чушь, что было 29 декабря 1907 г. и старшина за такой сход ответит здорово. Прошу Вас срочно и безотлагательно оное сделать, тогда и сход будет покойный“.

А вот — частные письма помещицы Карякиной, найденные в полицейских делах: одно к князю Ив. Макс. Ухтомскому (в копии полиц. управления), а другое

к какому-то Валерьяну Ивановичу, в подлиннике. Письмо к князю говорит следующее:

„Многоуважаемый Иван Максимович!

Вот Вы писали, желая успокоить меня, чтобы я не боялась, так как ничего не будет, между прочим жестоко ошиблись: хотя стражники и были у меня, но поймали только человека, который собирался по их предположениям поджечь конюшню, в которой стояли их лошади, а по словам арестованного он шел ловить у меня в пруде, со своими двумя братьями, которые успели убежать, рыбу, но на другой день, или вернее в ночь с 17 на 18, у меня сожгли за рекой сарай.

Сегодня я ездила сама в Хабоцкое к агенту, которому заявила о том, что у меня сгорел сарай и сказала, что я подозреваю тут поджог, совершенный убежавшими братьями арестованного, которые даже похвалялись, что сожгут этот сарай, так как он стоит недалеко от их поля, граничащего с моей землей. Агент хотел приехать в течение 3-х дней и произвести дознание.

Ваш Ресин (пристав) обманщик и я давно перестала ему верить, потому что хорошо знаю, как он покрывает неблагонадежных людей, так что я даже рада, что его переводят от нас в Зубцов.

Сегодня в моем присутствии был, говорят, жандарм, который приезжал после урядников, которые забрали не всех бунтарей, собирать сведения об оставшихся незабранными, хотел, говорят, видеть меня, но говорил только с нашим священником, который, спасибо ему, все рассказал ему, что знал сам.

Теперь хоть, слава Богу, сестры мои уехали на это время, пока идет эта раздряга и я покойна хоть за них, а то они у меня бедняжки не спали ночей до рассвета последние 2—3 дня.

Что же касается меня, то конечно, я не могу быть вполне спокойной при таких обстоятельствах и была бы Вам очень благодарна, если бы Вы приехали, тем более, что я считаю себя не в праве покинуть усадьбу, предоставив ее на волю Божию в такое беспокойное время, пока все не утихнет и не уляжется.

А затем досвидания. Позвольте пожелать Вам всего лучшего.

Искренне уважающая Вас кузина *М. Карякина*".

Повидимому, письмо это князем было *препровождено* исправнику, который и дал „нагоняй" Ресину, каковую фамилию носил пристав 2 стана.

Узнав источник своей беды, Ресин, повидимому, обратился с сетованием к автору письма и другое письмо Карякиной содержит ответ на это, и Валериан Иванович, как выясняется, и есть пристав Ресин. Это видно из следующего:

„Милостивый Государь Валериан Иванович! Ваше письмо, в получении которого я сейчас расписалась в книге, меня очень удивило. Я никак не могла думать, что мой двоюродный брат, Иван Максимович Ухтомский, будет оглашать или превращать в доносы те письма мои, которые я писала ему, как родственнику. Письма эти не содержат, правда, того, что противоречило бы моим убеждениям, а убеждения мои таковы: „назвавшись груздем, полезай в кузов", т.-е. служа в полиции, не зачем щадить людей небезопасных для государства и общества, а о таких людях я с Вами неоднократно лично беседовала даже и в последний Ваш приезд со стражниками ко мне в Михайлово.

Если обидела Вас, то готова перед Вами публично извиниться, но ни за какие блага на свете не согласна отступиться от своих убеждений.

Я считаю семью Мясниковых, Симановича, Евгения Ивановича Панова и соседа моего Михалевского мельника Александра Николаевича Григорьева людьми неблагонадежными, которых для общего блага надо отсюда удалить. Таковы мои убеждения, которыми я считаю себя в праве делиться с моими родственниками и знакомыми.

Если бы когда-либо сам Господин Исправник пожаловал ко мне и спросил бы меня об этом, то я ответила-бы ему тоже, что пишу и Вам, доносов же никогда

ни на кого не писала и не согласна писать, так как считаю это подлостью.

Впредь постараюсь в переписке моей с князем Ухтомским быть более осторожной и своих личных взглядов не высказывать, чтобы совсем неумышленно не повредить еще кому-либо по службе.

Что касается Вашей любезности по отношению ко мне, то я в ней никогда не сомневалась и, кажется, до сих пор платила Вам тем же.

Затем позвольте искренне и чистосердечно попросить у Вас прощения за то, что я по свойственной мне вспыльчивости и прямоте неумышленно причинила Вам, многоуважаемый Валериан Иванович, столько неприятностей.

Прошу простить и лихом не поминать уважающую Вас *М. Карякину*".

Эти документы с достаточной убедительностью подчеркивают крепкую связь помещичьей усадьбы с полицейским управлением и дают нам возможность вывести заключение — почему первая революционная волна крестьянского движения, грозно запенившись сначала, через несколько времени разбилась о гранитную полицейско-помещичью скалу...

Снова вошел в оглобли весьегонский мужик. Попрежнему начали „стричь и брить" его родовитые паны, охраняемые властной рукой сатрапов...

Но из документов видно, что полицейские, несмотря на наружное спокойствие и победоносный вид, там, в тайниках своих канцелярий, суетливо работали, имея пред глазами не прекращающуюся в уезде крамольную „каверзу"...

Не желая утруждать читателя, мы бегло просмотрим их работу за несколько недавних лет и поскорее перейдем к рассказу исключительно о помещиках, пользуясь сведениями о роли последних по еще свежим и хорошо памятным годам.

Вот, 28 мая 1907 г. урядник 2 уч. 1 стана доносит исправнику, что Любовь Арсеньевна Измайлова собрала сход в дер. Улитино и на сходе объяснила крестьянам, что им надо пахать господские земли, рубить леса, не ходить в работники к господам и вообще подговаривала к бунту.

Вот, в том же году полицейские уши слышат пение крестьянами марсельезы и др. революционных песен: 1 июля в дер. Брагино, 20 июля в дер. Думине и 20 июля в с. Хабоцком,

В 1908 г. пение марсельезы раздается в с. Михайлове, а ряд крестьян различных деревень уезда привлекаются полицией к ответственности „за произношение дерзких и оскорбительных слов против государя императора“.

В 1909 и 1910 гг. за неуважение к царской особе, но более всего за распространение нелегальной литературы, в руки полиции попадает много наших земляков.

Хватает работы охранителям дворянских гнезд и в следующие годы, но уже ясно чувствуется, что хотя бы и временно, а все-таки сломлен революционный порыв уезда, и выборными от сельских обществ и сходов, несомненно сдавленных разными рогатками, являются богатые мужички правого и, в крайнем случае, умеренного направления (выборы в государственную думу, земство и пр.).

А вместе с тем мы вслед за этим видим снова, как сжимаются над деревнями уезда помещичьи тиски, в которых барахтается наш мужик, и глухая, скрытая, но непрекращающаяся борьба идет между усадьбой и деревней.

Возьмем несколько документов из нескольких усадеб уезда и посмотрим, что там делалось вплоть до только что минувших годов.

От помещика Шварц осталась кипа исполнительных листов с приговорами земского начальника 4 участка, и кажется, что вся деятельность последнего была сосредоточена на охране шварцевских интересов.

В рубке леса и сдирке корья побывали под судом чуть ли не все крестьяне окружающих Шварца деревень, так что мы перечислим лишь несколько на удачу выбранных судебных дел.

Крестьяне дер. Туково Андрей Данилов и Иван Данилов за порубку приговорены или к аресту на 3 дня или к уплате стоимости со штрафом; крестьянин дер. Русск. Васильково Степан Дмитриев — к штрафу в 16 руб. 53 коп.; крестьянин дер. Малой Попихи Алексей Митрофанов оштрафован на 21 руб. 60 коп., Никита Быльцов на 5 руб. 40 коп. и Федор Терентьев на 16 руб. 20 коп., крестьянки дер. Сивцева Лукерья Богданова, Пелагея Андрианова, Аксинья Андреева и Варвара Богданова за порубку обязались в лето 1914 года вытаскать льна одну десятину экономической меры в ус. Соболины. Крестьянин дер. Дремучева Изот Алексеев оштрафован на 8 руб. 97 коп., или к аресту на 5 дней; крестьянин дер. Коурова Сысой Богданов за порубку обязался к 30 марта 1914 года (в 6 дней после приговора) доставить в Соболины 4 корзины из бредового прутья. Той же дер. крестьянка Афимья Филиппова за сдирку корья обязалась весной 1914 г. при ус. Соболины разбить навоз одну десятину. Той же дер. Олимпиада Иванова оштрафована за сдирку на 1 руб. 50 коп. или аресту на 3 дня. Разбить по одной десятине навозу летом 1914 г. в ус. Соболины за сдирку корья обязались крестьянки дер. Коурова Фекла Макарова, Парасковья Терентьева, Матрена Прохорова и Домна Николаева. Оштрафованы за сдирку корья той же дер. на 4 руб. 20 коп.

Марфа Артемьева и Наталья Иванова и 3 руб. — Парасковья Маркова; разбить летом 1914 г. по одной десятине навозу обязались за сдирку крестьяне дер. Пономарева Авдотья Кузьмина, Екатерина Кириллова и Аксинья Никифорова; за порубку уплатил два рубля крестьянин с. Карамышева Сафон Григорьев; 1 рубль 50 коп. крестьянин дер. Коурова Ахил Иванов, за порубку согласился после Рождества 1914 г. отстоять 6 дней поденщины при ус. Соболины дер. Коурова Денис Клементьев; оштрафован за порубку на 7 руб. 17 коп. с. Карамышева Сафон Григорьев, он же на 10 руб. 32 коп. за то же самое.

Богатый материал дает переписка из Порогской экономии г-жи Александры Владимировны Реше.

Имение „Пороги" куплено по купчей крепости, утвержденной ст. нотар. Кашинского окружного суда 7 февраля 1914 г., за 1 111 750 руб. Имение заключает в себе 10 939 десят. 1625 кв. саж. соснового леса.

Владелица имения — жена кандидата правоведения Сильвестра Петровича Реше, дочь Владимира Федоровича Клейберг, живущего в Риге и имеющего экспортную лесную контору. Последние 3—4 года до объявления войны супруги Реше почти постоянно проживали в Германии, а во время войны жили в Швейцарии, в гор. Цюрихе.

Всеми делами по имению управляет Дорант Карл Карлович, перновский гражданин, окончивший в Риге николаевскую гимназию в 1892 г., бывший на практике в течение года в имении „Поречье" графа Уварова, Можайского уезда, и затем в течение 4 лет учившийся в лесной академии в г. Таранте в Саксонии. По окончании академии до 1907 г. состоял у отца Александры Владимировны поверенным по следующим имениям: Бароново, Велижского у., Витебской губ.; Шалохово,

Невельского у., Будцево, Ахмовицы, Малые Штитницы и Подберезье, Бельского у., Смоленской губ. С 1907 г. был поверенным по имениям в Рижском коммерческом банке, с покупкой же имения в Порогах в 1914 г. приехал в наш уезд, из которого иногда потом выезжал то в Питер, то в Ригу.

Интересной является переписка между помощниками управл. Доранта и им, начиная с 1914 г., когда Дорант отлучался из имения.

31 марта 1914 г. „покорный слуга Доранта Смирнов“ сообщает „милостивому государю Карлу Карловичу“, что наступает время совершать с крестьянами договоры о пастьбе скота и аренде лугов в даче и что необходимо знать, как соглашаться с кр-нами: рассрочить ли им плату, или получить сейчас же сполна, о чем следует такой разговор: „конечно, для нас самое лучшее получить деньги сразу, но есть кр-н масса таких, что они не могут уплатить весной. Бедного народа найдется больше половины, тогда приходится сдавать луга только богатым людям, а бедняки должны остаться без сена и чтоб этим поступком не обострить кр-н, которые могут большой вред принести со временем, надо отдать по старому в рассрочку, тем более, что ранее по заработке кр-не все как за пастьбу, так и за луга... платили хорошо“... Далее следует вопрос: „так ли каждого порубщика представлять до земского начальника, или же можно некоторые порубки миром прекратить, как у нас ранее велось, а именно сперва начально напишем протоколы, а затем заявим порубщикам, не желают ли они мирно заплатить штраф, а если ж нет, так пошлем земскому“.

В мае Доранту сообщается, что при такой засухе нет лесных пожаров потому, что „весь люд ушел на

гонки сплавом до Мологи и стало меньше опасности для хозяйского добра", хотя, добавляет Смирнов, „мы все-таки все время беспокоились и все караулили, ничем другим не занимаясь".

22 сентября Смирнов в письме пеняет Доранту, почему он так долго не едет, „здесь идут нехорошие слухи. Есть и дела. Кр-не дер. Гузеева (39 чел.) самовольно ловили рыбу в нашей реке. Полиция составила протокол. Кр-не дер. Верхние Пороги запахали нашей земли и посеяли ржаное семя и поставили изгородь. Составлен протокол, дело отослано господину земскому начальнику".

В ноябре Смирнова уже сменяет „покорный слуга" Светлов, который про первого пишет: „не дай бог иметь дело со Смирновым. При отъезде присвоил много из мелких вещей и хлебных продуктов". Тогда же он спрашивает Доранта: „по соседству с нами член государственной думы *Родичев*, говорят, продает дачу, и Цветовы уже смотрели. Не будет ли нам расчет купить. Пишите или телеграфируйте".

Из следующего письма видно, что в ночь на 21 ноября сгорели в пустошах Узе и Шире два сарая с сеном. Приглашен урядник для дознания, а для получения страховки за сгоревшее — агент Тверского губ. зем. страхования.

В конце 1914 г. переписка прекращается, повидимому, Дорант прибыл в имение, и начинается снова в конце 1915 г., при чем в письме от 10 декабря Светлов сообщает, что судебные дела прошли хорошо: „10-го ответчики получили повестки, а с 11-го до 14-го я был завален просьбами о помиловании и некоторых помиловал с наложением штрафа в пользу Красного Креста. По делу рыбной ловли на нашей воде кр-н д. Гузеево земский дал по 4 дня ареста. За кражу

одной осины наказание выразилось арестом на 7 суток и в пользу Ал. Вл. Реше 10 руб. По остальным делам, коим не вручены повестки, кои уехавши в окопы.

Из настроения наших добрых соседей видно, что почувствовали свое право землевладельцы, поэтому мое решение по всем делам нарушения немедленно обращаться к суду. Числа 21 или 22 я еще подам несколько прошений".

18 того же декабря Светлов сообщает, что судебные дела с кр-нами о нарушении лесного устава разобрались 15 декабря хорошо, так что вновь приготовлено более 50 дел, которые он сдаст 22 декабря. Пока нарушений более не видно.

18 декабря у Светлова ночует „господин пристав", который сообщает, что в „Тверских губернских ведомостях" было разрешено иметь Александре Влад. двух пеших стражников. По этому поводу Светлов пишет: „советую нанять одного, а вторым я изъявляю ревностное желание поступить и возможно, что г. губернатор утвердит".

Для того, чтобы иметь телеграф в Порогах (Борисовском), пристав советует Дорант зайти в Москве к н-ку округа и попросить его об этом, пообещав телегр. столбов, „тогда возможно, что будет ближе переведен и приставский стан, да и расход наш окупится скоро и мы будем связаны с миром и расходов меньше будем иметь".

В декабре из дачи совершена дерзкая кража четырех сосен. Уличенные в этом проступке кр-не дер. Лубеники, Никольской вол., Григорий и Артемий Филипповы сопротивлялись, когда хотели у них отобрать лес.

По этому поводу летит прошение приставу.

„Для борьбы с оказанным вооруженным сопротивлением моей присяжной администрации, я покорнейше сим заявляю оказать Ваше полицейское содействие нарядом стражников, арестом порубщиков и составлением протокола. Медлить нельзя. Пугает массовая порубка“.

21 декабря Светлов сообщает, что намеревается представить 93 исковых прошения.

В письме от 14 января 1916 г. он пишет:

„Затем пересылаю Вам одно письмо, полученное в нашей конторе от Ф. И. Родичева. Я удивляюсь, откуда он получил блуждающие Его Степенство сведения. Даже в народе слух, что он будто бы, Родичев, категорически говорил, что Пороги он купит. Мне чувствуется обидным за наших владельцев тем, что люди думают, что они не в силах держать Пороги. И я советую Вам написать г. Ф. И. Родичеву“.

29 января Светлов пишет: „Его Высокоблагородию г. приставу 3 стана (с. Свищево).

Высокоуважаемый Николай Арсеньевич!

29 января один из наших служащих дерзко заявил расчет, не принимая предложенную прибавку в будущее время, и вышел из дома в буйном характере.

Поэтому прошу Ваше Высокородие не отказать в любезности о поручении Галанину (стражнику) ночевать несколько со мной в конторе“.

Кроме писем Светлов умеет писать и приказы.

8 февраля 1916 г. идет „приказ леснику Семену Иванову. Объяви через десятского деревни Доброго Бору кр-нам Семену Иванову. Ольге Антоновой, Александру Иванову и Александру Григорьеву, что в случае, если ими будет сделан малейший повод к продаже прутьев, они будут привлечены к ответственности. Назначаю им прутья доставить на Крутое, к дровам усадьбы Пороги“.

10 февраля идет приказ крестьянам дер. Заречья об уплате долга, с предупреждением о предании в противном случае суду.

9 февраля исходит приказ всему обществу Доброго Бора об уплате денег за ухож 1914 и 1915 г. и за сенокос 1915 г.; тоже кр-нам Заречья об уплате арендных за 1914 и 1915 гг. и за пользование сенокосами и ухожем скота. В тот же день исходит приказ леснику Савелью Медведеву с тем, чтобы он вручил его полицейскому десятскому дер. Верхних Порог обоих барщин с требованием об уплате денег за ухож 1915 г.

Свидетелем управления имением Пороги имеется в нашем распоряжении кипа договоров с кр-нами соседних сел и деревень, которых перечислить нет возможности, но из которых видно, что для крестьянской курицы и то была намечена имением дорожка, по которой она должна была бродить. Это, наверное, еще не забыли кр-не Заречья, Верхних Порогов, Нивиц, Доброго Бора, Гузеева, Противья, Бирюлок, Борисовского, Суток, Мартимьянцева, которые обязывались не причинять никакого вреда владельцам вплоть до чуть ли не клятвенного обещания „не драть лыко для лаптей из господского леса“ и „не ловить рыбу в господской воде“.

Не имея места для перечисления договоров, мы тем более не можем здесь перечислить все судебные дела имения с кр-нами, которых лежит перед нами кипа, весом около пуда только за одни последние годы. Надо по крайней мере 100 страниц книги, чтоб втиснуть кратко их содержание. Интересующихся этим мы отсылаем к кр-нам вышеперечисленных селений Замоложья, которые не покривят душой, а расскажут, как их таскали от земского в арестантскую, а потом к господам для уплаты штрафов.

Сейчас же мы остановим внимание на письмах самого г. Реше, проживающего в Цюрихе, к г. Дорант и на письмах последнего к своим рьяным помощникам.

Г. Реше — аккуратен и деловит. Он пишет 8 мая 1916 г.:

„по прежним сообщениям я мог считать, что дело о крестьянских наделах и их границах совершенно в порядке: теперь вижу, что таковые в плачевном для нас положении... Ведь, пожалуй не обойдемся без лишней надбавки земли крестьянам... Следовало бы обратиться к опытному присяжному поверенному и посвятить его подробней в дело, на это не надо жалеть средств. В общем дело покончите скорей, ибо можно полагать, что возвращающиеся по окончании войны крестьяне будут много требовательней, а быть может и того хуже. Тогда, пожалуй, больше не будет возможности склонить их к соглашению... По моему уж даже есть расчет пойти крестьянам больше навстречу, в целях окончательного соглашения, чем требовалось бы в нормальные времена...

Оба стражника там мало помогут: главное — личный авторитет, спокойное, хорошее, но вместе с тем и очень последовательное обращение с людьми. За сим обязательно надо делать все, чтобы жить в самых лучших отношениях со всеми властями и чиновниками всякого рода, с духовными лицами...

Строющаяся железная дорога Петроград—Рыбинск потребует громадного количества лесных материалов. Может быть и нам будет расчет участвовать в поставке материалов. Ведь мы от войны страшно пострадали и наше положение особенно трудно в виду того, что все наше имущество — в Риге, где имеем большой дом, занятый теперь лазаретом и не дающий уже 2 года никаких доходов. Нам заплатили всего столько, сколько надо было платить податей, но ведь доходность была в 300 тысяч рублей. Посудите-ка! Что касается переменить деньги на билеты Государственного Казначейства, то я не прочь,

но только под непременнейшим условием, чтобы мы получили надлежащую гарантию, чтобы мы ни в каком случае не отвечали за могущие произойти из за этого убытки, например за разницу в курсе, в виду возможности понижения бумаг в небывалом размере; ведь тут речь идет о весьма крупной сумме!..

В самой деревне полагаю не надо хранить теперь незаменимых документов, лучше в городе в банке, причем я считаю столицы надежнее всего...

Мы должны участвовать в благотворительности по отношению оказания помощи семействам наших крестьян-воинов... разумеется в скромных размерах: по несколько сот рублей можно уделить на эту цель...

Против интриг и сплетен надо действовать весьма разумно и энергично, не жалея расходов. Если у Вас будут твердые доказательства, надо обратить внимание на это начальства...

Вотчинное владение вовсе не какой-нибудь „институт“ с известным преимущественным правом, а простое обозначение всякого укрепленного владения недвижимости, как это прямо говорится в X томе (ст. 513 и ст. 420, примеч. 1). Поэтому и наши Пороги — наше вотчинное владение и никто не может воспретить нам иметь конверты с надписью „Порогское Вотчинное Управление“...

Я очень беспокоюсь о Вас... Что вы — ополченец I или II разряда? Признаны ли негодным, чего я весьма желаю“...

Так, в разгаре кровавой бойни, в 1916 г., на 8 листах почтовой бумаги кандидат правоведения г. Реше учит окончившего гимназию и лесную академию г. Дорант „обделывать дела“.

А г. Дорант, в свою очередь, писал своему доверенному Смирнову и Светлову в Пороги такие поучения:

„Чтобы служащие на Пасху не беспокоили бы барыню и ни в коем случае не христосовались бы. Просто поздравлять можно“ (14 марта 1914 г.).

„Относительно порубок прошу Вас объявить крестьянам, что за сырорастущий лес мириться не будем. За похищение готового материала также мириться ни в коем случае не будем“.

„Из Вашего письма я усматриваю (30 сентября 1914 г.), что со стороны кр-н творятся какие-то беспорядки. Прошу Вас принять надлежащие меры и предупредить самовольников о том, что они будут строго наказаны за всякое самоуправство, тем более, что теперь наше дорогое и святое отечество состоит в военном положении и владелец г. Реше, как истинный русский подданный, является почетным членом состоящих под покровительством Ее Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны приютов и т. д., ввиду чего всякое нарушение его владения будет наказано при непосредственном содействии высших властей. Советую Вам до моего приезда объяснить кр-нам все подробно, дабы эти бедные глупые люди знали бы заранее последствия их заблуждения и могли бы заблаговременно поправить их ошибки. По делам нарушения владения запашкою хлеба и возведением изгородей, прошу Вас, не пропуская 6-ти недельного срока, подать г-ну Земскому Начальнику надлежащую жалобу о самоуправстве и просить его немедленно о восстановлении нарушенного владения. Кроме того прошу Вас о каждом деле в отдельности сделать полицейский протокол и копии всех протоколов выслать г-ну Уездному Исправнику при надлежащем прошении о принятии им надлежащих мер для устранения этих беспорядков и оказания нам надлежащей помощи“...

А вот перед нами документы (письма) рисуют портрет другого помещика Весьегонского уезда князя Сергея Максимовича Ухтомского.

4 сентября 1914 г. Там где-то идут кровавые бои, в которых гибнут и весьегонские пахари, а его сиятельство пишет своему управляющему в с. Тухани:

„Берегите собак — в особенности Салюта, потому что такой породы собак нельзя найти“.

Ухтомский состоит на военной службе, но защищает „родину“, живя в Москве, откуда 8 октября 1915 г. пишет:

„постарайтесь найти случай переслать мне в Москву с каким-нибудь попутчиком обе шубы меховые, которые висят наверху, с серым мехом и крытые новым сукном“, а далее опять о собаках: „собак берегите и сделайте для них теплые будки и кладите туда подстилку, чтобы собакам было тепло“.

12 июня 1916 г. его сиятельство „воюет“ до „победоносного конца“ все в той же Москве. В письме, вспоминая о том, что арендаторы и кр-не дер. Попихи порубили лес, он советует управляющему Ал. Ив. Голубкову взять двух понятых и сельского старосту и составить подсчет для представления в суд и взыскания штрафа, при чем добавляет: „в этом случае я буду беспощаден, ибо только раз им дай волю, а потом уж с ними не будет и сладу“...

„Вот ежели бы ты согласился перейти ко мне на службу, то я живо бы нарушил договор с арендаторами и хозяйство повел бы ты“.

Князь может нарушать договор, а остальные „ни-ни“. Арендаторы взяли усадьбу его в аренду за круговой порукой. Один из них Еремей Максимов Голубков не платит. Они говорят о каких-то льготах, даваемых военным временем.

Князь отвечает: „на освобождение от платежей и на льготы никто из них прав не имеет, так как договор заключал я с ними, а не с их сыновьями, взятыми на войну, и потому суд и административная власть потребуют от них платежа арендных денег в срок, иначе потребую нарушения условия и неустойки. До расчета — наложу арест на их имущество без всякой пощады“.

У его сиятельства деньги на „счету“ и в виду этого он пишет: „потом Еремей позволил себе прислать мне письмо без марки, почему я должен был за это письмо уплатить 20 коп.; теперь пусть он вернет этот двугривенный и больше мне не пишет таких писем“.

Попинские мужички на „уме“ у барина и, вспоминая их, он пишет: „что же попинские кр-не окатали лес новый, или нет, а также подвели ли лес при окатке под крышу за штраф, т.-е. за порубку леса на свои огороды?“

Живя далеко от имения, князь все же до „тонкости“ помнит хозяйство и пишет 12 сентября 1916 г.:

„не понял почему пишешь про карниз у амбара; да ведь я заметил провис карниза тебе лично, когда проходили мимо амбара и даже тогда подходили и осмотрели и действительно осадка есть и со стороны показывает, что карниз выпучило“.

„А на попинских подай ко взысканию в суд; теперь стесняться нечего“, не выдерживает в конце письма его сиятельство.

24 октября 1916 г., запрещая продавать свой лес, князь пишет:

„как только окончится война, то сейчас же приступлю к перестройке усадьбы и лес мне нужен“. Вслед за этим сиятельный российский дворянин и помещик пишет: „опять спрашиваю: вел-ли ты переговоры с арендаторами относительно замены старого моего зернового хлеба на новый, чтобы возможно было освежить хлеб в амбаре и согласны ли они. Передай им, что скоро будет реквизиция зернового хлеба и им ведь все равно будет — отдавать ли старый хлеб, или свежего умолота. Пусть лучше обменяют. А когда будут брать у нас, то отдай зерновой хлеб старого умолота“.

Письмо от 1 ноября 1916 г. начинается опять делами крестьян:

„в виду того, что крестьяне дер. Попихи отказались перекатать лес за порубку моего леса, прошу дело о порубке передать Земскому Начальнику для взыскания“, и далее: „в просьбе старых бревен у молотильного сарая для церкви я отказываю. Дрова самим нужны, да еще отдавать их из усадьбы — это будет безрассудно, да и глупо. Если же церковный староста хочет для церкви сделать выгоду, то он на то и церковный староста выбирается, что-бы жертвовать на церковь; пусть своих дров он и дарит в церковь, чужим добром всякий дурак сумеет управиться да хвалиться“.

Письмо 14 ноября 1916 г. говорит:

„на хлеб установлена твердая цена, а потому он стал дешевле. Птиц можно резать и щипать. Будет удобный случай, то птицу можно переправить нам в Москву... После войны, да еще когда пройдет рядом железная дорога, то пахотой-то люди мало будут заниматься, а лесу-то будет страшная цена и на него будет всегда спрос. Покупай, где возможно. Уговори арендаторов продать мне лес. Для них это выгодно, так как скоро выйдет распоряжение о принудительном отчуждении леса для нужд казны и их лес могут подвести под дровяной, и тогда им придется отдать свой лес на дрова и по сравнительно дешевой цене. Но раз лес будет запродан, то тогда они будут освобождены и участок никто не посмеет отчудить“.

А попинские не дают князю покоя и 28 ноября 1916 г. он пишет:

„в виду отсутствия на лицо некоторых крестьян Попихи, подачу иска на них за порубку леса сейчас обожди, но сохрани в делах усадьбы составленный на них протокол, который после войны придется представить в суд“.

10 января 1917 г. князь благодарит слугу и пишет: „уток получили и они оказались хорошими. Остальных

тоже направь сюда. Здесь относительно провизии плохо".

Среди переписки, доставленной из усадьбы „Тухани", имеется одно письмецо, написанное туда сестрицей князя, княгиней Ухтомской, 20 января 1914 г. к каким-то Панкратию и Маше. Нежная княгиня тоже не забывает мужичков и пишет:

„что касается порубки в Любихе, то я прошу каждый раз составлять акт пойманных и мне направлять. Я все перешлю Земскому, а приеду в самый сенокос, попрошу назначить дело и пусть виновных накажет сидеть на самые горячие дни, для них эта потеря будет чувствительнее, чем для меня. Они теперь совсем обнаглели к чужому добру и его не отличают от своего. Лесник кажется Ольховских не ловит и на них не жалуется, то я с него вычту и его сменю"...

Так хозяйничали гг. весьегонские помещики в то время, когда весьегонский мужик обливался кровью и умирал на полях Курляндии, Польши, Украины Галиции, Румынии и Кавказа.

Но и весьегонский помещик попробовал боевой страды и волею судеб был занесен в далекие края от родных палестин защищать веру, царя и отечество.

Так, владелец имения Юрушково, местный помещик, бывший земский начальник Гаттенбергер был около фронта командиром 506 Нижегородской дружины, вошедшей потом в 491 Буйский полк, затем переименованный в Варнавинский, из которого получил перевод в 58 рабочую дружину, переименованную потом в 72 инженерную, а затем в 81, находящуюся в 17 бригаде.

Из имеющегося в нашем распоряжении его дневника за 1916 — 1917 гг. мы видим — выгодна ли была нашему помещику прошлая война или нет.

Об этом на 15 странице сам г. помещик пишет следующее.

„Я получаю действительно много, вместе с женой, жалованием земского начальника и пенсией около 8000 р., а именно: жалования 1536 р., столовых 900 р., полевых порционов 1830 р., дровяных 200 р., фуражных 900 р., жалованья земского начальника 1536 р., пенсии 720 р, квартирных и на наем прислуги жене 468 р., а всего 8090 р. Из них семья проживает 3000 р., да я около 1000 р., — 4000 р. остается сбережения.

За 2 года и 4 месяца войны отложил чистыми деньгами в %% бумагах 5000 р., купил земли за 1300 р., заплатил долгов более чем на 2000 р., завел машины: косилку 480 р., конные грабли 70 р., плуги и железные бороны 50 р., сепаратор и маслобойку 120 р., тарантас 200 р., пианино и трюмо 230 р., яблони 50 р., уплатил в Дворянский банк 70 р. Итого более 10 000 р.

За время войны хозяйство в усадьбе улучшилось: коров с нетелями имеется 15 шт., лошадей 5, телят 6 шт.“.

Эти сухие цифры говорят нам о том, что как при царе Алексее Михайловиче, 300 лет тому назад, от войны получал прибыль помещик, так и теперь при самодержавно-буржуазном строе барыши от кровавой бойни подсчитывал все тот же счастливый барин...

А мужик? О, с него довольно было 75 коп. на табак и нитки, на то он и надежда государства!..

И в то время, когда весьегонский помещик набивал кошелек, весьегонский мужик попрежнему в чем мать родила ложился под розги.

Из дневника Гаттенбергера мы видим, что в феврале 1916 г. он находился в городе Карачеве, Орловской губ., куда собралось 12 дружин, из которых и была сформирована 123 дивизия и в состав ее входил

492 пех. Весьегонский полк, переименованный затем в Барнаульский.

Наверное, есть и сейчас еще в нашем уезде крестьяне, которые были в то время в Карачеве...

О формировании дивизии Гаттенбергер вспоминает в дневнике так:

„Формирование новой дивизии шло полным ходом, благодаря кипучей деятельности и энергии Генерального Штаба Генерал-Маиора Довбор-Мусницкого. Это крайне резкий, дерзкий, тяжелый и требовательный человек, но знающий, толковый, чрезвычайно энергичный и дельный генерал. Он всегда во все вникал, всюду успевал, везде быть и днем и ночью. Сразу подтянулись и солдаты и офицеры. На второй же день приезда в Карачев приказал выпороть 40 человек солдат за игру ночью в карты и шатание по улицам. Сразу все почувствовали железную руку и все подтянулись. Городские власти тоже перетрусили и старались во всем оказать всевозможное содействие“...

Так, „Божиею милостию“ вместе с царями в полном благополучии и достатке жил наш весьегонский помещик вплоть до марта 1917 г., до того времени, когда народ стал просыпаться и соображать, в чем дело...

Для полноты картины посмотрим на лица наших помещиков и при свете февральской революции и при ярком пламени всеочистительного Октября...

... Мракобесию самодержца пришел конец. Вместе с треском развалившегося царского трона начало трещать и помещичье благополучие.

Только 15 марта 1917 г. очухался уже знакомый нам князь Ухтомский от первых раскатов революции и прислал из Москвы в Тухани послание, не совсем для него обычное.

„Берегите дом и зорко следите за целостью леса. Лес пока мне не покупай. Обожди. Чаще пишите, чтобы я мог быть покойным“.

20 марта он пишет:

„должен просить тебя внушить и разъяснить крестьянам, которые представляют себе настоящее положение таким, что сейчас можно и будет безнаказанно громить чужие владения, захватывать чужие имущества и рубить лес, что это все неверно. Чужая собственность должна быть неприкосновенна и за всякое нарушение придется впоследствии давать ответ. Затем напомни им, что я с женой намерены устроить для крестьянских же детей профессиональную школу в усадьбе, чтобы дети их могли найти себе хорошие места и выйти в люди, а также устроить больницу для крестьян. Неужели же они сами не понимают своей пользы и добра, которые я с женой хотим им сделать. Ведь с погромом усадьбы я буду принужден отказаться от этой мысли и в результате получится, что не будет ни школы, ни больницы и сами крестьяне не будут богаче, кроме сего я, как невинно обиженный, буду вынужден отказаться и от должности церковного старосты и от пожертвований в нашу церковь и от звания попечителя школы. Передай им это и я уверен, что крестьяне будут благоразумны и меня сами будут охранять; к тому же мы, Ухтомские, всегда были с крестьянами в самых хороших отношениях. Потом должен добавить еще, что в случае разгрома усадьбы я буду вынужден продать усадьбу в казну; деньги я буду платить, но что соседи будут ли иметь усадьбу — это вопрос; может быть землю передаст казна и другим... Старайся ладить со всеми... Здесь всюду стало тихо и порядок все сохраняют образцовый... Теперь все стремятся, чтобы победить немца и больше других забот нет“...

29 апреля князь пишет:

„благодарю тебя и Марью Артемьевну за порядок и сохранность имущества и усадьбы. Прошу и впредь

относиться также хорошо к моему добру, за что, конечно, я сумею отблагодарить впоследствии, приняв во внимание переживаемое время... Лес беречь следует, потому еще, что не все же земли будут отобраны... Еремею, ежели он нуждается в дровах, то разреши взять... Пусть его, Еремей, пользуется и очищает лес от валежника... Очень обидно было услышать, что с меня Ефим Лебедев ищет получить за службу за 30 лет за сторожа церкви... Неужели же род Ухтомских никогда не помогал церкви и народу!..

... Забыл сказать тебе про дом в усадьбе: ежели ты его еще не раскупорил на лето, то можно его не раскрывать; пусть себе стоит так; все меньше будет заботы, что как бы какой жулик не забрался для воровства в дом. Вот поуспокоится после революции народ, войдет жизнь в нормальную колею, тогда и разговаривать обо всем можно... Будешь писать мне, то на конверте не пиши „Его Сиятельству“, потому что находятся озорники, которые уничтожают письма, на которых в адресе написано „Его Сиятельству“, или „Его Высокородию“, или прибавляют какой титул, пиши просто — имя, отчество и фамилию... Затрачивать на усадьбу деньги сейчас рискованно. Неведомо будущее и потому тратьте деньги только на необходимое. Я все же уверен, что каково бы ни было настроение у крестьян, но нас не тронут уже потому, что усадьбой пользуются крестьяне же — арендаторы и Ухтомские не причинили никому ни зла, ни вреда и жили всегда в согласии...

... Письма мои теперь уничтожай, чтобы не попали кому либо в чужие руки... Да хранит Вас Господь!..

„Если знаешь, кто назначен Комиссаром в уезде и кто — старший Начальник Милиции в нашей волости, напиши мне, чтобы я мог им написать письмо с просьбою об охране усадьбы“.

24 мая князь пишет:

„в случае если Комиссия потребует выдать рожь для нужд армии, то не отказывай и допусти рекви-

зицию, но все же упроси, чтобы хлеба оставили для довольствия себя, так как сами теперь не сеем и придется покупать; хлеб нужен для прокормления семьи Марьи Артемьевны, прислуги и затем меня с женой, так как по окончании войны мы переедем в усадьбу; затем объясни Комиссии или Комитету, что усадьбу я сдал в аренду только потому, что был наслышан о предстоящей войне, что и исполнилось, не будь бы этого, то, конечно, хозяйство вел бы сам до сего времени“.

7 июля князь пишет:

„Лес пожалуйста приказывай хранить. Время покажет что будет дальше: будем ли продолжать иметь земельную собственность как и раньше или нет. Коли землю казна отберет, ну тогда и разговор будет другой, а пока что собственность надо беречь... Благодарим за клубнику, присланную с Лисициным... Отовсюду идут неутешительные вести и страшно становится за матушку Русь“.

... Берегите усадьбу, будьте мне верны и сообщайте мне о всем почаще“.

В письме от 13 августа князь говорит:

„застрахуй усадьбу и все имущество на 1918 год. Страхуй, пожалуйста, все имущество, находящееся как в доме, так и в каретнике, и амбаре, словом, чтобы все было застраховано, а также и все строения. Прошу застраховать и сено, которое уберешь, и хлеб из сада — ячмень, чтобы в случае пожара, или поджога можно было получить деньги в возмещение убытков... Дал бы Бог, чтобы скорее наступало успокоение... Барыня сейчас поехала к своим родным отдохнуть от московской жизни... Вот когда становится тяжело-то от войны!.. Берегите усадьбу“...

12 сентября князь пишет:

„Сырой лес рубить не позволяю. Относительно валежного лесу и сухостойного скажу, что я разрешаю сдавать его чистку на дрова, только сухостойный лес сдавай исполу и с доставкой моей части в усадьбу...

Здесь в Москве прямо жить невозможно: цены все дороже и дороже поднимаются на продукты, а продуктов становится все меньше и меньше... Дал бы Бог, чтобы поскорее все налаживалось, иначе уж очень тяжело жить становится".

Последнее письмо князя писано 26 октября, когда в Питере уже пылал пожар пролетарской революции. В Москве его сиятельство еще не предполагал, что эти дни являются для всего помещичьего стана роковыми, а потому попрежнему пишет:

„старайся сохранить лес от порубок, иначе весь лес изгадят и усадьба будет обесценена и впоследствии и сарая даже не срубишь, да и за дровами придется ходить к людям Христа ради... Уговори лесника Петра Николаева, чтобы он не оставлял службы и зорко следил бы за целостью леса, тем более, что крестьяне окрестных деревень очень ненадежны и без охраны лес никак нельзя оставить... Собаку, надо полагать, кто нибудь отравил и я бы рекомендовал найти на место Цербера другую. Собаку нужно злую и чуткую, чтобы она признавала только своих, а не ласкалась бы к другим"...

Быть может не так уже свободно, но все же по „настоящему" жили при власти буржуазии и другие помещики.

Возвращаясь к знакомому нам Шварцу, мы видим, что его управляющий в мае 1917 г. совершал акты, засвидетельствованные председателем Щербовского волостного комитета, с крестьянами деревень: Пропасти, Бленева, Маслова, Квашенки, Стулова, Брехова, Мухина и др. на сдачу им в аренду за соответствующую плату для обработки земли в хуторе Александровском и усадьбе Соболинах, а также на покупку на 200 р. навозу из 6 хлевов помещика.

Арендные договоры имеются в делах за 1917 г. (после марта) и между имением Реше и крестьянами. Там образованный управляющий высокообразованного хозяина, наш знакомец Карл Карлович Дорант на волчью шкуру тоже напялил шкурку овечки и „подъехал" к крестьянам.

18 апреля 1917 г. он обратился со следующим заявлением к Сутокскому сельскому обществу и Борисовскому.

Вот точная копия последних.

СУТОКСКОМУ СЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Доверенного владелицы имения Пороги Александры Владимировны Реше—гражданина Лифляндской губернии Карла Карловича Доранта

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сутокское Сельское Общество, в состав коего входят граждане дер. Сутоки и Мартемьянцево, не столь издавна состоит в соседских отношениях с владелицей имения „Пороги" Александрой Владимировной. Тем не менее эти отношения успели сложиться к тому, что их в настоящее время можно назвать самыми благожелательными и дружескими и между добрыми соседями никогда не возникало каких-либо раздоров, тяжеб или судебных процессов. Объясняется это тем, что Александра Владимировна — особа благовоспитанная, справедливая, добрая и к чужому горю и нуждам весьма отзывчивая, а соседи-граждане в свою очередь достаточно развиты и интеллигентны, чтобы допускать в отношении к своей соседке какие-либо позорные действия.

Вам, граждане, достаточно известна доброта Александры Владимировны, выразившаяся в том, что она неоднократно отпускала из своей дачи бесплатно дрова

солдатским семьям и бедным, снабжала малоимущих сеном, хлебом и отчасти деньгами, отпускала соседям лесные материалы по весьма льготным и общедоступным ценам и все время оказывала народу бесплатную медицинскую помощь. Соседи граждане в свою очередь не беспокоили ее какими-либо правонарушениями, оберегали ее леса, осторожно и благожелательно обращались с ее имуществом и не причиняли ей никаких вообще неприятностей.

Желая сохранить с вами, соседями, добропорядочные отношения и на будущее время, Александра Владимировна поручила мне оказать Вам в нынешнем 1917 году еще большие льготы и пойти навстречу Вашим насущным потребностям.

Благодаря надолго затянувшейся войне положение всех нас стало весьма тяжелым. Лучшие сыны нашей Родины страдают в окопах, а оставшиеся дома старики и дети не могут справиться как следует с сельским хозяйством, хотя, повидимому, сельские граждане в настоящее время и больше зарабатывают, однако дороговизна рабочих рук, корма, рабочего инвентаря и продуктов первой необходимости поглощают их доход. В настоящее время для успешного окончания войны Государство особенно нуждается в продуктах сельского хозяйства: хлебе, мясе, молочных продуктах, кормовых злаках, овсе и сене и др., но если производство этих продуктов будет сопряжено с большими затратами, то естественно часть полей и лугов останется необработанной и невозделанной, что может сильно отразиться на потребностях нашей армии.

Исходя из указанных соображений и питая к своим соседям самые лучшие чувства, Александра Владимировна в моем лице предлагает Вам, уважаемые соседи-граждане, воспользоваться в вынешнем 1917 году совершенно бесплатно теми покосами и выгонами при имении „Пороги", которыми Вы пользовались в предыдущие года за определенную плату. Соблаговолите воспользоваться этим правом сообща и на справедливых началах, разделив их для пользования на общем собрании, без каких-либо споров и обид, наделив главным образом солдатские семьи.

Единственное мое желание при этом состоит в том, чтобы оказываемая Вам в нынешнем году помощь достигла бы своей цели; Вы должны воспользоваться как лугами, так и выгонами сами лично, без права передачи, т.-е. отнюдь не передавая и не продавая ни сена на корню, ни готового сена с этих покосов другим лицам и не отдавая их никому чужому в аренду.

Александре Владимировне желательно, чтобы соседи были обеспечены лично кормом и скот бы их не мучился на случай недохваток сена по случаю реквизиции такового для нужд армии.

Все это будет ко благу хозяйства каждого из соседей. Равным образом необходимо озаботиться о том, чтобы все покосы были использованы и отовсюду было собрано сено, а не пропало без пользы для Вас и экономии.

Пользование выгонами допускается в пределах, указываемых Управлением экономии и отнюдь не переходя границ и не нарушая интересов владелицы, ибо места для пастьбы скота окажется вполне достаточным, чтобы нужно было еще беспокоить экономию.

Александра Владимировна предоставляет Сутокскому Сельскому Обществу пользование покосами в тех границах, как общество пользовалось покосами и в предыдущие годы за плату, за исключением покосов, оставляемых для пользования лесной стражи, а именно:

1) в пользу стражи Сутокского обхода, покос под названием „Завод", 2) в пользу стражи Мартемьянцевского обхода, покос в количестве 2 десятин от Сухмени. Все остальные покосы, помимо указанных, поступают в нынешнем, т.-е. 1917 году, в бесплатное пользование Сутокского Сельского Общества в лице деревень Сутоки и Мартемьянцево.

Все могущие возникнуть при пользовании выгонами и покосами споры должны быть разрешаемы самими гражданами на общем собрании и без содействия тех или иных властей и не прибегая к участию в них администрации экономии.

Александра Владимировна уверена, что здравый смысл и благоразумие самих граждан являются наилучшими судьями всяких спорных отношений.

Ей приятно отметить и подчеркнуть, что несмотря на провокаторство немногих злонамеренных лиц, стремившихся возбудить сельских граждан против помещиков и призывавших к беспорядкам, погромам и самовольным захватам, ее соседи, граждане Сутокского Сельского Общества, оказались благоразумными и не поддались искусительным соблазнам этих темных сил, зная, что настанет время, когда права на землю будут точно установлены на Учредительном Собрании, а ждать его не так уже долго.

В заключении всего вышеизложенного Александра Владимировна обращается к Вашему благоразумию, соседи граждане Сутокского Сельского Общества, и в будущем и с своей стороны просит Вас оказать ей любезность и услугу и принять все меры предосторожности к предотвращению лесных пожаров, недопущения самовольных порубок, порчи деревьев и вообще содействовать охранению ее лесной дачи.

Для этого также необходимо быть осторожными при появлении в лесу и особенно предупредить пастухов, чтобы те не подожгли случайно или умышленно леса сами и не допустили бы того со стороны других, а также не брали бы с собой в лес топоров и не подрубали бы деревьев.

Прошу вас, соседи граждане, подтвердить мне получение настоящего предложения Александры Владимировны и о своем постановлении сообщить мне для отправки его непосредственно ей самой.

Апреля 18 дня 1917 года.

Доверенный Александры Владимировны Реше гражданин Лифляндской губернии

К. К. Дорант

БОРИСОВСКОМУ СЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Борисовское Сельское Общество, в состав коего входят граждане села Борисовского и деревень: Добрый-Бор, Заречье, Противье и Верхние-Пороги, не столь издавна состоит в соседских отношениях с владелицей

имения „Пороги“ Александрой Владимировной — и т. д., (как в заявлении Сутокскому Обществу)...

Исходя из указанных соображений и питая к своим соседям самые лучшие чувства, Александра Владимировна в моем лице предлагает Вам, уважаемые соседи-граждане, воспользоваться в нынешнем 1917-м году совершенно бесплатно теми покосами и выгонами при имении „Пороги“, которыми Вы пользовались в предъидущие года за определенную плату.

Александра Владимировна высказывает свое пожелание, чтобы к пользованию выгонами Общество допустило бы и граждан деревень „Малый-Бор“, „Крапивники“, так как те стеснены в этом отношении и хотя более отдаленные, но все же соседи Александы Владимировны, которая не хотела бы их совершенно забыть.

Пользование покосами предоставляется в тех пределах, в каких общество пользовалось таковыми в предъидущие годы, за исключением покосов, отведенных в пользу самой Экономии и лесной стражи.

(Далее то же самое, что и в упомянутом заявлении.)

А в июне 1917 г. управление Порогской лесной дачи А. В. Реше через лесного сторожа официальной бумагой сообщает Сутокскому сельскому обществу, в состав коего входят деревни Сутоки и Мартемьянцево, что управляющий Реше согласен сдать в бесплатное пользование под посев хлеба — за исключением льна — на 2 года (2 хлеба), т.-е. летом с июня 1917 по август 1919 г. — гарь в 29 квартале (около 20 дес.).

„Залебезили“ перед мужиком и все остальные помещики, вдруг, как в сказке, сделавшиеся такими ласковыми, добрыми и милыми.

И только то обстоятельство, что на стороне бар стояло и буржуазное правительство из социалистов-предателей, сдерживало нашего пахаря от желания дать по шее господам и вытолкнуть их из усадеб.

Осуществить это желание помогла подлинная рабоче-крестьянская революция Октября 1917 года, которая пришла в Весьегонский край лишь в январе 1918 года.

С овчинку показалось небо весьегонскому помещику. Заметалось все барское отродье вместе со своими доверенными, и в усадьбы, которые целые века грозно стояли перед бедными деревнями и давили их, вошел он, долготерпеливый весьегонский пахарь, подлинный хозяин всего того, что есть над землею, на земле и под землею нашего края...

В светлые и уютные барские горницы, не снимая шапки и не кланяясь в пояс никому, вошел освобожденный мужик и распорядился по-своему...

И результатом этого нового распорядка мы имеем то, что в бывших дворянских гнездах нашего края сельскохозяйственным наукам учится крестьянская молодежь, в тепле и уюте доживают свои последние года престарелые крестьяне и крестьянки и звонко смеясь весело играют и сладко спят бездомные сиротки из крестьянских детей.

В покоях властных усадеб успешно действуют сейчас сельскохозяйственная школа, дома для престарелых, детские сады и дома.

Некоторые усадьбы заняли коммуны, а в других, под красным, издалека видным флагом, ведут свою работу по укреплению нового строя и излечению чахотки, в которую вогнал мужика самодержавно-помещичье-буржуазный строй, революционные деревенские организации: Советы и ячейки коммунистов.

А помещики?..

Как крысы во время пожара, разбежались они в разные стороны, ощетинились и засели в темных углах, гадая: будет или не будет возврат старого времечка.

Некоторые из них решили переждать тут же, близ усадеб, но скоро поняли, что ждать придется бог весть сколько, и по добру по здорову убрались.

Вот как описывает свой отъезд из Лукинской волости „бывший землевладелец Весьегонского уезда, Тверской губернии, и Устюженского уезда, Череповецкой губернии, Эспер Константинович Лесников“ в своей жалобе на действия местных земельных отделов Народному Комиссариату Земледелия, которую 3-е отделение отдела текущей земельной политики Наркомзема осенью 1918 г. за № 7837 вернуло в Весьегонский уземотдел.

„... Не имея средств нанять квартиру и не имея чем ее обставить, решил отправиться к родственникам, живущим в 55 верстах от моей бывшей усадьбы. Пять граждан из соседней деревни погрузили остатки моего имущества на свои тележки и доставили его к месту нового жительства. Сам я и семья вместе с грузом всю дорогу шли пешком по осенней грязи, так как не имел денег, чтобы нанять подводу даже для своей больной жены.

Наш караван, проходя мимо деревень, возбуждал любопытство и недоумение.

Жители деревень присоединялись к нему с расспросами и, узнав, что мы — изгнанники, предлагали нам хлеб и яйца на дорогу, между тем как из усадьбы за взятый нами хлеб на дорогу — 9 фунтов, испеченный из моей муки, с нас комитет взял деньги“...

Дочь помещика Репенак, 12 сентября 1918 г., писала из Москвы своей матери, помещице Чамеровской волости, между прочим, следующее:

„Если уж будет невтерпеж и у вас не будет работницы, имейте меня в виду. Единственный недостаток — боюсь коров и не умею доить, но постараюсь исправиться“.

Но более всего за настроение весьегонских помещиков, получивших должную награду, говорит следующий отрывок из дневника помещика имения Федьково, Лопатинской волости, Николая Полтева, так описавшего свои думы летом 1918 года.

„Сегодня пришли трое наших отъявленных врагов. Трое подлецов, избранных мужиками в реквизиционный отряд, для реквизиции излишков хлеба.

Нет никаких сил выразить все возмущение, все негодование от событий сегодняшнего дня. Хотя поздно, но спать не могу: слишком живо еще переживаю события дня.

Слишком еще больно и тяжело и душа не может примириться с фактом и бессилием что-либо сделать и как-нибудь отомстить.

Месть, самая беспощадная и злая, — вот что только успокоило бы!“...

. . . .

Слышишь, весьегонский пахарь!!!

Слова о мести злобно и ядовито шепчут губы всех помещиков не только нашего уезда, но и всей России, всего мира.

Одни из них идут отвоевывать завоевания пролетарской революции в бандах Колчаков, Деникиных, Дутовых и прочих крупных помещиков-генералов, другие с нетерпением ждут прихода этих белогвардейских шаек и наемников капиталистов Англии, Франции и Америки.

И все они одинаково ненавидят тебя, многострадальный землепашец, так как ты после столетий покорного рабства вдруг вырвался из их рук и захотел быть сам хозяином своей жизни!!!

С беспощадной местью готовы они цепко сжать твою шею, свалить тебя, придушить, надеть новые вековечные цепи и заставить вновь надрываться и работать на них...

Будет удача на их стороне — и с гиканьем и свистом, осатаневшие от долго скрываемой ярости, ворвутся они в свои бывшие гнезда и казацкими нагайками исполосуют твоих детей, которые учатся и весело играют в их палатах...

Высокие и крепкие виселицы поставят они на каждой полуверсте, намылят толстые веревки и задавят в них тысячи рабочих и крестьян...

Они не будут разбираться, кто прав, кто виноват, так как революцию нашу сделали не отдельные личности, а классы, революционные пролетарии и угнетенные крестьяне, что видят и хорошо понимают сейчас наши враги...

Сообрази же скорей, что надо тебе делать, освобожденный от векового гнета пахарь!!!...

По всему миру разносится набат нашей Революции...

У мужиков всех стран открываются глаза, и все они приступают к той работе, которую мы дружно начали 25 октября 1917 г.

Бедняки всех стран намерены сбросить иго богачей, чтобы дружной трудовой семьей по-новому зажить на этой земле.

Угнетенные и обездоленные всего мира становятся под то красное знамя, на котором горят слова:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Под этим знаменем и — твое место, весьегонский крестьянин.

Честь стоять под ним ты заслужил кровью и страданиями всего твоего рода, над которым так неимоверно долго и нахально измывались богачи.

Помещики и капиталисты протягивают руки, чтоб снова поработить тебя и зажать в тиски неволи.

Ты им ответишь, могучий теперь пахарь!

Сыновья твои в **Красной армии** доблестно отразят их банды, а сам ты, здесь, в своих родных деревнях, укрепишь завоеванное Октябрьской революцией и не подпустишь к своим делам ни одного своего врага, которые стараются еще иногда сбить тебя с верной дороги.

Мы показали тебе сейчас **куски** тех цепей, которые с тебя спали.

Ты не позволишь спаять их. Ты не пойдешь в неволю!

II. ОПОРА ЦАРСКОГО ТРОНА [1]

Мы опускаемся на дно мрачного полицейского подвала, в застенках которого ковались цепи трудящемуся Весьегонску.

Мы теперь посмотрим на оплот произвола, на наемных защитников барского приволья, на ораву душителей крестьянского люда, на твердыню, о которую разбивалась волна народного гнева — на весьегонскую полицию.

В своем очерке мы не задаемся целью нарисовать полицейский быт со дня его рождения; его далекое прошлое тонет во мраке неизвестности.

Под руками нет данных, чтобы представить себе, как впервые над спиной весьегонского мужика поднялась полицейская нагайка.

Мы имеем в своем распоряжении много полицейских документов, однако самые ранние из них касаются лишь дней расцвета полицейско-жандармского режима в царствование Николая I.

Перед нами — небезынтересный документ, относящийся к движению декабристов:

---

[1] Написано А. В. Киселевым.

„Секретно. Февраля 19 дня 1826 года. Весьегонскому г. Городничему. Г. Управляющий Министерством Внутренних Дел в предписании своем изъясняет, что Государь Император Высочайше соизволил: строжайше подтвердить всем гражданским Губернаторам об отыскании и отправлении за строгим караулом в ближайшую воинскую команду бежавших из мятежной шайки Муравьева Апостола нижних чинов пехотного полка, в прилагаемом у сего списке показанных и также бывшего в той же шайке и неизвестно куда скрывшегося, переведенного из Черниговского пехотного полка в Александровский Гусарский порутчика Сухинова. К непременному и точнейшему исполнению таковой Высочайшей воли я рекомендую Вашему Высокоблагородию принять по вверенному Вам городу самые деятельные и беззамедлительные меры и по мере отыскания кого либо из бежавших тотчас доносить мне для извещения о том Министерства Внутренних Дел и о равномерном посему исполнению прошу сообщить тотчас и Г. Начальнику. Управляющий Губернией — Председатель Палаты Гражданского Суда Михаил Новосильский“.

Здесь же приложен список нижним чинам Черниговского пехотного полка, кои неизвестно где находятся: „2 Гренадерской роты плотник Павел Юрьев и Михаил Молчак, 4 Мушкатерской роты рядовые Григорий Литвиненко и Иван Константинов, 5 Мушкатерской роты унтер-офицер Иван Харитонов и рядовые Павел Прокофьев, Алексей Федоров, Аким Софронов, 6 Мушкатерской роты Яким Михайлов, Максим Андреянов, Антон Чернухин“.

Здесь нет блестящих родовитых фамилий и имена этих рядовых солдат говорят потомству об участии в восстании декабристов и самих крестьян, одетых в солдатские шинели.

Ветхая бумажка, исписанная витиеватым (извилистым) почерком повытчика — стряпчего (чиновника),

бередит раны, навевая ужасы прошлого, когда через Весьегонск, как говорят, пролегала „Владимировка“, по которой гнали борцов за свободу.

Мы перенесемся мыслью и остановим внимание на конце XIX и начале XX в., когда щупальцы полицейского гада глубоко впились в сердце России. Дела этого времени не успели „истлеть“ и нам представляется возможность показать их в истинном свете.

То время было одной из черных страниц истории Весьегонска, раскрытой порывом революционного движения и тотчас захлопнутой услужливой рукой пришедшей на смену самодержавия буржуазной власти.

Что руководило ее сделать это? Быть может нежелание „скомпрометировать“ (оскандалить) тех, с которыми водилась хлеб-соль и кого она считала „уважаемыми“; быть может эта власть испугалась дерзости, решительности и смелости, с какой надо было сорвать маску с холопов двухглавого орла; быть может сделать то было невозможно, так как в числе представителей буржуазии были люди, рыльце коих тоже было подернуто полицейским пушком.

Дело в том, что „комиссия по обеспечению нового строя“, сорганизовавшаяся в Весьегонске в период февральской революции, имела в своих рядах и около себя таких, кои сами были небезопасны новому строю.

Будем называть вещи своими именами.

Маленький в несколько листков наряд дел комиссии завелся у „февральских революционеров“ только лишь с 28 июня, и то потому, что Временный исполнительный комитет из Твери отношением от 21 июня 1917 г. за № 1790 запросил весьегонского уездного комиссара „представить список секретных сотрудников по городу и уезду“.

Временный исполнительный комитет, очевидно, надеялся, что в Весьегонске уже позаботились раскрыть полицейские тайны и героям их воздать должное, что видно из слов: „необходимо также указать какое вынесено местными комитетами или общественными организациями постановление относительно того или другого сотрудника“.

Да никакого, читатель!

Очевидно, члены комиссии считали ненужным ковать железо, пока оно было горячо, пока реакция не убралась еще в подполье, и мы знаем, как долго еще весьегонские стражники и урядники разгуливали по улицам городка, донашивая синие полицейские брюки.

Для обеспечения нового строя комиссия не сделала ничего.

Та бездна подлости, сотая лишь часть которой найдет отзвук в нашей книге, была прочитана лишь одним из членов комиссии и снова свалена в кучу архива.

Да и неудивительно! Для людей того порядка — следователей и земских начальников — не могло быть удивительным, что мы нашли, так как документы эти написаны ими же.

Земский начальник, весьегонский дворянин-помещик, судебный следователь, городской судья и две каких-то неопределенных личности „охраняли“ новый строй.

Комиссия, перелистав страницы пухлых секретных нарядов, скоро закрыла их, и черные дела полиции были похоронены на чердаках полицейских архивов.

Но пришло, наконец, время, и все темное и грязное раскрывается и получает должное освещение.

Документов много, но главное выкрадено.

Кто виноват — мы не знаем, но чья-то рука замела следы, вырвав обличающие документы.

Так, в деле „Об учреждении в уезде секретной агентуры“, после сношения начальника Тверского губернского жандармского управления от 24 апреля 1914 года № 355 о предоставлении списка секретных сотрудников (охранников), видны рваные корешки в местах сшива списков.

Для наших глаз остались не все документы. Посмотрим хотя бы их.

Каждый из полицейских дал клятву пред алтарем верно служить грязному делу и каждого поп благословил на него.

Вот „клятвенное обещание“ полицейского чина:

„Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что, хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества

именем от предуставленной надо мной начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь".

На „клятвенном обещании" — капли воска; повидимому, немало попом, крестом и евангелием освящено убийств и темных дел.

Свора фараонов была достаточна, чтобы принять в плетки деревню.

В 1913 году уездная команда стражников состояла из 20 человек, находящихся в Весьегонске; команда 1 стана — в с. Кесьме 5 чел., 2 стана — в г. Красном Холму 10 чел., 3 стана — в д. Свищеве — 7 чел., 4 стана — в с. Сандове 5 чел., участковых стражников по волостям 23 и урядников 23.

Таким образом, действовала свора в 93 чел.

В 1910 г. свора состояла из 78 чел.

Распределение стражи производилось не без причин: руководили весьма важные соображения и „высокие" цели, что доказывается секретным сношением тверского губернатора Бюнтинга на имя уездного исправника Лебедовского.

„22 декабря 1910 года № 6562. Для борьбы с „социальной язвой" — России, пишет губернатор, — предполагается использовать значительное количество стражников уезда... Будучи распределены по всей территории уезда, стражники, приблизясь к населению обслуживаемого ими района, будут иметь возможность

использовать свои силы для несения полицейской службы, ознакомиться с настроением населения и его особенностями, собирать на месте сведения о преступных элементах, являться охранителями порядка на базарах, ярмарках, богомольях и других скоплениях народа“.

Дальше губернатор хочет, чтобы вековое убеждение о полиции, как о носительнице насилия, рассеялось. Он пишет:

„при таком распределении и население увидит ближе к себе представителей полицейской власти, к защите которой можно прибегнуть каждому нуждающемуся, а это с своей стороны несомненно отразится на настроении обывателя к чинам стражи, в лице коих жители деревни будут видеть не одни карательные элементы правительственной власти, являющиеся, как ныне, на места только для восстановления, иногда неизбежно и крутыми мерами, нарушенного порядка“.

Все хорошо, и вдруг в конце мы читаем:

„считаю нужным указать, что при разработке предстоящего распределения стражи следует иметь в виду возможность быстрого сосредоточения стражников в отряды для подавления беспорядков впредь до прибытия на место городской команды“.

Не вытерпело жандармское сердце и аккордом (заключительным тоном) звучат слова „патронов не жалеть“.

Большой интерес представляют формы анкет, по которым информировали пристава свое начальство, выявляя лицо Весьегонского края.

Мы видим, как полицию чрезвычайно интересует развитие промышленности, конечно, не с экономической стороны ее, а только потому, что всякая промышленность и торговля предполагает необходимость сборищ, ярмарок и т. п.

Как природа не терпит пустоты, так полиция не выносила скученности. Ее идеалом было полное отсут-

ствие всякой общественности, чтобы школы были без учащихся, ярмарки без покупателей и фабрики без рабочих.

Полицию интересует вопрос, нет ли в Весьегонске и уезде торговых портов, каково их значение, сколько рабочих стягивается туда и где они живут.

Не пропустили и не оставили без внимания и того: сколько в церквах скопляется народа, каков оборот ярмарки, исправность дороги, есть ли курорты.

Узнав все, можно было надеяться на соблюдение благонадежности в городе и всей округе.

Исправник знал, что фабрик и заводов нет в уезде, а есть тюрьмы, 16 трактиров и 1 театр, негласных домов терпимости 3 и церквей в городе тоже 3.

И вот, учтя степень надобности и условия полицейской работы, армия фараонов делала свое дело.

Нет слов, чтобы определить это дело — здесь было все: и сыск, и слежка, и стрельба, и сбор податей, и молитва.

Полиция была вездесущей и всеведущей, имея сотни глаз, тысячи рук-щупалец, проникавших всюду.

Полиция везде стремилась найти крамолу и находила ее. Крамола была нужна ей, как рыбе вода и человеку воздух.

Если крамолы не было, полиция выдумывала ее и доносила, получала чины и ордена и была довольна.

Ни одно явление ни общественной, ни частной жизни не оставалось незамеченным: приезд в город и уезд нового лица, отъезд его, сходка, собрание, похороны, пирушка, подслушанный разговор, неосторожно сказанное слово, все находило место на страницах рапортов, приказов, донесений, отношений и сношений.

Сотни людей были заняты делом, приобретавшим в их глазах большой смысл и значение.

Полиция знала все.

Самые, казалось бы, сокровенные планы той или иной „крамольной“ организации были хорошо знакомы полиции, не будучи знакомы, быть может, всем членам самой организации.

Вот пример исключительной охраны существующего порядка полицией.

„Совершенно секретно, циркулярно, тверского губернатора от 10 декабря 1911 г. № 13322.

Замечается, что многие кинематографы часто демонстрируют (выставляют на показ) картины, рисующие случаи деревенского неурожая, голода и т. п. — все это воспроизводит тяжелое положение деревенской жизни и возбуждает население против правительства, а потому... прекратить всякие попытки подобной агитации“.

Не прочь полиция взглянуть даже в носовой платок обывателя, находя и там „крамолу“.

Тверской губернатор 18 июля 1912 г. № 8596 пишет:

„Даниловская мануфактура выпустила целую серию носовых платков с рисунками, приуроченными к отечественной войне“. Казалось бы, что тут — преступного?

Оказывается, на платках отпечатаны „лики“ государей и в эти „лики“... сморкаются, а это уж недопустимо.

„Глубоко-монархическая часть населения и периодическая пресса правого направления, — пишет губернатор, — возмутились этим и просили изъять у населения и в магазинах выпущенные Даниловской мануфактурой платки“.

Полиция боится даже несуществующих страхов.

Всем известно, что в Весьегонске и в уезде аэропланных полетов не было, так как аэропланов там нет, но тем не менее по полиции отдается приказ, что „есть возможность опасаться злоумышления на свя-

щенную особу государя императора, а потому необходимо прекратить всякие полеты на аэропланах".

А исправник Федоров старательно рассылает приставам приказ обязать подпиской всех имеющих аэропланы — не производить полетов.

Надо удивляться, насколько далеко заходил полицейский сыск, что даже... почтовые спортивные голуби были под надзором, во избежание „антиправительственных полетов, с революционными целями". (Совершенно секретное сношение Тверск. губерн. № 950.)

Сплошь и рядом полиция следила и за детьми.

Посмотрите совершенно секретное сношение департамента полиции от 26 января 1905 г. № 1080.

„Министр Внутренних Дел, согласно ходатайства Министерства Народного Просвещения от 15 декабря № 3221, предложил Г. Г. Губернаторам, Градоначальникам и Обер-Полицийместерам принять зависящие меры к тому, чтобы подведомственные им чины полиции имели наблюдение за воспитанниками средних и низших учебных заведений о воспрещении им посещения маскарадов, клубов, кофеен и т. п. мест, а также, чтобы чины полиции оказывали возможное содействие лицам учебного ведомства по возложенному на этих последних надзору за учениками вне стен учебных заведений... Подписал Товарищ Министра Внутренних Дел — Заведывающий Полицией Свиты Его Величества Генерал-Майор *Рыдзевский*".

Насколько дружно жила полиция и просвещение в руках Рыдзевских, видно из просьбы просвещения к полиции — помочь следить за школой.

Есть документы, относящиеся к 1905 г., вызвавшему целый ряд предосторожностей.

Интересна телеграмма губернатора Слепцова (убитого революционером в Твери) от 29 октября 1905 г. весьегонскому исправнику:

„В настоящее тревожное время полиция должна особенно строго следить за происходящим и принимать самые строгие меры против нарушителей порядка и нравственности. Поэтому вы лично и через подведомственные чины полиции обязываетесь все время осведомляться и знать где и что делается и принимать меры к ограничению свободы собраний, речей и к ограждению обывателей. Губернатор Слепцов“.

„Им“ сделалось страшно, когда взрыв народного негодования стал вырываться из подвалов рабочих кварталов и курных изб деревни, и каждый шаг человека был опутан, выслежен и своевременно рапортом донесен по начальству.

Верхом полицейского совершенства была — охранка.

У нас в руках документ „об учреждении в Весьегонске секретной агентуры“.

Он был вырван, измят, но, к счастью, не уничтожен.

„Совершенно секретно, доверительно, циркулярно — хранить в особом секрете. Г.г. Уездным Исправникам Тверской губ.

Начальник Тверского Губернского Жандармского Управления 24 апреля 1911 г. № 355 г. Тверь.

Обращаясь к преподанным вам указаниям в предписании Тверского Губернатора от 25 сентября 1908 г. за № 6364, а также изложенном в письме моем к Вам от 3 того же июня за № 213 относительно учреждений секретной агентуры для наблюдения за настроением населения уезда и политического розыска и, находя, что и в данное время, ввиду существования противоправительственных организаций по разным политическим партиям (социал-революционной, социал-демократической и др.), а также со стороны отдельных лиц в особенности крестьянского населения уезда и рабочих не прекращается агитация и пропаганда, я, с соизволения Его Превосходительства, имею честь обратиться к Вашему содействию по учреждению секретной агентуры в вашем уезде“.

„Секретная агентура, как вам известно, представляется в виде: а) секретных сотрудников партийных или таких лиц, которые сами принадлежат к существующим революционным организациям, в то же время делятся с властями сведениями, имеющимися в их распоряжении о действиях организаций или частных лиц и б) второстепенных или вспомогательных сотрудников или агентов из среды лиц, кои хотя не принадлежат к партии, но на месте своего жительства хорошо знают не только население их села, но и всех в окружности, как то: из среды лавочников, торговцев, книгонош, лиц духовного сословия, волостных и сельских писарей, разных чинов почтового ведомства, коммерческих агентов и др. лиц подобных категорий, кои могли бы за разовое (или штучное) вознаграждение осведомлять при вашем непосредственном сношении и содействии Губернское Жандармское Управление обо всем происходящем в среде местного населения — имеющем политическое значение“.

Мы не можем утверждать, чтобы в Весьегонске были охранники первого рода, но „второстепенные“ — так называемые „сведельщики“ были безусловно.

Это подтверждается словами: „такие второстепенные и вспомогательные сотрудники из числа местной благонамеренной части города и уезда несомненно уже и теперь имеются у вас, необходимо лишь сыск их привести в систему, необходимо дать им клички, с тем, чтобы население не знало их работы“.

По предложению ротмистра Подлясского, агенты охранного отделения должны быть в г. Красном Холму, Весьегонске и с. Телятине.

Другой интересный документ — это рапорт исправника Лебедовского, написанный его рукой, карандашем.

В нем он излагает свой взгляд на существующих при полиции охранников.

„Добросовестная агентура может быть только тогда, когда сведельщик, человек благомыслящий и правильно понимающий общие опасности противоправительственных преступлений, добровольно пожертвует себя делу охраны, в противном случае всегда надо ожидать, что наемная агентура даст себя подкупить“.

По мнению исправника необходимо иметь постоянную агентуру лишь для отдельных поручений, в целях экономии государственных средств.

Для чего нужна агентура, сам исправник отвечает: „например полиции необходимо собрать сведения, где именно данное лицо проживает и что делает и так как эти сведения будет удобнее получить постороннему человеку, то за отвлечение такого человека от занятий он должен получить вознаграждение“.

Дальше исправник написал такие перлы.

„Для членов полиции и для общества будет гораздо полезнее, если урядник или стражник в целях расположить к себе доверие, истратит некоторую сумму денег за бутылку пива или водки с каким нибудь крестьянином, которого он может расположить к себе по-свойски, не нанимая этого человека в постоянные агенты, чем вероятно его окончательно развратит, а в особенности месячное жалованье неизбежно толкает этих людей неразвитых на скользкий путь провокаторства и вместо ожидаемой пользы полиция постоянно будет на ложном пути“.

Циркулярное совершенно секретное личное сношение тверского губернатора от 5 октября 1913 г. говорит:

„Все чины полиции должны знать особенно хорошо, что они должны быть осмотрительны и осторожны в отношениях своих к доставляющим им сведения осведомителям. Необходимо всегда иметь в виду, что большинство таких лиц имеют преступное прошлое или же стоят очень близко к преступной среде, не говоря уже о том, что приходится пользоваться услугами

арестантов, которые часто преступны не менее тех лиц, о ком они сообщают сведения или доносят. Поэтому чины полиции ни под каким видом не должны брать этих негласных агентов с собой на место оффициального производства дознания. Негласный осведомитель может наталкиваться на преступления других лиц, создавать их планы и даже доставлять средства, становясь таким образом опаснейшим для общества и для самих чинов полиции профессиональным подстрекателем к преступлению (провокатором)".

Приведенного материала будет достаточно, чтобы судить об охранке.

Пойдем дальше ко дну полицейской ямы — к жандармскому управлению, возглавлявшему охранку.

В Весьегонске жил жандарм Баков, который оставил свои путевые журналы и дневники. Раскроем их и посмотрим.

Кроме памяток жандарма Бакова, есть дела тверского губернского жандармского управления. Особенного внимания заслуживает дневник Бакова, на 92 листах, рисующий всю „подноготную" его службы, книга о служащих правительственных учреждений города и уезда, где в алфавитном порядке переписаны все служащие и о каждом из них есть отметка „благонадежен", „неблагонадежен".

Жандармский унтер-офицер был посредником между „сведельщиками" и тверским жандармским ротмистром.

Охранники-агенты доносили замеченное непосредственно жандарму, а последний далее „по начальству".

Мы берем время, когда в Твери начальством был ротмистр фон-Дрейлинг.

Баков знал о всех лицах политически неблагонадежных, о всех собраниях и сходках, о государственных и народных бедствиях — больших пожарах в городе и уезде, наводнениях, опустошительных стихиях,

эпидемиях, эпизоотиях, неурожаях, голодовках, преступлениях и происшествиях.

Все сведельщики были разбиты у жандарма по категориям: 1) те, которые могут давать сведения за угощение; 2) те, которые получают вместо угощения два или три рубля за каждое полезное сведение; 3) секретные сотрудники-агенты, кои могут согласиться служить за месячную плату от 10 до 20 рублей. Для последних ставится непременным условием знакомство с политически-неблагонадежными лицами, постоянно вращаясь среди них и доставляя сведения о том, что они делают и что предполагают делать. Кроме того состав сведельщиков должен постоянно обновляться сменой худых и неспособных на лучших и опытных. (Отнош. Твер. губ. жанд. упр. от 7 августа 1911 г. № 1568.)

Сведельщики, будучи знакомы с революционерами, не должны высказывать враждебного к ним отношения, стараясь показать, хотя бы молча, вид симпатии.

С тайнами агента-охранника начальство считалось мало.

Баков должен был при каждом сообщенном сведении указывать источник его, что доказывается сношением начальника Тверского губернского жандармского управления от 24 июня № 373.

Говорил Баков с ротмистром, конечно, шифром, так что, перехвати даже переписку, мы бы не узнали ничего.

Каждый год Подлясский высылал Бакову новый шифрант (ключ для писанья) и дешифрант (ключ для прочтенья), заповедывая строго хранить их (снош. от 31 августа 1914 г.): „шифрант и дешифрант хранить в надлежащем месте под замком, при отлучках своих из дома иметь при себе, за исключением, конечно,

особых случаев, когда с собой брать бесцельно, как, напр., в баню и т. п.“.

Со сведельщиками Баков разговаривал просто в трактире за стаканом чая или бутылкой пива.

На память от таких „пиршеств“ остались два счета, дающие возможность судить, как дешево можно было купить людей и их доверие.

„8 августа 1911 г. в селе Кесьме мною израсходовано на угощение сведельщика „Механика“ 72 коп., а именно: порция чаю 20 коп., 1 ф. баранок 10 коп., 1/2 ф. колбасы 12 коп., 2 бут. пива 30 коп. Унтер-офицер Баков“. Или: „7-го августа в с. Кесьме от унтер-офицера Бакова получил два руб. Летучий“.

Как просто и дешево обделывались дела!

Теперь посмотрим дневник Бакова, также нелишенный интереса, за 1912—1913 гг.

Обыкновенная тетрадь в желтой бумажной обложке, без конца, трепанная, с записью почти на каждый день.

Из этих записей видно, что жандарм следил не только за всеми в городе, а даже и за полицией, за всеми приезжающими в город и уезжающими из города.

„Из города Весьегонска в гор. Корчеву к месту служения выбыл пом. исправника Вл. Мих. Драницын, ни в чем предусмотрительном незамеченный, но по наружному виду и по кругу знакомства „реберального“ направления“...

„Выбыл уезд. исправн. Федоров в гор. Старицу... ни в чем предосудительном замечен не был... был устроен прощальный ужин и собрано по подписке 50 руб.“...

„Переведен в Кашин податной инспектор Модест Павлович Никифоров, благонадежное лицо“...

„Состоящий под негласным надзором студент с. Баскак Павел Ал. Воскресенский выбыл в Кашинский уезд“...

„Состоящая под негласным наблюдением Августа Георгиевна Томфордэ — в военном шпионстве не замечена“...

„Герман Петров Вересов благонадежен, но так как по своему образованию Вересов уже является интеллигентным лицом, то имеет знакомство и с неблагонадежными людьми“.

А как курьезны сообщения о самой полиции!

Самые, кажется, интимные стороны жизни полицейской семейки вошли в дневник Бакова.

„23 января при обходе города получены сведения, что полиц. надзиратель Иван Флавианов Успенский, будучи в нетрезвом виде, провожал до дер. Старое актеров передвижного театра и для этой цели потребовал подать лошадь у весьегонского мещанина Василия Николаевича Вахонева, за которую стоимость подводы не заплатил;

3 февраля у Весьегонского помощ. исправника Сем. Вас. Шмидова по случаю тезоименитства был дан бал, на котором было собравши более 30 чел. разных лиц, более из купечества, и по сведениям происходила картежная игра в деньги;

23 марта полиц. надзират. Успенский, который в этот день вместе с секретарем полиц. управления Власовым в 2 часа дня находились в гостиннице под названием Биржа, откуда Власова в сильно нетрезвом виде отвезли на извозчике домой, а надзират. Успенский в виду сильного опьянения и ночевал в № под столом, пока не проспался, даже будто бы был весь переблевавши;

14 апреля полиц. надзират. Успенский, секретарь полиц. управл. Власов и пароходский агент Ив. Ив. Иванов пьянствовали в гостиннице Легчанова;

16 апреля полиц. надзират. Успенский лично мной был замечен изрядно выпивши на пристани Ком. Крест. Пароходства и публика, ходившая на пристани, удивленная на такового смотрела и каждый человек, с которым Успенский намеревался здороваться, удалялись от такового прочь и даже уходили с пристани;

25 апреля полиц. надзират. Успенский и секретарь Власов явились на спектакль пьяные „как стельки“ и публика, глядя на таковых, говорила: „как это блюстители порядка сами пьяные“.

Слежка Бакова отмечает и выборы в управу и в государственную думу:

„На выборах гласных земск. управы 25 июня часть гласных осталась недовольна выборами и обратилась к губернатору с ходатайством, указывая, что в земские гласные прошли лишь представители левого направления.

27 сентября происходили выборы выборщиков в государственную думу и большинством голосов выбран инспектор народных училищ Александр Никол. Лебедев, направления правого, прогрессивного“.

Теперь откроем уцелевшую страницу с именем сведельщиков.

Их всего двое, но, конечно, кроме них были и другие. Преступная небрежность дельцов февральских дней виной тому, что главное в охранке „улетучилось“.

Вот эти сведельщики:

1) села Лекмы, Перемутской вол., Весьегонского уезда — Дмитрий Максимов Кощеев (торговец).

2) Вологодской губ., Тотемского у., Водбольской вол., дер. Гагарихи Алекс. Дмитр. Воропанов.

О Кощееве в дневнике жандарма Бакова имеются следующие сведения:

„13 марта при обходе города получены сведения, что в с. Лекме, Перемутской вол., организуется общественно-потребительная артель на предмет открытия общественно-потребительного артельного маслодельного завода. Организатором этого завода является инструктор Весьегонского земства Петр Васильевич Ливанцев и по поводу этого завода от сведельщика крестьянина

с. Лекмы Дмитрия Максимовича Кощеева получены сведения, что означенный завод намерены открыть не для пользы дела и населения, а для политической цели. Этим объединением воспользуются на предмет организации политических партий“.

О Воропанове мы читаем в дневнике Бакова следующее:

„При обходе города от состоящего под негласным надзором Алексея Дмитриева Воропанова получены сведения, что 9-го сего марта Воропанов вместе с крестьянином Чамеровской вол., дер. Ульянихи находились в пивной Алсуфьева, куда прибыли в нетрезвом виде крестьянин Чамеровской вол. д. Лопатихи Григорий Алекс. Беляков и крест. Мартыновской вол. дер. Миньева Николай Рязанцев, и Беляков стал предлагать своим товарищам нелегальную литературу и при этом говорил, что я сейчас был у Весьегонского страхового агента Михаила Вас. Жгулева, который у меня взял один листок, а остальные 25 листков, которые имеются у меня при себе, просил раздать своим товарищам, но у меня и у Рязанцева еще имеется много дома. И Беляков дал по одному экземпляру мне и крестьянину с. Чамерова Григорию Абрамовичу Юргину, да еще неизвестным мне двум лицам, которых хорошо знает вышеупомянутый Михаил Иванов Дорогов, после чего Беляков и Рязанцев стали просить Дорогова купить пива, но я не велел и сказал, что вас с этими листками следует арестовать, Беляков ответил, что этого я не боюсь, потому что я уже был в переделках, а ты стало быть плохой политикант, коли хошь об этом сообщить полиции, и стали требовать листки обратно и я во избежание скандала возвратил и хотя я был выпивши, но хорошо помню, что листок был под заглавием „Злой дух“, даже читал и содержание его“...

К „чести“ комиссии по обеспечению нового строя надо сказать, что она 10 июля 1917 г. узнала сведения о Кощееве и Воропанове и, допросив на заседании своем

20 июля Воропанова, сознавшегося в службе охранке, отпустила на все четыре стороны.

Кощеев был допрошен 10 августа 1917 г., при чем показал, „что Баков предлагал ему получить 18 руб. за дачу сведений о лицах, посещающих учителя Крешневского и крестьянина дер. Лекмы Клюшина. Что говорил Бакову об открытии артели не помню. С жандармом встречался часто, почти каждую неделю, пил с ним чай в трактире, но денег от него не получал. Больше ничего не помню и показать ничего не могу".

Расписавшись под показанием, Кощеев тоже во-свояси поехал домой.

Члены комиссии, среди которых выше мы забыли упомянуть местных правых эсеров, при укреплении в Весьегонске Советской власти спокойно оставались на жительстве и ни одним словом не обмолвились о нахождении в городе охранника Воропанова и около города „сведельщика" Кощеева. Воропанову удалось даже побыть несколько времени писцом в военном комиссариате, а потом уехать из города, а Кощеев был избираем от ничего не знающего населения даже присяжным заседателем в народный суд.

Мы не будем затруднять внимание дальнейшим чтением дневника и перейдем к „Путевому журналу" Бакова.

В нем Баков записывал каждый шаг своих поездок, указывая место остановок, при чем все должностные лица в местах остановок были им тщательно регистрированы с отметкой благонадежности, благонамеренности и т. п., так что журнал Бакова представляет собою хороший календарь-справочник.

В нем многие весьегонцы найдут себя и, кстати сказать, некоторые, быть может питающие сейчас надежду на возврат полиции, а с нею и всех чинов и орденов,

неприятно будут удивлены полицейской отметкой около своей фамилии: „левый, под негласным наблюдением, неблагонадежен“. С этим встретиться придется, так как жандарм Баков судил о благонадежности часто по „интеллигентному виду“ и по прическе.

Потому-то некоторые ныне завзятые контр-революционеры и саботажники в глазах Бакова оказались неблагонадежными.

Ведь только при таком порядке Баковы так долго и могли существовать, что сито, которым они сеяли, было слишком плотное и через него проскочить трудненько бывало иногда даже самым благонадежным людям.

Когда мы будем говорить о симпатизирующих левым течениям, по выражению полиции „симпатиках“, — это будет ясно. Сейчас скажем несколько слов о житье-бытье самих жандармов.

Жилось тепло и весело!

С одной стороны, положение жандарма давало возможность чувствовать себя самым благонамеренным и благонадежным человеком, с другой — о жандарме заботились и при жизни его и даже после его смерти: хоронили жандарма на казенный счет, жене его выдавали пособие в 500 руб. (Снош. пом. нач. Тверск. губ. жанд. управл. от 25 января 1913 г. № 60.)

Вместе с тем Дрейлинги и Подлясские умели ценить свои деньги и до „тонкости“ были щепетильны в вопросах кошелька.

Вот — дело о выкупе командного образа, который долго покупался, ехал по железной дороге и, наконец, приехал.

Предварительно подсчитали: сколько все это будет стоить. Оказалось 117 руб. 70 коп.

„Распределение расходов таково: [читаем в сношении пом. нач. Тв. Губ. Жанд. Упр. от 9 апреля 1914 г. № 159]: 1) стоимость образа и всех к нему принадлежностей — 101 р. 75 к., 2) пересылка — 10 р. 85 к., 3) перевозка со станции на ломовом и чаевые за погрузку — приблизительно 1 р. 40 к., 4) освящение образа (священнику 2 р., диакону 1 р., псаломщику 25 к. и свечи при водосвятии 25 к.) — 3 р. 50 к.

Все, как говорится, „чин-чином“!..

Но случился казус — на образ не хватило 18 р. 94 к.

Заметался жандармский ротмистр и... нашелся поправить дело.

Засел в кабинете, вооружился пером, высчитал и сообщает Бакову:

„Если мы 20 апреля соберем, на что ты должен согласиться, с каждого по 1 р. 25 к., и я 5 р., что составит 12 р. 50 к., то все-таки останется недохват 6 р. 44 к., поэтому 20-го необходимо внести еще больше: так как я делаю взносы всегда в четыре раза больше каждого унтер-офицера, т.-е. при обычных взносах каждый из вас вносит по 25 к., я же — 1 р., при усиленных — вы по 1 р. 25 к., я же — 5 руб., а потом каждый месячный взнос является для вас 0,1 доли, а для меня 0,4, а всех 10 долей, то в недостаче доля каждого из вас 1 р. 89,4 коп., а для ровного счета 1 р. 90 к., а для меня в четыре раза больше—7 р. 60 к., что и составит 19 руб.“.

Как ни жалко, а платить приходится в четыре раза больше, и расчетливый ротмистр пытается найти выход.

Предположив, что жандармы люди бедные, он предлагает им следующее:

„Если тяжело внести сразу по 1 р. 90 к., то вновь предлагаю каждому подумать — уступить ли старый образ отставному унтер-офицеру Львову для облегчения расходов и, если образ будет уступлен за 3 р. 94 к., то получится: 1) собранные деньги 98 р. 56 к., 2) уступка

образа (уступка, а не продажа, так как образа не продаются) — 3 р. 94 к., итого 102 р. 56 к. и на долю каждого из вас придется уже не 1 р. 89,4 коп., а только лишь по 1 р. 50 к.“.

„Ожидаю немедленных донесений: 1) желаешь ли ты 20 апреля внести 1 р. 90 к., 2) если внести сразу столько тяжело, то желаешь ли уступить старый образ отставному унтер-офицеру Львову за 3 р. 94 к.“.

Даже сам святой, изображенный на иконе, не сумел бы так справедливо поступить с теми, кто ему молится, как поступил ротмистр с Баковым, старательно отдававшим ему честь.

Мы уже говорили о том, сколь плотное сито было у Григория Спиридоновича Бакова и как трудно было проскочить через него, даже сложив крестом руки и с гимном „боже царя“. Теперь докажем это.

В деле о „симпатиках“ мы видим, что даже некоторые из „знати“ гор. Весьегонска, с которой пан исправник водил хлеб - соль, с которой выпивал, обедал и играл в карты, и те попали в разряд „неблагонадежных“.

Мы уже не говорим о „мелких сошках“ — о тех, кому исправник молча, не глядя, подавал два пальца. Те, безусловно, были „революционеры“.

Даже те, для кого, собственно, полиция и существовала, в ее глазах были „либеральными“.

Мало того, даже сама полиция в глазах жандарма была „с пушком на рыльце“ — и в разряд „замеченных“ попадали иногда земские начальники, волостные старшины, попы и прочие, кто, составляя Бакову и его начальству компанию, имели под мундирами, пиджаками и рясами жандармские аксельбанты и прожженную полицейскую совесть.

Мы уже не говорим о конторщиках, писцах и т. п. В глазах жандарма это была слизь и грязь, которой необходима дезинфекция нагайкой.

Ну, а масса рабочих и крестьян? Из всех документов видно, что одно слово „рабочий“ внушало полиции ужас и заставляло следить и беспокоиться. Та же тревога охватывала и при слове „крестьянин“.

Многие документы прошлого говорят о том, как чутко относилась жандармерия ко всему тому, что связывается с деревней, с крестьянством.

Вот дело „о публичных собраниях — 1907 г.“.

В числе бумаг есть „инструкция приставам“, которые обязаны были доносить о собраниях во вверенном им стане.

И мы читаем донесение пристава 4 стана Лабуздко:

„22 января в Арханском волостном правлении состоялся волостной сход из выборных крестьян каждого селения в количестве 100 чел. Производилась раскладка жалованья сторожу и рассыльному, составлен приговор об увольнении волостного старшины Мухина за пьянство... земского начальника на сходе не было... сход прошел благополучно... никаких противоправительственных речей на сходе не произносилось“.

В связи с преследованиями публичных собраний, нельзя пройти мимо существования в Весьегонске и Чамерове „общества для ознакомления с общественными вопросами“. Старший чиновник особых поручений при тверском губернаторе Д. Рудковский пишет исправнику Благовещенскому письмо, помеченное 11 марта 1907 г. № 1681.

„По докладе моем Г. Начальнику Губернии рапорта вашего от 27 января 1907 г. за № 39 по поводу произнесения на собраниях Весьегонского Общества для ознакомления с общественными вопросами речей явно революционного характера, Его Превосходительство, весьма встревоженный тем направлением, какое приняло общество в своей деятельности, просит вас учредить постоянное и самое тщательное наблюдение за

деятельностью общества и уведомить, не имеется ли в вашем распоряжении в настоящее время каких-либо новых проявлений в деятельности общества, которые бы могли служить основанием для распоряжения о совершенном закрытии общества.

Вместе с тем нет ли оснований для совершенного закрытия такого же общества в с. Чамерове".

Так полиция боялась всего, что напоминало о крамоле.

Рабочие шли в авангарде освободительного движения и против них были направлены особенные меры пресечения всяких крамольных деяний.

Весьегонск и уезд небогаты ни фабриками, ни заводами, а потому не было здесь и организованных рабочих движений, все же зоркий глаз полиции искал смуту и в глухом уголке.

Особенно беспокоил полицию международный праздник 1-ое мая.

В апреле 1909 г. за № 2074 исправнику сообщают, что по имеющимся в департаменте полиции сведениям

„есть основание опасаться, что попытки к празднованию дня 1 мая, ставшие обычными, могут повториться и в текущем году. Так, некоторыми центральными комитетами революционных организаций изданы воззвания с приглашением воздержаться в день 1 мая от работы, дабы посредством коллективных и массовых выступлений показать капиталистам и царскому правительству, что рабочий класс сохранил свою силу и что он готов к новой борьбе и дух бунтарский в нем не убит, а революционная энергия не сломлена. Прошу вас принять меры к недопущению празднования... вменяя в обязанность в этот день ни под каким видом не допускать никаких сборищ, массовок, восстаний, шествий с красными флагами и пением марсельезы... В случае, если, несмотря на все принятые меры, беспорядки все-таки возникнут, таковые должны быть прекращены самыми энергичными мерами.

Губернатор *Бюнтинг*".

В другом месте нач. Тверск. губ. жандармск. упр. от 26 апреля 1911 г. № 362 озаботился ознакомить исправника со средствами борьбы с празднованием 1 мая. Он пишет:

„Как на один из способов своевременного осведомления об этих собраниях, рекомендуется выбирать для наблюдения более подходящих людей из торговцев, содержателей загородных ресторанов, трактиров, чаен и т. п. заведений, лесных сторожей, огородников и др., которым и предлагать сообщать о всех сборищах в полицейский участок или жандарму, оплачивая эти сведения, смотря по важности.

Генерал-майор *Шелестов*".

Так старательно преследовала полиция единственный праздник рабочих всего мира.

По преследованию рабочих мы имеем три документа: фотографические карточки, наклеенные на бланк С.-Петербургского охранного отделения, с именами рабочих, изображенных на карточках.

1. Весьегонского уезда, Поповской волости, деревни Толстикова Будаев Павел Антонович, занесенный на карточку охранки за забастовку и агитацию среди булочников в 1912 г.

2. Весьегонского уезда, Прудской волости, деревни Осташева Иван Иванович Шуманов — за участие в трамвайной забастовке 2 июля 1909 г.

3. Весьегонского уезда, Кесемской волости, Сапыгин — за принадлежность к боевой дружине.

Размер карточки — в четверть листа. Заполнена сведениями о преступнике. На одной стороне сверху помещается портрет политического преступника, снятого в профиль, лицом к зрителю и во весь рост. Портреты поражают чистотой своей отделки, — даже веснушки на лице и небритый подбородок заметны на

снимке. На этой же странице располагаются сведения, касающиеся изображенного на снимке, его внешнего вида с ног до головы, его качеств и др.

Описание начинается со лба, о котором важным считает охранка сказать, какой он — выпуклый или прямой, его высота, ширина, особые приметы; о носе — его ширина, длина, высота переносья, форма, величина выступа; о губах — их толщина, величина выступа, особые приметы; о рте и подбородке, об очертании профиля и их свойствах; о правом ухе — его внутренней складке, мочке, бордюре, форме и др.; о цвете бороды и усов; о цвете волос на голове, их плотности и величине в момент съемки; о бровях, их расположении, направлении, форме, размере, цвете и особых приметах; о глазных впадинах и яблоках и глазных щелях; о веках; о морщинах на лбу, их выражении; о форме головы спереди и цвете лица; о сложении фигуры человека. На той же странице внизу имеются отпечатки всех пальцев правой руки (дактилоскопия).

На обороте карточки проставлены сведения, касающиеся личности: имя, отчество и фамилия, подробное звание, место рождения, сведения о родителях и родственниках, любовная связь, вероисповедание, образование, местожительство, отметка о привлечении за преступления ранее, описание примет: шеи, плеч, рук, ног, № обуви, осанки (походка, манера держаться), походки в смысле выправки корпуса, особенности в жестикуляции (гримасы, мимика), языке природном и акценте, особенности в одежде, привычки, шепелявость и картавость.

Здесь же внизу помещаются дактилоскопические сведения о левой руке.

Этот довольно полный портрет крамольника тщательно составляла охранка, затем карточки перепеча-

тывались во многих экземплярах и рассылались по всем полицейским гнездам и в первую очередь на родину, куда мог скрыться преступник.

. . . .

Перед нами прошла картина, рисующая полицейскую обстановку, в которую был поставлен волею действовавших царских законов и указов наш Весьегонский край.

Сейчас посмотрим, какие усилия прилагала полиция к подавлению уже тогда нараставшего движения большевизма.

Ни один из существовавших тогда политических течений не вызвал со стороны полиции столько предосторожностей и предупреждений, как ленинско-большевистский толк.

Уже в то время полиция чуяла всю опасность большевизма и... тверской губернатор сыпал даже в Весьегонск циркуляры, призывая ополчиться против надвигающейся бури.

Отголоски губернаторского зычного „не пущать их" докатились до нашего глухого края в таком виде.

Вот — совершенно секретное циркулярное сношение от 25 марта 1908 г. № 1445.

„По полученным в Департаменте Полиции сведениям, Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (ленинцев) рассылает в настоящее время в провинциальные организации сообщение, обрисовывающее ближайшие задачи партии, в котором между прочим говорится нижеследующее: „главное внимание следует обратить на экономическую борьбу, в области которой можно ожидать чрезвычайного обострения. Равным образом внимание партии должно быть обращено на культурно-просветительные общества, завоевание которых даст нам возможность направить мысль рабочих по линии революционной борьбы".

Давая знать об изложенном, предлагаю Вашему Высокоблагородию установить за имеющимися во вверенном вам районе культурно-просветительными обществами самое тщательное наблюдение и о всем замеченном доносить. Губернатор в должности гофмейстера *Н. Бюнтинг.*

Исп. обяз. правителя канцелярии *Макринов*".

Вот отношение пом. нач. Тв. губ. жанд. упр. от 18 декабря 1913 г. № 690, где мы читаем:

„По поступившим дополнительным сведениям на состоявшемся 1 ноября сего года за границей заседании Ленинского Центрального Комитета между прочим постановлено: выпустить ныне же прокламации с призывом к всеобщей забастовке на 9 января наступающего года".

И жандармский ротмистр „убедительно просит не допускать никаких выступлений рабочих, пресекать самыми крутыми мерами разного рода митинги, массовки, сходки и манифестации".

Вот сношение тверского губернатора от 20 февраля 1912 г. № 1731 и от 15 декабря 1913 г. № 68.

„На всех собраниях ленинско-большевистского толка выработаны резолюции по приложенной к циркуляру Центрального Комитета программе, в которую включены следующие требования, как необходимое условие полезности и жизненности закона о страховании рабочих: 1) обязательное правительственное страхование рабочих не только на случай заболевания, но также и на случай смерти, неспособности к труду, инвалидности, а для женщин на случай беременности и родов, 2) страхование должно распространяться на всех рабочих без исключения, 3) расходы по страхованию должны быть возложены на правительство и на предпринимателей, рабочих же надо освободить от всяких издержек, 4) при всех случаях потери трудоспособности рабочие должны получать полное свое содержание от первого дня заболевания вплоть до полного выздоро-

вления: медицинская помощь должна быть оказана не только рабочим, но и их семействам; в случае полной инвалидности рабочий должен получать жалованье в полном размере; если инвалидность частичная, пенсия должна соответствовать степени неспособности к труду; в случае смерти рабочего, его семья должна быть снабжена полностью содержанием; в случае беременности женщину надо освободить от работы за 8 недель до родов и 8 после родов, сохраняя для нее полное жалованье; лица, достигшие 55 лет, должны перейти на пенсию, которая равнялась бы их жалованью; 5) все страховые общества должны быть объединены одной универсальной организацией — центральной и 6) местные организации должны быть основаны не по принципу территориальности, т.-е. все рабочие данного района должны образовать районную кассу для всякого рода страхования, независимо от того, на какой фабрике они работают, при чем во всей организации должен быть проведен принцип полной самодеятельности застрахованных".

Учитывая нарастающую симпатию трудящихся к партии большевиков, встревоженная полиция рукой ротмистра фон-Дрейлинга пишет исправнику.

„Так как в требованиях затронуты интересы рабочего класса и низшего земледельческого сословия (крестьянства), то несомненно для предотвращения осуществления всеобщей стачки, надлежит обратить тщательное внимание за фабриками, заводами, разными ремесленными заведениями и селениями, особенно раньше отличавшимися своей неблагонадежностью. В виду вышеизложенного прошу Вашего Высокоблагородия о принятии самых решительных мер в целях предотвращения забастовки и в случае осуществления ее или иных выступлений, подавления ее, с изъятием из среды явных руководителей".

Решительность мер борьбы с большевиками звучит во всех циркулярах губернатора.

В сношении своем от 9 августа 1915 г. № 10209, он пишет, что большевики, „неудовлетворенные в своих требованиях, готовы перейти в вооруженное выступление, при чем для этой цели Центральный Ленинский Комитет вошел в соглашение с некоторыми городами Поволжья в смысле необходимости восстания и уже в некоторых городах получены сведения о том, что предположено произвести попытки восстания и столкновения с полицией“.

Не забыл губернатор указать и средства, коими надо душить требования рабочих.

„Необходи́мо срочно приготовить достаточное количество стражников, всегда готовых подавить всякие попытки восстания“.

Полиция „из кожи лезла“, чтоб узнать, что замышляется большевиками, и, провокаторским путем добывая сведения, ставила в известность о программе каждый участок, дабы иметь возможность предварительно все обдумать и вернее вести борьбу.

Внушительного размера циркуляр департамента полиции от 25 августа 1913 г. № 103536 представляет в этом случае большой интерес, подтверждая вышесказанное.

„Секретно. Циркулярно.

По имеющимся в Департаменте Полиции сведениям, члены Российской социал-демократической рабочей партии большевистско-ленинского направления в настоящее время признают необходимым начать подготовительную работу для своевременного перехода к пользованию нелегальной литературой в возможно широком масштабе: запасаться адресами, агитировать за сборы денег в пользу нелегального издательства и настаивать на посылке за границу ныне отсутствующих корреспонденций с мест.

Кроме того, представители названной партии находят, что рабочее движение в настоящее время разрослось более чем широко и задачи социал-демократии

сводятся лишь к тому, чтобы, объединяя подготовленные сознательные элементы, систематизировать и руководить их разрозненными выступлениями.

Оставляя открытым вопрос о времени наступления новой революции, социал-демократы считают себя обязанными продолжать усиленно свою работу в прежнем направлении, раз они берут на себя руководительство рабочим движением. В этом направлении желательно и рекомендуется изменить тактику текущей работы. Нельзя ограничиться поддержкой ныне наблюдаемых выступлений в области экономических стачек, имеющих весьма слабую политическую окраску. Должно постараться придать этим выступлениям более серьезный политический характер, обострять эти выступления, мирно протекающие стачки выносить на улицу, превращая их в шумные уличные демонстрации и митинги.

При подобном образе действий меньше будет страдать промышленность и, в то же время, возможно привлечение внимания и сочувствия элементов фактически в настоящее время непринадлежащих к рабочему классу: горожан, крестьян, солдат... Иными словами, выступления эти должны носить характер своеобразной воспитательно-политической школы для масс, поддерживая при этом поднятость настроения в населении.

Наряду с этим констатировано, что в настоящее время в верхах партии еще слишком мало сил для подобной работы, ибо: а) нет в России нормально функционирующих организаций, за исключением Петербурга и Киева; б) нет лиц, которые могли бы на себя взять руководительство текущей работой, в виду чего отдельные попытки на местах носят разрозненный характер и крайне неудачны и, что самое главное, в) нет средств для отправки в Россию из заграницы хотя бы пятишести руководителей.

Сообразуясь с такой обстановкой текущего положения на местах, социал-демократы заняты разрешением вопроса о ближайших очередных задачах.

Прежде всего возник вопрос о том, чем заинтересовать внимание рабочих: вопрос о страховой кампании

в настоящее время потерял свою остроту, так как страховые учреждения уже проводятся в жизнь; стачечная волна заметно идет на убыль, а между тем необходима усиленная работа в области партийного строительства. В этих видах предположено отпечатать и распространить, под названием „объединительная платформа“, особое воззвание в виде анкеты, для выяснения вопроса о том, с кем в настоящее время возможно вести совместную работу, при чем желательно, чтобы рабочие у себя на местах обсуждали положения платформы и голосовали ее. Это и явится текущей организационной работой в смысле подсчета своих сил и подготовительных действий к проектируемой в ближайшем будущем общероссийской конференции.

Несмотря на наличность легальной рабочей прессы, отсутствие нелегальной литературы весьма дает чувствовать себя и фактически сводит на нет все начинания в области организационной подпольной работы.

Внимание сознательных масс устремлено на легальные рабочие органы, благодаря чему за границей не имеется сведений с мест и нет возможности учитывать текущую обстановку, неизвестно даже, где в какой форме существуют и функционируют наличные партийные ячейки и группы. Помимо сего легальная пресса имеет тот недостаток, что лишена возможности отводить у себя место организационным вопросам в специальном значении этого слова.

Дабы наладить это дело, члены Российской социал-демократической рабочей партии большевистско-ленинского толка находят нужным изменить самое содержание центрального органа газеты „Социал-Демократ“, так как многие из его прежних функций могут выполнять легальные марксистские органы.

Освободив свои столбцы от статей воспитательного и полемического характера, центральный орган должен исключительно заняться вопросами организационного строительства, тактики, партийных директив и информирования.

С своей стороны, рабочие должны организовывать сборы на нелегальную литературу и корреспондиро-

вать в центральный орган о текущем положении на местах.

Об изложенном Департамент Полиции имеет честь сообщить, покорнейше прося обратить внимание на выработанные членами Российской социал-демократической рабочей партии Ленинского направления директивы в вопросах ведения партийной работы посредством насаждения нелегальной социал-демократической прессы и уличных выступлений.

Подписал Директор *С. Белецкий.* Скрепил и. д. Завед. Особым Отделом *М. Броецкий*".

Полицейская поэма закончена. Та буря, которую старательно силилась предотвратить жандармерия, пронеслась над Россией и разрушила до остатка обломки самодержавия и твердыни буржуазно-помещичьего господства.

Ручьями своей крови пролетариат затопил подвалы охранок и застенки палачей, где захлебнулись жадные глотки фараонов и охранников.

Немногим из них удалось избежать грозного суда победителей, но части их удалось укрыться.

В армиях царских генералов, в бандах помещиков, наседающих на нас, идут эти кровососы, и там, где временно утверждается власть буржуазии, они снова оказываются при „деле", звякают шпорами, тычут кулаками и в кровь секут спины рабочих и крестьян.

Рослые длинноусые жандармы, толстобрюхие пристава, поджарые урядники и юркие шпики, вспоминая сладкое прошлое, всеми мерами стараются замутить воду в Советской стране, всеми силами пытаются пособить помещикам одолеть непокорный трудящийся люд.

Весьегонский пахарь! Удвой свою бдительность и кругом и около! В железные клещи зажми рьяных защитников прошлого и пособников дворян!

Берегись снова посадить их на свою шею, так как победив, они более никогда с шеи твоей не слезут.

Крепко взнуздав тебя, хлестким кнутом они вспорют твои бока и поедут на твоей спине с разухабистыми песнями.

Тебя, сваленного на землю, они привычно изобьют крепкими подковами своих сапог и заставят громко кричать „ура“ и петь „боже, царя храни“...

Берегись, весьегонский крестьянин! Знай, что если восторжествует помещичье - полицейская свора, ты в кабалу навеки отдашь свое потомство, которое проклянет своих дедов, отцов и братьев.

Вольную и счастливую жизнь должны мы передать в наследство нашим детям. Позор — нам, если вместо этого мы допустим глумиться над ними осатаневших дворян и мстительно-хищных жандармов!

За лучшее будущее наших детей вперед на стан врагов, освобожденный весьегонец!

Сзади — крепостное право и полицейские удила, впереди — воля и прямая широкая дорога в царство довольства, в царство социализма!..

III. ПОД ИГОМ РЕЛИГИИ

История нашего края, к сожалению, не дает нам подробностей того, как развивалась религия, когда и где возникли церкви и монастыри, но из разных источников мы видим, что и в давние времена мужику приходилось от них очень туго.

Жадность христианских служителей была такова, что, например, не имеющий никакого, казалось бы, отношения к нашему краю Московский Симонов монастырь владел в XIII веке, т.-е. лет 600 тому назад,

целыми селами и деревнями Весьегонского уезда.

Симонову монастырю вплоть до 1764 года принадлежали селения уезда близ Тверского, Ярославско-Устюженского и Ярославско-Мологского трактов, как, напр., село Весь (наш гор. Весьегонск), с. Косьмодемьяновское (ныне Чернецкое), с. Неверовское, с. Фоминское, с. Лекма и др.

Побывали в монастырских лапах и еще кой-какие селения нашего уезда, а именно: с. Баскаки, д. Александрово, д. Суслово, д. Сбрындино, д. Приворот, д. Средняя (ныне Подлесная), д. Новинка (пустошь), пуст. Кропивна, пуст. Труфоница, пуст. Задняя Избища, пуст. Михалево (ныне дер.), пуст. Илькино, пуст. Захарово, пуст. Лукино (ныне дер.), Жернино, Большой Круглик, Самша, Кулеберово, Тонковидово, Амосово, Белавино, Большой Приворот, Малышево (ныне дер.), Мартьяново, Трестенка, Медведица, Яфимково, Вакулина, Саввина Нива, Борисо-Глебское.

В 1455 году они были пожалованы кем-то (или проданы, заложены) Троице-Сергиеву монастырю, но лет через сто были выкуплены и ими владели помещики Рыкуновы, Маклаковы и Хворостинины; затем в последние года XVI века (1590 — 1599) княгиней Антониной Хворостининой они снова были проданы этому монастырю, из которого по приказу свыше были перечислены в 1714 году в новоустроенный Александро-Невский монастырь г. С.-Петербурга для прокормления монахов, в 1730 г. снова попали к Троице-Сергиеву, где и находились до 1764 г.

Во время кабального состояния этих селений в Баскаках был монастырский двор, в котором, напр., в 1616 г. проживал служка Васька Иванов, а в соседней д. Поповке, ныне пустоши, проживал дьяк Семен

Собакин. В соседней д. Новинке, ныне пустоши, проживал монастырский воловик Гришка Фомин.

Подати сбирались в определенном размере с домов и с сох земельных и препровождались через монастырский двор в монастырь.

Сборы повинностей производили „выборные на миру" и старосты. Последние обязаны были собственною „совестью" и по евангельской заповеди „ей-ей" доставлять вернейшие сведения подъячему о доходности в вотчине сел и деревень.

Подъячий Авдий Козмин показал, что приселок Баскак с 11 деревнями платит по переписным книгам 1678 года с 92 дворов оброчных 106 рублей 10 алтын и хлеба 150 четвертей.

По переписи 1710 года в приселке и 8 деревнях оказалось всего 25 дворов.

С того времени плата убавилась: стали платить по 25 рублей и 40 четвертей хлеба. Земля здесь была крайне неплодородна и крестьяне были бедны и затруднялись платить повинности. Напр., на 1715 год за недоплаченный оброчный хлеб [ржи 25 четвертей, овса 12 четвертей с осминою] должны были платить деньгами 22 руб. 50 коп. А с 1710 — 1715 года недоимок числилось: ржи 75 чт., овса 37 чт. с осминою, каковые недоимки велено было приказчику с. Молокова Кондратьеву взыскать с крестьян без промедления, когда село было перечислено из Троице-Сергиевой в Александро-Невскую лавру.

[Описание дел архива Алекс.-Невск. лавры за 1714 — 1715 год, стр. 494.]

В то далекое время, кроме того, и в самом нашем крае существовали эти гнезда тунеядства.

Так, был Евфимиев Смердынский мужской монастырь, ныне погост Смердыни, Весьегонского уезда.

В 1581 году о нем говорится:

„Да у того ж погоста (то есть Смердыни) выставка монастырек. А в нем церковь св. муч. Ефимья древяная, да в монастыре же двор черной поп Онтоней; да три кельи нищих, а питаются от церкви Божией“.

Была Спасо-Ренская мужская пустынь, ныне слобода Спасоренская, Весьегонского уезда. По преданию, основана Зосимою Соловецким (в XV столетии). В архиве Антониева Краснохолмского Никол. монастыря, которому была приписана пустынь, в описи 1575 года сказано, что в 1564 году некто болярин Борис Быков, сын Нелединский, пожертвовал в означенную обитель принадлежавшую ему Федоркову вотчину с крестьянами, а в состав сей вотчины входила и местность нын. Спасо-Ренской пустыни.

Была также Успенская-Богородицкая-Ламская мужская пустынь, ныне погост Ламская пустынь, Весьегонского уезда.

Сохранилось предание о том, что перемутские крестьяне не дали задержаться у них путешествующим Зосиму и Савватию и прогнали их, боясь устройства ими монастыря, так как для того времени монастырь был помещиком.

Более того, и позднейшие сведения рисуют крестьян нашего края и близких к нам не такими почтительными к церкви и ее служителям, как думают многие, говоря, что вот-де в старину люди уважали церковь.

В нашем распоряжении имеется письмо крестьян, окружавших Кирилло-Новозерский монастырь, в котором они просят защиты от монастыря (дер. Сенькино, Поддубной и др. Белозерского уезда, Андозерской вол.).

Вот копия письма:

„Его Высокоблагородию Милостивому Государю батюшке Николаю Ивановичу староста Иван Аврамов

и все ваши крестьяне желаем здраствовать. Всепокорнейше просим защитить нас обидимых от Новоезерского монастыря поелику нас очень обирает и ловить воспрещает никольми нам, но и всем крестьянам около озера Андозера жительствующих, но некоторые господа и крестьяне подают бумагу и копию Вашему Высокоблагородию представляют и требуют у монастыря акт почему владеют и нам воспрещают. По просьбе монастыря господин Исправник приезжал и нам воспрещал, некоторых бил и меня старосту бил, но акты все ложные представляет в документах городских дач никаких нет и никем не отдано, но только отдано правлением экономические дачи. И не возможно ли подать бумаги почему ловить монастырь воспрещает и никаких настоящих актов не дает. Или нам прикажете подать. Всепокорнейше нас уведомить покорные рабы ваши под пред стопы ног Ваших кланяемся".

Да и за что, правду говоря, мог уважать пахарь того времени крепко сидевших на его шее длиннокосых мироедов!

С одной стороны, мы сейчас увидели образ пастырей церкви, которые, оставив мир жизни и суеты, удалились за стены монастыря „спасать свою душу", но не потеряли связи с господином исправником, который наезжает в святую обитель и крепко бьет мужиков за попытку ловить рыбу в монастырском озере Андозере.

А вот перед нами следующее письмо помещика рисует образ служителя церкви в „миру", вдалеке от монастырских стен.

„Честнейший отец Николай Федорович!

Прошу вас сочетать браком крестьянина приходу вашего деревни Козлов Василья Семенова на вдове Парасковье Козминой.

При сем прилагаю к вам и от Кесемскова священника два письма, из которых вы можете увидеть, что он не в силах от пьянства браку совершить, а потому прошу вас без всякого сумнения обвенчать.

С истинным моим почтением честь имею остаться навсегда доброжелатель ваш *Степан Батюшков*".

Само собой разумеется, что как своими проповедями, так и делами духовные отцы не особенно влияли на своих пасомых, и последних для привлечения в божьи храмы и для понуждения к доброхотному даянию в карман священноцерковнослужителей надо было завлекать не одними просьбами, устрашениями и властью.

Приходилось надумывать что-нибудь повернее упомянутого.

Дело за святителями не стояло!

Перед нами лежит чрезвычайно ценное и интересное дело „по предписанию г. Тверского губернатора о доставлении ему сведений по предмету найденной в селе Кесьме на колодце иконы". Бумаги помечены августом месяцем 1845 г.

То ли вообще скудны были доходы священнику села Кесьмы, нашего уезда, то ли много требовалось ему на „горилку", но однажды в летний вечер 1845 года задумал он произвести чудо, зная заранее, какие выгоды ему и церкви обещает оно.

Задумано — сделано. Чудо налицо. Народ валом валит в Кесемскую церковь, а умный пастырь днем славословит бога, а вечером считает обильную выручку.

Так бы и процветала сельская церковь и хозяйство кесемских отцов, да пошел слух плохой в народе, начали узнавать правду о божьем „чуде", а более смелые из прихожан и открыто посмеиваться над „чудотворцами".

Дело повернулось в другую сторону, и высшее начальство решило предупредить православных разбором этого дела, благоразумно рассудив, что лучше самим закрыть поповскую лавочку, чем дожидаться, пока ее закроют прозревающие богомольцы.

Для поддержания поколебленного авторитета святой православной церкви тверской гражданский губернатор 17 августа 1845 г. за № 9116 предписывает Весьегонскому земскому суду „с оборотом почты донести, по какому случаю разнеслись слухи о найденной в селе Кесьме иконе, то-есть не говорят ли, что при сем обстоятельстве, или впоследствии, были от той иконы какие-либо чудеса, какие именно, над кем совершились и кто распространяет и первый выдал те слухи; в противном же случае, по каким побуждениям стекается в село Кесьму для богомолия народ“.

По произведенному временным отделением Весьегонского земского суда следствию выяснилось следующее:

„Чтоб были от иконы какие и над кем-либо чудеса не видно, кроме как найдена была икона эта крестьянскою женкою вочтины Г. Батюшкова села Кесьмы Анною Матвеевою, которая о сем объявила местному священнику и сей благочинному и по приказанию благочинного внесена эта икона в деревянную церковь, отчего сильно пронесся слух и по этому стекался для богомолья народ, по просьбе которого местный села Кесьмы священник служил молебны иконе во имя Параскевы мученицы, впрочем с производством следствия и взятием Епархиальным начальством ту икону в губернский город Тверь, стечение народа прекратилось.

Сверх сего подозревается в подложном явлении иконы священик села Кесьмы Тимофей Яковлев тем, что села крестьянской сын Захар Александров, имеющий от роду 10 лет, при следствии показал, что он по приказанию того священника поставил эту икону в колодезь, которую выдал ему священник, а нес для сего по задворкам того села. Этого из деревенских жителей и прихожан никто не видел, кроме четырех крестьянских сыновей: Власа Гришина, Бориса Коротаева, Симона Жукова и Ивана Леонтьева, которые

видели, что крестьянский сын Александров от них пошел вечером к священнику, но зачем, и нес ли икону, того не видали и он им не сказывал, противу чего священник Яковлев учинил препирательство".

К сожалению, этим документом заканчивается дело, и мы не знаем, как данное „чудо" отозвалось на сотворившем его служителе алтаря, но доподлинно знаем, что во многих местах уезда пастыри церкви оказались много умнее кесемского попа и до настоящих дней в некоторых селах темные поселяне благоговейно чтут явленные иконы, к „чуду" явления которых никто не „прицепится".

В этих случаях, наверное, попы носили по задворкам и ставили иконы в колодцы и овраги самолично, не доверяя болтливым крестьянским детишкам такое секретное дело...

Интересные сведения дают нам документы прошлого об отношении крестьян того времени к церкви. Сдавленные властной помещичьей рукой, избиваемые и дворянами и полицией, раздетые догола сворой господ и начальства, весьегонские пахари не особенно радостно смотрели на небо, верили попам и их слушали, так как ясно видели, что если и есть бог, то существует он для богатых и молиться ему — напрасно тратить время.

Вот хорошее доказательство этого!

Священник Весьегонского уезда села Сандова Семен Рождественский 14 марта 1855 года за № 25 дает в уездный Арханский приказ такие сведения:

„В продолжение минувших Святые Четыредесятницы 5 недель подведомых Арханскому приказу крестьян, бывшими у меня на исповеди и приобщившимися Святых тайн, найдено мною не более третьей части. Исполняя требование своей пастырской должности как по совершении богослужения в храме Божием, так

*

и при всяком встретившемся для меня удобном случае в их селениях, своими наставлениями и убеждениями всемерно старался побудить их к исполнению христианской обязанности исповеди и святых тайн приобщения, но не находя никаких успехов в моих действованиях и донося о холодности моих прихожан и беспечности к исполнению ими христианских обязанностей, и прошу оный приказ с своей стороны преподать им свои наставления и употребить все возможные меры, чтоб понудить их, как к неопустительному хождению в храм по воскресным и праздничным дням, так и к исполнению христианской обязанности исповедию и святых тайн приобщением. Села Сандова священник Семен Рождественский.

Присем прилагаю список крестьян, их жен и детей, небывших у исповеди и святого причастия с означением кто сколько лет не был в прошедшие годы. Оных означенных людей прошу арханский приказ, вызвав, снабдить краткими наставлениями; в случае же их упорности, предпринять меры, какие ему благоугодны будут, в неисполнении христианских обязанностей, выслать в церковь их приходскую для назидания их мною“.

И по этому „прилагаемому при сем списку“ жалующегося пастыря мы видим, что некоторые из его прихожан, главным образом женщины, не были у исповеди по нескольку лет подряд, а всего из Благовещенья—15, из Тукова — 17, из Попихи — 12, из Острочихи — 12, из Тимхова — 14, из Топорова — 18 и Вичихи — 12, да дополнительно из поименованных и других деревень 152 женщины и 60 мужчин.

По „реэстру, составленному в Вышневолоцком духовном правлении из поданных в оное от некоторых священноцерковнослужителей Весьегонского уезда исповедных росписей о том, кто именно из их прихожан по удельному ведомству не был у исповеди и св. причастия в 1854 г.“, видно, что таковых было

по приходам сел: Пожарья, Пнева и Волховиц из деревень: Большого Бора, Малого Бора, Косячихи, Горки, Юрьева, Микшева и Батихи обоего пола 186 человек.

По „ведомости, составленной в Бежецком духовном правлении из поданных от подведомых священноцерковнослужителей исповедных за 1854 г. ведомостей о небывших во св. Четыредесятницу у исповеди и св. тайн Причастия по опущению крестьянах удельного ведомства с означением, каких они приказов или отделений волостей и селений“, видно, что таковых состояло в Арханском, Игумкове, Пальцове, Миселихе, Щетках, Безделье, Садове, Карповском, Холму, Толстикове, Кузнецком, Медове, Найденке, Родионихе, Воробихе, Будокине, Михалихе, Захарихе, Вичихе, Топорове, Тимхове, Остречихе, Попихе, Тукове, Благовещенье, Весьнине, Ваневе, Высокушках, Ельцыне, Бухрове, Бору, Борихине, Сенцове, Копаеве, Житникове, Верхневе, Каменке, Черневе и Клабуках — мужчин 201, женщин 325.

За 1858 год число „нерадеющих о христианском долге“ по приходу Волховиц и Пожарья достигает также до 200 человек, таковое же явление со стороны крестьян в отношении к „церкви божией“ наблюдается и в ряде последующих годов.

Вопли пастырей о „заблудшем стаде“ не оказываются „гласом вопиющего в пустыне“, а производят должное впечатление в высших духовных сферах, откуда несется такой отклик.

Тверская удельная контора 26 июня 1859 года за № 4746 шлет такую бумагу на имя Чамеровского приказа.

„Тверская Консистория на основ. 26 ст. Св. Зак. тома XIV, препровождая в Тверскую Удельную Контору имянные ведомости о неисполняющих в 1858 году

за нерачением христианского долга исповеди и св. Причастия крестьянах Удельного Ведомства, жительствующих в Тверской епархии, просит учинить надлежащее распоряжение о понуждении чрез кого следует поименнованных в сей ведомости крестьян к неопустительному и каждогодному исполнению христианского долга исповеди и св. причастия.

Вследствие сего Тверская Удельная Контора, препровождая сказанный список, предписывает обязать подпискою поименованных в списке лиц, чтобы они непременно исполнили христианский долг в нынешний Успенский пост и чтобы исполняли это ежегодно под опасением строгой по закону ответственности.

По исполнении сего список передать в Арханский приказ для той же цели с тем, чтобы оный, по надлежащем исполнении, представил бы обратно в Контору.

Помощник Управляющего *(подпись).*
Столоначальник *(подпись)*".

Арханский приказ во исполнение этого пишет следующее.

„ОТ АРХАНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПРИКАЗА
ДОБРОСОВЕСТНОМУ ПЕТРУ МИХАЙЛОВУ
ПОРУЧЕНИЕ

В исполнение предписания Тверск. Уд. Конторы, от 26 июня № 4746, последовавшего на имя Чамеровского Приказа, Арханский Приказ поручает тебе отправиться в Волховицкую волость и поименованных в прилагаемом при сем списке крестьян и крестьянок обязать подписками, чтобы они непременно исполнили христианский долг в нынешний Успенский пост, и чтоб исполняли это ежегодно под опасением строгой по закону ответственности. За исполнение ими христианского долга в Успенский пост сего года непременно ты должен за ними строго наблюдать и кто будет на исповеди и у св. причастия приказу сему донести с возвращением списка. Если же кто-либо из поименованных лиц окажется в расколе, то сделать против

имен тех отметки. Приложена печать головы Степанова. Скрепил писарь приказа В. Троицкий“.

А за уклонение в раскол в то время немедленно сажали в тюрьму и по документам прошлого мы видим, что в весьегонском остроге было всегда полное количество арестантов, среди которых преобладали женщины „за совращение в раскол своих детей“.

Так, в декабре 1856 г. тверской гражданский губернатор Бакунин предписал исправнику, сообщив об этом и весьегонскому городничему, отправить для содержания в Весьегонский городской острог крестьянок дер. Попихи Прасковью Парфенову и Вассу Исакову и дер. Тимхова Марью Митрофанову и Авдотью Филиппову, уклонившихся в раскол.

Помещиков и попов того времени мало смущало, что крестьяне не особенно тяготеют к церкви. Подневольных рабов все же „прикрепляли“ к храму, так как господа знали, что церковь вернее заклепает крепостные цепи.

Вот для примера — доказательство — документ.

„Святейшего Правительствующего Синода и Комиссии Духовных училищ Члену Высокопреосвященнейшему Григорию Архиепископу Тверскому и Кашинскому и Кавалеру

Тверской губернии, Весьегонского уезда, помещицы вдовы Александры Стефановой Измайловой

ПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

Имею я крестьян, вывезенных из Казанской губернии, и ныне оных поселивши на крепостной своей земле, отстоящей от города Весьегонска в шести верстах, деревню сию при настоящей 8-й ревизии

наименовала Александровскою, коих всех (вставлено после — по желанию их) и согласна я приписать в приход Весьегонского Богоявленского Собора, как ближайшего из церквей и удобнейшего.

Того ради Ваше Высокопреосвященство Милостивого Отца и Архипастыря покорнейше прошу помянутого Весьегонского Собора священноцерковнослужителям повелеть оных принять без сомнения в число своих прихожан и исправлять все требы по обыкновению в их приходе заведенному и о сем моем прошении учинить Милостивейшую резолюцию. — Марта 1834 года".

В то время, когда подневольное крестьянство чуть ли не на веревке тащили к церкви, под опасением строгой по закону ответственности заставляли исповедывать православную веру и первым долгом старались прикрепить к какому-нибудь божьему храму, одновременно с этим руками этого крестьянства или на его облитые потом и кровью гроши воздвигали в крепостнической стране во славу божью храмы и часовни.

Документы прошлого говорят нам о том, что весьегонский мужик принимал участие не только в постройке церквей на земле нашего уезда, но и там, где ему и не снилось бывать.

В марте 1859 г. от головы Арханского приказа исходит следующее призвание.

„Его Превосходительство, Господин Управляющий Тверскою Удельною Конторою, от 17 марта 1859 г. № 1853 предписал Арханскому Приказу объявить всем удельным крестьянам и крестьянкам ведомства оного, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: открыть повсеместную в Империи подписку для сбора добровольных пожертвований на восстановление и сооружение в городе Пятигорске каменной церкви во имя Спасителя, исцеляющего расслабленного. А потом Арханский приказ приглашает подведомственных оному крестьян и крестьянок, равно и прочих лиц, на добровольное, непринужденное посильное приношение на со-

оружение храма во имя Спасителя, исцеляющего расслабленного, который за малейшую щедроту вашу, сам для вечного успокоения и блаженства душ ваших соорудит храм на небеси.

Голова приказа *(подпись)*.
Писарь *(подпись)*".

Результатом „отзывчивости" крестьян на устройство Пятигорского храма явились пожертвованные ими 4 руб. 25 коп., которые и были отосланы в Тверь приказом при рапорте от 20 декабря за № 2012.

В мае 1861 г. Арханский приказ рассылает следующее предписание сборщикам податей: 1 участка — Ивану Афанасьеву, 2 участка—Антону Титову, 3 участка — Тимофею Титову, 4 участка — Касьянову и 5 участка — Жарову.

„Передавая тебе шнуровую тетрадь для записи добровольных пожертвований на возобновление храма во имя Василия Великого в гор. Овруче, Волынской губернии, Арханский приказ предписывает тебе пригласить, согласно предписанию по сему предмету Г. Управляющего Тверской Удельной Конторою, к пожертвованию всех крестьян твоего участка и жертвователей".

В Волховицкой волости сборщик мог „выжать" с 73 крестьян только 95 коп., при чем деревня Микшеево пожертвовала 20½ коп., Высочки—5 коп., Юрьево — 12 коп., Волховицы — 15½ коп., Батиха — 4½ коп., Решетиха —4 коп., Косячиха — 8½ коп., Залужье — 11 коп., Горка — 14 коп.

По Сандовскому участку удалось „урвать" ровно с сотни крестьян из Малечкина, Никитина и Благовещенья — 1 р. 86½ коп. серебром.

С Борисоглебской вол. с деревень Борихина, Бору, Волосова, Верхнова и Бухрова с 39 крестьян собрано 1 р. 47½ коп.

Представляя при рапорте управляющему собранные деньги в апреле 1862 г. № 439 в сумме 4 р. 28½ коп. [грош застрял в чьем-то кармане], Арханский приказ, между прочим, сообщает, что к добровольному пожертвованию были приглашаемы: г. удельный депутат и служащие при приказе лица, а равно объявлено было обществу крестьян, но из шнуровых тетрадей сборщиков мы видим, что овручский храм „ударил по карману" одних мужиков, да какого-то, видно загулявшего, землемерного ученика Лихачева в Борисоглебской волости, который пожертвовал 12 коп. и занесен на скрижали тетради сборщика Дмитрия Кириллова Касьянова первым, о пожертвовании же г. удельным депутатом и служащими при приказе лицами нет ни „полслова".

Не оставляя своею „милостию" храмы в Пятйгорсках и Овручах, весьегонский крестьянин должен был воздвигать своим горбом и грошами храмы и на земле родного уезда. Само собой разумеется, что не помещики и попы понастроили все те церкви, которые мы сейчас видим.

По сведениям, почерпнутым нами из „Тверского Епархиального Статистического Сборника", изданного Тверской духовной консисторией в 1901 году, явствует, что к 1900 году в нашем уезде было 111 церквей, включая сюда два собора и два монастыря, Антониев и „Камень", и 200 часовен.

Посмотрим сейчас, когда построены эти здания и на какие года падает их наибольшее число.

В этом случае мы не располагаем сведениями только лишь об одной церкви и 50 часовнях, год же постройки других в книжке упоминается, что дает нам возможность проделать свою статистику и указать, когда и сколько их выстроено.

Года.	Церквей.	Часовен.
Неизвестно	1	50
1482	1	—
1592	1	—
1605	1	—
С 1640 по 1650	2	—
1669	—	1
1670 — 1680	2	1
1690 — 1700	2	—
1700 — 1710	2	—
1710 — 1720	2	—
1720 — 1730	3	1
1730 — 1740	2	—
1740 — 1750	3	—
1760 — 1770	3	1
1770 — 1780	4	2
1780 — 1790	5	—
1790 — 1800	13	1
1800 — 1810	3	—
1810 — 1820	6	—
1820 — 1830	11	3
1830 — 1840	9	1
1840 — 1850	8	14
1850 — 1860	6	39
1860 — 1870	6	44
1870 — 1880	7	20
1880 — 1890	5	13
1890 — 1900	3	17
Итого	111	208

К великому сожалению, мы не располагаем сведениями о постройках после 1900 года, но это время еще свежо на памяти у всех весьегонцев, и они знают, „сколько храмов“ появилось за это время на наших холмах.

Кажется, что попам в этом случае похвастаться не придется, так как... много умнее стал весьегонский крестьянин и „за здорово живешь“ работать стал не особо „охоч“...

Воспользовавшись, кстати, упомянутой книжкой, мы посмотрим, каким капиталом обладали церкви в 1900 году, какое количество духовенства было на шее у мужика, сколько „бессребренникам“ платило государство и каким количеством крестьянской земли владели наши весьегонские „апостолы“.

Не для нас, конечно, консистория писала книгу, но („с худого козла — хоть шерсти клок“) попользуемся и мы ею составленными сведениями.

Капитал церквей Весьегонского уезда к 1900 году выражался в сумме 195 232 руб. 43 копейках.

Цифра эта двадцать лет тому назад представляла собой великое богатство.

Эти деньги являлись не личными средствами духовенства, а принадлежали так называемой „казенке“, той меняльной лавочке, в которой, по обыкновению, стоял или помещик (напр., князь Ухтомский) или один из самых зажиточных мужиков прихода, церковный староста.

Тысячи эти, возрастая с каждым годом, составляли неприкосновенный капитал той церкви, которая учила: „не собирайте себе сокровищ на земле, где моль поедает и воры крадут, а собирайте себе сокровища на небе, ибо где будут сокровища ваши, там будет и сердце ваше“.

Являясь, с одной стороны, купцом, сосредоточившим в своих руках изрядные суммы, весьегонская церковь в то же время была и помещиком.

К упомянутому 1900 году в собственности церквей нашего уезда состояло 6481 десятина 1353 кв. сажен разного рода земель.

Весьегонский крестьянин, землю которого цепко держали с одной стороны помещик, с другой — церковь, должен был к тому же, в этот же 1900 год, содержать

на своей шее 1 архимандрита, 4 иеромонахов, настоятельницу и казначею монастыря, 92 попов, 42 диаконов, 2 иеродиаконов, 87 псаломщиков, 12 монахов-послушников и 80 монашек-послушниц, всего 322 духовных персоны, не считая их чад и домочадцев.

Являвшиеся, как и полиция, опорой самодержавно-помещичьего строя, царские чиновники в рясах не оставлялись без внимания и государством.

Для выяснения характера помощи правительства попам мы возьмем 1914 год.

По „справочной книге по Тверской Епархии“, изданной в 1915 г. Тверской духовной консисторией, мы видим, что весьегонскому поповству в год царское правительство выплачивало из казны 24 059 рублей, что с доходами местными, и „с живого и с мертвого“, составляло, наверное, внушительную цифру.

Кроме этого попам услужливо шли на помощь и помещики.

Так, из протоколов заседаний Весьегонского очередного уездного земского собрания сессии 24—28 сентября 1914 г. мы видим, что на 1915 год в уплату попам за преподавание закона божьего в земских школах земство назначило 18 900 рублей, по книжке же Тверской консистории значится, что за эту работу весьегонские попы в 1914 г. получили 15 830 рублей.

Вдумавшись хорошенько в эти цифры, нам понятно будет, почему попы на нас, большевиков, оскалили зубы и сочли нас посланцами лукавого.

Отняв у них 6481 дес. земли, да около 43 000 руб. царско-помещичьих „чаевых“, получаемых ежегодно, мы не могли заслужить их громогласного многолетия, каковым они потрясали церковные своды, возглашая его сначала „благочестивейшему, самодержавнейшему“,

а потом „благоверному временному правительству державы Российстей...“

Возвратимся к недавнему прошлому и посмотрим, за что платились „чаевые“ деньги:

Кроме „обрабатывания“ православных в духе беспрекословного подчинения „властям предержащим“, кроме „вколачиванья“ в голову, начиная с малолетних, всем и каждому, что „власти от бога учинены суть“, мы видим со стороны рясоносцев и чисто полицейское служение по примеру госпожи помещицы Карякиной.

Вот что говорят нам документы из полицейского управления.

Весьегонский уездный исправник 3 июня 1904 г. совершенно секретно за № 137 шлет такое поручение приставу 2 стана уезда.

„До меня дошли слухи, что учитель Пневской школы Иван Евгеньев Рукин имеет какую-то книжку революционного содержания и что эту книжку давал читать брату своему — учителю церковно-приходской школы Аркадию Евгеньевичу Рукину. Сведения эти получены от священника Васильевской Слободы.

Вследствие чего поручаю Вам, Милостивый Государь, немедленно произвести о сем совершенно секретно негласное дознание, каковое и представить мне в возможной скорости.

Уездный Исправник *Иванов*“.

18 июня пристав отвечает, „что по сему делу священник опрошен 13 июня жандармским ротмистром В. П. Бондыревым в присутствии товарища прокурора Кашинского окружного суда, из слов коего по сему делу никаких дознаний не нужно“.

Вот еще — дело, извлеченное в полиции, где говорится, что весной 1905 г. кр-ка Арханской вол., дер.

Устровки Степанида Фатеева по дороге из Красного Холма нашла бумажные листки и принесла их домой, где они и лежали до октября месяца. Один листок она дала на выкройку кр-ну д. Кузнецкого Трофиму Иванову.

24 октября священник села Чистей спросил у нее те листки почитать и затем сказал ей, что листки эти он возьмет себе.

Прочитав эти листки, священник запечатал их в конверт и отправил почтою через волостное правление на имя пристава 3 стана Весьегонского уезда.

Листки оказались прокламацией центрального комитета социал-демократической партии, напечатанной после расстрела питерских рабочих у Зимнего дворца и заканчивавшейся словами:

„Слава павшим! Не за свое личное дело, — за наше общее дело пали они. Поднимайтесь, крестьяне! Присоединяйтесь к рабочим! Они надеются на помощь всех вас! Рабочие готовятся в самом скором времени выйти одновременно во всей стране на последний решительный бой с вражьей силой царского правительства. Готовьтесь и вы к этому бою, крестьяне! Сговаривайтесь, соединяйтесь, вооружайтесь. Когда начнется в соседних городах решительная борьба, снимайтесь с мест целыми селами и деревнями и направляйтесь в города. Заполняйте городские улицы и поддерживайте ваших братьев городских рабочих! Крестьяне! Когда вы соединитесь с городскими рабочими, ничто не устоит против такой силы, и этот союз означает победу революции, а победа революции означает свободу и лучшую долю для всего народа.

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.“

Кроме такой „услужливости“ перед властью, поповство, как и полиция, и в собственной среде искало „крамолу“ и чуть только какой-нибудь духовный сбивался с „истинного“ пути (что было до чрезвычайности редко), немедленно же жандармы в рясах „нюхали“

и доносили о происшедшем „на предмет принятия соответствующих мер“.

Вот копия с копии одного „покорнейшего рапорта“.

„Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Алексею, Архиепископу Тверскому и Кашинскому и Кавалеру

Благочинного 5 округа Весьегонского у. погоста Типни

Покорнейший рапорт

Имею честь благопочтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, что во исполнение резолюции В. В. от 14 дек. 1906 г., последовавшей на докладной записке Благочинного Весьегонского Богоявленского собора Петра Троицкого, мною произведено негласное дознание о мещанском клубе в гор. Весьегонске и об отношении к нему священника собора Павла Москвина, при чем оказалось следующее: действительно в Весьегонске с августа месяца 1906 года образовалось какое-то общество, которое в октябре месяце с разрешения господина Начальника губернии открыло свои действия под названием „общество взаимопомощи для обмена мыслей по насущным вопросам жизни“. В городе это общество известно под названием „мещанского клуба“. Так как члены его состоят по преимуществу из мещан города Весьегонска и только небольшая часть членов его принадлежит к другим сословиям, члены этого общества ни со стороны полиции, ни со стороны жителей города Весьегонска не пользуются хорошей репутацией и по выражению людей более благонамеренных и компетентных составляют подонки мещанского общества, а по своим политическим убеждениям принадлежат к социал-демократической партии, что наглядным образом высказал председатель этого общества и некоторые члены его на предвыборном собрании городских избирателей. В настоящее время общество это имеет в своем составе более ста человек членов.

В состав этого общества действительно входит, как негласный член его, священник собора Павел Москвин, которым внесен в это общество и членский взнос в количестве шести рублей.

Как тайный член этого общества свящ. П. Москвин не участвует в общих его собраниях, но зато нередко делает собрания из членов этого общества у себя на дому, где собрания носят характер более политический, при чем деятельное участие в этих собраниях принимает сын священника Москвина, кончивший курс в С.-Петербургской духовной семинарии.

Так как члены этого общества преследуют совершенно иные цели и далеко уклоняются от своего основного пункта, то со стороны Полицейского надзора и поставлено на вид названному обществу исключением четырех членов его из списка и самое общество намечено к закрытию. Сведения об учреждении этого общества и его действиях собраны и проверены при содействии Г. Весьегонского Уездного Исправника и др. чинов полиции. Не подлежит никакому сомнению, что свящ. Павел Москвин принадлежит к этому обществу и вполне разделяет взгляды и убеждения этой партии.

Священник, как пастырь и служитель церкви Христовой, охранитель веры православной и провозвестник Царства Божия на земле, должен стоять вне всяких политических партий, а более всего и прежде всего быть слугою и гражданином Царствия Божия, где все члены составляют единый, великий и вековечный союз церкви Христовой. Призванный для молитвы и слова церковного учительства, пастырь церкви должен быть на страже своего высокого служения, охраняя врученное ему стадо Христово и возводя его к вечному союзу всех разумных тварей во главе с Творцом и Исцелителем.

Считая принадлежность священника Павла Москвина к политической партии, стремящейся к ниспровержению существующего Государственного строя, делом недостойным пастыря церкви и всякого пастырского служения и не входя в оценку его действий, считаю долгом благопочтительнейше представить на Архи-

пастырское благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства.

Вашего Высокопреосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушник

Благочинный погоста Типни, священник *(подпись)*.

Февраля 10 дня 1907 г. № 75".

На подлинном рапорте резолюция архиерея тверского и кашинского Алексея последовала такая:

„В КОНСИСТОРИЮ.

Вызвать священника П. Москвина в Консисторию для объяснения в присутствии членов и на заключение по данному объяснению. Желательно мне и лично ознакомиться с этим отцом. Вредны подобные пастыри, особенно в городе.

21 февраля 1907 г. № 1149".

В нашем распоряжении имеются очень интересные сведения об отношении служителей церкви к политике, из которых мы видим, сколько в нашем уезде было „вредных" (по мнению архиерея), сколько „внепартийных" и других.

Секретное дело за № 7 весьегонского уездного исправника „со сведениями о церковнослужителях уезда" (началось 30 января, окончено 13 марта 1913 г.) дает такие справки по рапортам приставов, на месте ознакомившихся с настроением духовенства.

Сведения собраны о 228 священноцерковнослужителях уезда.

По политическим группам духовенство распределяется таким образом:

Правого направления	151
Благонадежных беспартийных	57
Умеренных	9
Прогрессистов	8
Левых	8

Судить о том, что представляли собою рясоносцы правого направления, можно по тому факту, что упоминаемый выше благочинный, производивший негласное дознание над Москвиным, значится в группе благонадежных беспартийных.

Из этого мы видим, что царско-помещичье правительство не напрасно давало „чаевые" пастырям, покупая их для укрепления „существующего государственного строя".

Вышеприведенные цифры объясняют нам также с достаточной очевидностью, почему сейчас существующий Советский строй не „по-нутру" поповству... 151 монархист да 57 „благонадежных беспартийных" никогда „не переварят" рабоче-крестьянскую власть.

Наша власть, несомненно, „коробит" и всех этих бывших умеренных и прогрессивных попов, которым, наверное, дальше кадетской программы представлялся „конец света".

Все это — понятно!

Нашему поповству есть чем вспомнить „золотое" время.

Правда, некоторым из них, заброшенным в глухие приходы уже с „обглоданными" мужиками, жилось средне, в особенности „меньшей братии" — дьяконам и псаломщикам, но большинство жило в „благополучии и достатке", наслаждаясь „благорастворением воздухов" и насыщаясь „изобилием плодов земных".

Особенно тепло было жить под крылышком помещиков, которые одинаково радушно „лобызали" и его высокоблагородие из полиции и его высокопреподобие из церкви.

О том, как сытно грелась около помещиков духовная свора, дает доказательство письмо уже известного нам князя Ухтомского к своему управляющему. Прежде

*

опубликования этого письма мы должны кое-что сказать о деятельности тех, кто в нем упомянут, так как и в конце настоящей главы мы коснемся их.

В тощий карман весьегонского пахаря забирались руки не одних только „своих земляков“ помещиков, полицейских и попов. Выше мы упоминали о владении некоторыми селениями уезда дальних монастырей, но и тогда, когда уже эта пора кончилась, на Весьегонский уезд ежегодно, по заведенному исстари порядку, совершались „организованные набеги“ черных воронов.

Так, из года в год по зимам, по многим селам и деревням нашего края провозилась „чудотворная“ икона монахами Николо-теребенского монастыря, находящегося в Вышневолоцком уезде, Тверской губернии.

Пасхальным колокольным звоном встречали их в каждом селе; брали „чтимую“ икону в церковь, где иногда целые сутки деревенские бабы самостоятельно и без отдыха читали акафист и возносили „славословия“, в то время как монахи в гостях или у местного попа или у помещика „до отказа“ набивали „мамону“ с ломившегося от водок и закусок стола.

Как и полагается, по окончании своей „экскурсии“ схимники привозили в монастырь битком набитые деньгами и церковные кружки, и ящики, и собственные карманы.

Письмо князя подтверждает вышесказанное и говорит о том, что во время войны дело для монахов стало уже много „хуже“.

28 ноября 1916 года князь пишет управляющему:

„Относительно приема Св. Угодника, то принять Его нужно обязательно; угощение монахам и прислуге их тоже надо сделать, но в виду того, что теперь доставать всякую провизию трудно, да и она очень дорога, поэтому сделай все проще и дешевле; нынче

не то время, чтобы делать всякие угощения да баловства; помолитесь Угоднику, отслужите панихиду на могилах моих родных, обойдите усадьбу, покормите монахов тем, что и сами едите, заплатите за молебен, дайте хлеба-зерна и пусть их с Богом идут дальше. Вот когда кончится война, тогда можно принять их как и в прежние времена".

Но „прежние времена" для помещиков и их прихлебателей бесповоротно кончились...

Правда, ветер февральской революции легонько пробежал по гривам рясоносцев, но снова очутившиеся у власти помещики и идущие на поводу у буржуазии социалисты постарались пригладить взбитые революцией поповские холки. Благочестивейшие отцы скоро поняли смысл происходящего и, убедившись в дружелюбии и родственных чувствах новой власти, не моргнув глазом, попрежнему на все голоса возопили: „несть-бо власть — аще не от бога, всякие же власти от бога учинены суть" и, заменив в церковных служебниках царский титул фирмой временного правительства, также спокойно и хитро затянули старую „волынку".

Примером „милого" содружества весьегонских февральских „революционеров" с рясоносцами с достаточной убедительностью служит тот факт, что в составе первого после революции Весьегонского исполнительного комитета находился городской поп, приятель именитого купечества, отличавшийся от других попов разве только своей тучностью, но во всяком случае не какой-либо революционностью...

И лишь от вихря всеочистительного Октября „дыбом" встали поповские гривы, поджались животы и сморщились карманы...

Останавливаясь только на фактах, мы и в конце книги останемся этому верны и позволим сказать о настроении наших „героев" самим „героям".

Перед нами два письма поповны, дочери священника села Николы-Высоки, Весьегонского у., состоящей в „чине“ попадьи.

11 февраля 1918 г. она пишет папаше:

„Хотя наступает масленица — веселое время, да я думаю, что она вас не обрадует при нонешнем нашем положении...

На Петроград идет немец — что-то будет? Да, понятно, будем немецкими и что он из русской мякины сделает — неизвестно, хорошего, понятно, мало...

Наши мужики-дураки поднимают сход, хотят набрать армию для устрашения немца, предполагают взять и батюшек; да что-то не верится в их мечты; когда было все: и хлеб, и обмундировка, и снаряды, нужные для войны, так не хотелось воевать, а теперь разве с дубинкой, с кулаками и со своими сухарями выйдут...

Дождались власти — нечего сказать.

Крестна мне пишет:

„Прожила сегодня, а завтра не знаю буду ли жива“. Я тоже думаю: будем ли живы? Пойдет раздел земли, леса, а у нас ведь у причта много того и другого...

Нынче мы и дров себе не заготовляли, а крестьяне так и возят из нашего леса“...

18 ноября 1918 г. „матушка“ пишет следующее.

„Для чего армия, для чего война? Все стращают, что скоро конец этой власти, да что-то не верится, конец ли, когда всемирная революция (в Германии, Австрии и еще где-то). 23-го были у нас из комитета, проверяли хлеб. У нас 20 пудов оказалось лишнего, а нам оставили больше нормы по ошибке, так что нам хватит, даже слишком...

Рассказывала мне петроградская жительница, как озверел народ и очерствел, что даже проходят мимо груды мертвецов от голода или расстрелу и ни у кого не трогается сердце, никому никого не жалко“...

Последние строки особенно ярко рисуют перед нами „христолюбие и братолюбие“ нашего поповства.

Матушка называет зверями тот народ, который, по басне питерской кумушки (тоже, наверное, попадьи) равнодушно проходит мимо „груды мертвецов от голода“, а сама со спокойной совестью в два горла кушает хлеб, оставленный по ошибке комитетом.

О таком же зверстве „нонешнего“ народа и о мужиках-дураках без сомнения говорила и настоятельница Троице-Пятницкого женского монастыря, Весьегонского уезда, но и под сень этой „святой“ обители вошли большевики зимой 1918 года и... под полом кухни матери игуменьи и в ее „покоях“ нашли 15 пудов белой муки, 4 пуда меда, несколько чайников с сахарным песком, полпуда сладкого варенья, много дорогой посуды, холста, полотенец, сундук с шелковыми платками; на улице нашли несколько пудов белой муки в поленнице дров и несколько пудов зарытыми в снег, поймали монашек, кативших по снегу боченок русского масла; на чердаке нашли до 1000 аршин холста, а в кельях сестер — „соблазнительные“ кровати, тонкое белье, мягкую мебель, мраморные умывальники, зеркала, кушетки, банки с какао и шоколадом, флаконы духов и краски для подкрашивания лица!..

Само собой разумеется, что на собственной шкуре ощущая, как сползает старый жир и уплывают богатства и доходы из-под полов „покоев“ и из-под полы подрясников, поповство „благим матом“ с благословения Тихонов и Серафимов[1] начало „честить“ большевиков и укрепленную ими Советскую власть.

Самый высокий тон в этом случае задавали монахи и богатые попы, которые действительно много теряли при настоящих условиях.

---

[1] Тверской архиерей.

Вот — случай, который характеризует ярую ненависть черного воронья к новому миру.

Николо-теребенские монахи, о которых мы недавно говорили, и нынешней зимой по старой памяти „изволили посетить“ наш уезд, но побывали не везде, где хотели.

31 декабря 1918 г. караван монахов подошел к деревне Косодавль, Любегощской волости.

С непокрытыми головами встретили за околицей „святую братию“ некоторые косодавльские мужички...

Наверное, уже предвкушали отцы и доходы с этой деревушки, но... главный поп вдруг заартачился и приказал „поворачивать оглобли“.

Что же случилось и испугало воронье?

Красный флаг, развевающийся над косодавльским культурно-просветительным кружком!

Поп так и сказал, что не будет служить молебен, так как над деревней вьется революционный стяг и вся деревня — большевистская.

Не помогли тут и уговоры встречавших, что не все здесь большевики, а только в кружке развелась эта „нечисть“.

Главпоп остался непреклонен, завернул оглобли перед стоявшими без шапок косодавльцами и укатил с „оравой“ искать более подходящее место для славословий угодников...

Мы уже упомянули ранее, что на ряду с богатым духовенством существовало и такое, которому достались уже ощипанные со всех сторон деревни, или очень маленькое „поле для жатвы“.

В нашем распоряжении имеется документ, свидетельствующий, что эти обойденные судьбою церковники, учтя, что Советская власть несет благо бедноте, в простоте душевной наивно решили, что в задачу

власти входит и поднятие доходов мелкого эксплоататора применительно к доходам крупных, то-есть мелкого лавочника власть обязана сделать большим торговцем, бедного попа — богатым протоиереем, обычного ростовщика — крупным банкиром, чтобы „всем было хорошо“, все были довольны порядком“.

Нижеприводимый документ ценен также и тем, что в нем с достаточной откровенностью сквозит истинный девиз поповства „не для Иисуса, а ради хлеба куса“.

Вот его содержание.

„ЛЮБЕГОЩСКОМУ ВОЛОСТНОМУ ИСПОЛКОМУ

Представляя на утверждение Любегощского Исполкома протокол приходского собрания села Старого Острова от 16 марта 1919 года имею я нижеподписавшийся предложить Исполкому некоторое мнение по поводу желания прихожан села Острова присоединить дер. Коник к оному селу.

Небольшой в 6 селений и 160 домов Островский приход все-таки дал, как видно из протокола, хороший результат по обеспечению причта своего. Больше дать он не может по малоприходству своему. По протоколу священник и псаломщик будут получать не более 350 руб. в месяц оба. Оклад в Советской республике можно сказать бедный. Но я не отступаю и надеюсь на Власть Советов, которая может дополнить нашу бедноту принудительной припиской дер. Коник к Острову и на следующих основаниях:

дер. Коник в 1 версте от Острова, а от Любегощ 5 верст. У Конинских граждан одни интересы с Островскими по школе, по молочному хозяйству, по кооперативу и проч. и поэтому должны Конинские граждане примкнуть и по вере, как одной, к Острову, ближайшему центру религии. Фактически граждане дер. Коник в большинстве случаев исполняют обряды веры в селе Острове — исповедуются, причащаются, крестят, соборуют, в Пасху и Рождество принимают с молебнами. Только свадьбы и похороны исполняют в Любе-

гощской церкви, принимают Любегощский причт в годовые праздники. Но я требую справедливости, которую может осуществить никто другой, как Власть Советов, ибо Любегощский причт не предложит нам Коник, как богатый — бедному часть, даже запретит говорить, угрозив доносом. Но я продолжаю. В Острову — 6 селений с 460 душами, а в Любегощах 22 селенья с 1800 душ. Ясно, что прихожане последнего легко могут выдать своему причту 20000 руб. в год, если оклад сделан будет не как в Острове — по 2 руб. с дома за молебен, а только даже по 1 руб., на 1 руб. с дома легче Островского оклада. Заметьте, 20000 руб. довольно изрядно для 3 человек — причта Любегощского и церковный дом священнику, сравнительно с окладом соседа — Островского прихода — как в 4200 руб. в год и собственный дом у священника и псаломщика. Поистине там может быть два причта и все были бы довольны. Но о другом причте заинтересованные люди молчат, потому что выгодно. Но я бедняк молчать не могу, особенно при теперешней благоприятной беднякам Власти, потому что мне и приходу хочется жить. А потому и напоминаю Любегощскому Исполкому ходатайствовать приписать к Острову хотя дер. Коник и тем округлить жизнь Островского прихода в смысле сносного обеспечения духовенства, обеспечения вверенных Исполкомом религиозных зданий, в смысле облегчения прихожан в расходе по налогам по храму, страхованию и проч.

Теперь, по декрету от 23 января 1918 года при отделении церкви от государства, все религиозные здания суть собственность государства в лице Власти Советов, которая и передает на известных условиях по письменному договору для религиозного пользования тому или другому приходу эти здания. Поэтому коль скоро здания религиозные — собственность Власти, то несомненно от Власти зависят и приходы и Власть, следовательно, может урегулировать — уравнять и приходы, чтобы не было такой резкой разницы, происшедшей вероятно по произволу помещиков и по указу Его Императорского глупого величества, как один приход в 22 деревни, а другой в 6 только. Видя такую

резкость в приходах, ясно, что Советская же Власть и имеет право распорядиться причислить дер. Коники к Островскому приходу. Распоряжение таковое не будет в тягость Коникам или Любегощскому приходу, безболезненно произойдет причисление Коник к Острову, как безболезненно происходит отделение церкви от государства. А теперь момент осуществить нашу просьбу Исполком имеет подходящий, когда могут не только деревни перечислять, но и церкви закрывать.

Я надеюсь, что Советская Власть, защитница бедноты, пойдет навстречу и Островскому малому приходу; я надеюсь, что Советская Власть будет более довольна, когда ее религиозные здания при своей ревизии будут обеспечены, если наш приходский храм обеспечится прибавкой только одной хоть дер. Коник к Острову.

Конинские на предложение приписаться к Острову отказались и по очень глупому объяснению: родители, дескать, в Любегощах похоронены. А я говорю, что со временем может быть кладбища совсем закроют, а будут трупы сжигать в одной волостной печке. Тогда спрашивается что же Конинские скажут. — Помирятся и больше ничего. Ясно, что отговорка Конинских стоит на почве невежества, которое Советская Власть имеет своею целью всячески уничтожать, чтобы граждане какой бы профессии они не были были довольны, как в данном случае наши прихожане — по бедности и малочисленности, я — по бедности, сжатый тисками больших приходов.

Итак, мы — причт, прихожане и храм Островские — просим Исполком посоветоваться между собой и если необходимо и с Уездным Исполкомом и исполнить нашу просьбу жизни. Мы просим Советскую власть, как объединительницу всех живущих, как уравнительницу всех в республике, где нет дворян, попов, мещан, генералов и проч., а все граждане товарищи, разные повторяю, только по профессии. Вы — советские, я — священник, другой — пахарь и т. п. Исполком может исполнить просимое: метрики у вас, описи церковные у вас и мы ваши, справедливость между гражданами учинять есть дело тоже Советской власти —

напр. по церковной описи можете передать в пользование не только храм, но и какие-либо ризы и проч. в другой бедный храм, а тем легче перечислить деревню к известному приходу. Дело решится просто. Известно духовенству § 31 Инструкции по проведению в жизнь об отделении церкви от государства, по коему все религиозные обряды, шествия с крестами, иконами, молебны в деревнях должны исполняться по разрешению местной власти. И это внушает нам даже архиерей — исполнять волю власти. Волю власти Советов исполнят спокойно и Конинские граждане во имя здравого ума и справедливости, а причт Любегощский обижаться или тормозить нашей просьбе не может, ибо в противном случае выкажет порицаемую всеми жадность и немилость к бедным и ничего, думаю, не скажет; как безропотно платил чрезвычайный налог не в сотню, а в тысячи рублей.

Итак, дело решится просто. Будут Конинские приходить в Исполком для регистрации браков, умерших, рожденья, крещения, для разрешения молебнов и т. п. Исполком может спокойно предложить им, конечно утвердив свое решение сначала, итти в Остров для исполнения треб. Мне, настоятелю, прикажите переписать семьи Конинских верующих и представить в Исполком для регистрации в общем Островского прихода с дер. Коник уже. И тогда, будет несказанная радость в нашей духовной ячейке, желающей жить и процветать, будет радость у причта и прихода Островского и в восторге и тот и другой воскликнем Российской Федеративной Советской Республике и Любегощскому Исполкому громкое „ура"!!!

Села Старого Острова
священник (*подпись*).

1919 г. Марта 17 дня".

Видишь ли, товарищ-читатель, как после целых сотен лет выжимания мужицкого достатка, верноподданической службы царю, лобызаний с помещиками и полицейскими и согласного подвыванья буржуазно-согла-

шательской клике, заволновался поповский лагерь, то поворачивая оглобли перед красным стягом, то начиная заигрывать с держащими этот стяг.

Каждый новый день революции убеждает черный стан в невозвратности прошлого.

Вихрь Октября настойчиво треплет паутины той хитроумной сети, что искусно сплели попы кругом темной кабальной деревни.

Здравый человеческий разум раскрывает обманы, которыми запутали и запугали мужика кровососы.

Лучи просвещения настойчиво проникают в каждую деревенскую избу и, весело играя, становятся любимой отрадой смышленых крестьянских детей.

Начинают расправляться угрюмые складки и на лицах взрослых. Свет знания, этот истинный чудотворец, оживляет забитое страхом и нуждой крестьянство.

Вольный весьегонский пахарь еще думает думу. Трудно сразу выпрямиться во весь рост, непривычно еще смело взглянуть на все стороны и уверенно сказать: „я сам — кузнец своего счастья!".

Нас не пугает это раздумье, так как крепче и основательнее будут его выводы.

А выводы мы безошибочно предугадываем.

Вот что скажет наш пахарь по адресу попов: „скатертью дорога вслед за помещиками и полицейскими вам, господа фокусники и дармоеды!"

ГОД С ВИНТОВКОЙ И ПЛУГОМ

I. С ВИНТОВКОЙ

Немножко о прошлом

Старый Весьегонск не совсем точно знает свою биографию (жизнеописание). Память его никак не может уловить отрывки из детства, и если спросить, когда он родился и как жил первое время, — он не сумеет сказать.

Забыл старик свои первые годы, да и нерадостно было бы восстанавливать их в памяти, так как детство его нельзя назвать „золотым“.

Не будем тревожить пыльные страницы прошлого и докапываться до первых дней жизни старика, а расскажем о более позднем времени.

До 1524 года Весьегонск, как село, принадлежал какой-то княгине Анне Михайловне Федоровой, составляя ее вотчину, ее собственность, в которой она могла как угодно распорядиться всем живым и мертвым инвентарем, т.-е. людьми, скотом и постройкой.

Не то от богомолья княгини, не то от ее пылкой страсти к духовным лицам, Весьегонск, то ли усерднейшим даром, то ли как приданое к телесам княгини, от последней перешел во владение и состоял до 1765 года собственностью Московского Симонова монастыря.

Что было причиной к последующему — мы не знаем, но Весьегонск от монастыря перешел в собственность Коллегии Экономии (не то проиграл игумен, не то пропили монахи), в ведении которой и находился до

1776 года, с какового времени до марта 1917 года был в руках бар, дворян, помещиков и в ежовых рукавицах полицейских, а до 28 января 1918 года в разного рода ручках — и кадетских и горе-социалистических.

Подведя итог этой многострадальной жизни, мы можем сказать, что Весьегонском попользовалась богомольно-пылкая княгиня, на его добре толстели тунеядствующие монахи, грели руки важные чиновники, безмятежно кормилась свора дворян и полицейских и на его спине чуточку хлебнули сладости власти кадетствующие помещики и помещичьи социалисты.

Тихая заводь

Окруженный болотами и лесами, только летом (пароходом) имевший связь с остальным миром, весной же осенью и зимой представлявший собою островок на море житейском, Весьегонск походил на ту тихую заводь, какая каждый год остается после разлива Мологи, скромно прячется в прибрежной траве, сонно нежится под солнышком, киснет и является желанным приютом для беззаботных лягушат.

„Тишь, да гладь, да божья благодать“ витали над Весьегонском и всех живущих в нем овевали какой-то особенной дремой, через которую волки сходили за овец, а нагайка — за прохладительный веер.

Тогда как в других местах крепостное право оставило память о свирепых Салтычихах и Аракчеевых, весьегонская история не оставила нам разительного примера всепреходящей жестокости рабовладельцев к „люду православному“.

Весьегонск оказался благословенной Аркадией [1] и дал своеобразный тип либеральствующего помещика —

---

[1] Благословенная Аркадия — счастливая страна.

без желчи и широкого размаха российской дворянской натуры.

Тогда как в других местах лихо форсили значками „Союза Русского Народа“ бессарабские „зубры“ типа Крушевана[1] и курские „соловьи“ типа Маркова,[2] разнося на все „корки“ вольнодумство и „жидов“, на территории Весьегонска поэтично вился дымок из помещичьих винокуренных заводов, и наши Родичевы, Корсаковы, Колюбакины, Калитеевские,[3] удобно усевшись на спине мужика, читали „Речь“,[4] варили варенье, наследственно принимали звания предводителей, председателей и гласных и мечтали о превращении всей Российской империи в единую кадетскую вотчину, наподобие Весьегонской.

Тогда как в других местах гремели своими подвигами по части „успокоения“, чуть ли не на всю Европу, энергичные исправники, бравые пристава и околоточные надзиратели, — в Весьегонске, отрезанном от мира и высшего начальства, они представляли собою иногда добродушных семьянинов, перекумившихся со всеми „именитыми“, проводили время за игрой по „маленькой“ и выпивали „единые“ в компании с „гильдейными“ и „почетными“ гражданами.

В других далеких местах грозный городовой взмахом палочки останавливал самое бойкое движение, — в Весьегонске же „как будто стоя спал“ и был называем Иваном Петровичем, Максимом Павлычем.

---

[1] Крушеван — черносотенный депутат Государственной Думы.

[2] Марков (он же Валяй-Марков) — черносотенный депутат Государственной Думы.

[3] Весьегонские помещики - кадеты.

[4] Кадетская газета.

Судьба улыбалась Весьегонску и тихо дремал этот маленький островок, как дремлет высыхающая заводь на заливных лугах реки Мологи.

Рядом с волками мирно уживались бедные овцы, и хотя последних часто стригли, а иногда и совсем оставляли без шкуры, все же мало было революционных примеров в жизни весьегонского подъяремного народа.

Случаи поджогов в 1905 году помещичьих гнезд были делом рук или какого-нибудь приезжего „фабричного", или своего деревенского „озорника", как выражались закабаленные темные поселяне.

Нет сомнения, что проявлению активной революционности мешали имевшиеся в изобилии молитвенные дома, где кадильным фимиамом и заповедями: „не пожелай дому ближнего твоего, ни осла его, ни всякого скота его" затуманивали головы не видевшему света народу.

Казалось, что забыт этот край миром, предоставлен сам себе и до скончания века будут в нем лениво нежиться помещики, а поселяне хлебать пустые щи и не разгибая спины без ропота и стона работать на всех тунеядцев.

Война и первые тревоги рабовладельцев

Нежданно-негаданно впорхнула в весьегонский край весть о войне и, не успев одуматься, под заунывный вой баб, с крестным знамением и словами „на все воля господня", пошли „вызволять отечество" верноподданные весьегонцы.

Душные казармы, офицерская плетка и фельдфебельские зуботычины в тылу, грязные окопы и такие же плетки и зуботычины на фронте многому научили весьегонцев, и войну справедливо можно считать той

купелью, побывав в которой, весьегонцы приняли новую веру, поняв, что страдания их являются не по „воле господней“, а по воле оставшихся на родных местах помещиков и купцов, которые под стоны умирающих земляков на фронте работали в тылу и, спекулируя, раздевали до нитки оставшихся солдаток.

И если поняла „суть“ сложного дела одна сторона, то и другая увидела, что, пожалуй, стричь овец так спокойно более не придется.

Весьегонский помещик Реше, владелец имения „Пороги“, 8 мая 1916 года писал из Цюриха в Весьегонск своему управляющему Дорант следующее: „*Можно полагать, что возвращающиеся по окончании войны крестьяне будут много требовательней, а быть может и того хуже... Оба стражника нам в Порогах мало помогут*“...

Так, постепенно, свет истины стал прояснять одних и страх — забирать других.

С этого времени начинает по тихой заводи Весьегонска шаловливо играть „рябь“, предвестник тех волн, которые бурно всколыхнут тихую заводь и выльют воды ее в общее русло российской революционной реки.

„Их“ революция

Весть о переходе центральной власти в руки временного „народного“ правительства была получена в Весьегонске 2 марта 1917 г. и на ряде совещаний к 7-му марта был сорганизован Распорядительный уездный комитет, к которому и перешла вся власть над многострадальным Весьегонском.

Между прочим, для оправдания слов „их революция“, надо сказать, что в комитет членами вошли: два полковника, один капитан, два помещика, два купца и один поп...

Такая „теплая компания“, конечно, по-своему взялась за строительство новой жизни, и в числе первых постановлений Весьегонского уездного распорядительного комитета было сказано:

„§ 2. Сообщить волостным комитетам, что солдаты, возвратившиеся домой без получения отпуска, должны возвращаться в свои части“.

„§ 8. Волостные комитеты должны принять все меры к возвращению солдат и к аресту преступников, неотбывших положенного наказания. При сомнении об отбытии наказания следует обращаться за справками о судимости в уездный комитет...“

Мы не будем распространяться и описывать всю ту „канитель“, которую вели новые „управители“, но отметим только одно, что жизнь подъяремных поселян не изменилась к лучшему и попрежнему они покорно „скидали“ шапку пред взявшими власть „господами“, возвращались в свои части на фронт, умирали там, на кровавых полях Галиции, Белоруссии, Украины и Курляндии, а „паны“ сладко нежились, работали в доходных комитетах по поставке в армию того, чего последней не попадало, и служили почти еженедельно при сонме всего поповства благодарственные ко господу богу молебствия „об укреплении державы Российстей и покорении под нози ее всякого врага и супостата“.

Через несколько месяцев власть с помещиками разделили горе-социалисты всех оттенков, но „волынка“ от этого не изменилась, и старый Весьегонск недоумевал: — что такое, говорят, переменилось?

Да ровно ничего! Все то же, что было и при княгине Анне Михайловне Федоровой...

Весьегонск попрежнему представлял собою забытую в траве заливных лугов заводь, и немудрено, что

бурный ветер Октябрьской революции дошел до него лишь... 10 февраля 1918 года, т.-е. только через три месяца после того как уже вся Россия стала новой, молодой, красной...

Наша революция

Имевшиеся в городе и уезде большевики, хотя и опиравшиеся на революционное крестьянство, но одиночные, не могли собственными силами разогнать „помещичье-социалистический“ чад, окутавший родной край, и только силой губернской власти при поддержке Краснохолмского отряда 10 февраля удалось разогнать „канительщиков“.

Надо сказать, что последние особенно упористого сопротивления в стенах и под стенами царско-февральских учреждений не оказали, должно быть, потому, что в наследство новой власти, рабоче-крестьянской, Советской, они оставляли несколько уже не дымивших, покосившихся и негодных помещичьих винокуренных заводов да 522 057 руб. 68 коп... долга земской управы разным учреждениям и лицам.

Это добро да несколько чернильниц и ручек — вот все трофеи, доставшиеся после „панства“ рабочим и крестьянам-весьегонцам.

Вера двигает горами

Неимоверно тяжелы были первые шаги молодого Совета. Царствовавшие до 10 февраля „господа“ сумели так замутить головы весьегонских простачков и наговорить столько небылиц о большевиках глупым бабам, что, как только ушел вооруженный отряд в Красный-Холм, Весьегонский исполнительный комитет без гроша в кармане очутился перед явно враждебной стеной врагов, смотревших на Совет, как на явление времен-

ное, на случайность, которая произошла, но скоро и „выдохнется“.

И только горячая вера в правоту и торжество пролетарской революции, железная дисциплинированность в отношении требований партии — давали силы местным работникам бодро смотреть вперед и неуклонно проводить в жизнь начала социализма.

Весьегонский уездный исполком летом 1918 г. Слева направо *сидят*: Г. Е. Смирнов, А. И. Киселев, Г. Т. Степанов, Н. С. Голованов, А. П. Серов, И. А. Чистяков, А. А. Чистяков; *стоят*: Камышков, Л. Н. Могунов, А. И. Тодорский, И. М. Вахонев, И. Е. Мокин; *лежат*: Ф. Горячев и А. Н Димитриев.

Враги не Спят

Тем временем, когда все работники были заняты очисткой оставленных в городе помещиками конюшен, в которые они превратили все учреждения и органы управления; когда приходилось копейку за копейкой выбивать из буржуазии для создания народной кассы, могущей помочь в деле проведения поставленных

Советом задач, — все еще надеющиеся на перелом в свою сторону враги рассыпались по уезду и ядом злостной клеветы, морем провокации залили мозги растерявшегося весьегонского обывателя, совсем сбитого с толку „массой“ впечатлений и „бездной“ слухов.

Работа врагов начинала давать результат.

Кулаки душат голодных

В первых числах июня в Весьегонский Совет начали поступать из ряда мест уезда, и главным образом из Чамеровской волости, письменные просьбы голодающих бедняков об обуздании аппетитов почуявших вдруг силу кулаков. В этих криках о помощи ясно чувствовалось, что не знающая пощады кулацкая рука снова зажимает горло деревенского бедняка, берет его в кабалу и снова делает своей вотчиной деревни.

В связи с начинающимся контр-революционным движением по Советской республике, когда известные лица и группы, еще недобитые вставшим у власти пролетариатом, стали вдруг заметно шевелиться на всем фронте, в один тон с ними заскрипели и смазные сапоги весьегонских кулаков, вышедших, как Лазарь из гроба.

Кулак пробудился... Сладко расправил свои руки, надел смазные сапоги, помазал волосы лампадным маслом, повесил на жилете цепочку, осенил себя широким крестным знамением и, не спеша, принялся за свое так хорошо знакомое ремесло: драть семь шкур со своего ближнего.

„Довольно царствовать этой голи! Полно гневить бога-то! Пора начинать жить по-старому“...

Так сказал весьегонский толстосум Тит Титыч и, щурясь на весеннее солнышко, уже строил планы:

„Вот заставлю эту сволочь построить себе двухъэтажный дом, покрою его листовым железом, открою

трактир и заберу в руки всю волость. Даст бог, скоро заведем и урядников и становых, будет опять волостное правление и снова я, Тит Титыч, буду стоять в церкви на первом месте у самого клироса и опять мне первому будут выносить просвиру и, не в очередь, давать лобызать святой крест и еванг.лие". — Сладко жмурил глаза на солнышко Тит Титыч в надеждах на кулацкую волюшку, а жена его уже начищала самовары для дорогих гостей кулака, перетирала образа и посуду и примеряла вытащенные из подвала салопы.

„Скоро и я буду опять первая на деревне, снова будут издалека кланяться мне мужики и бабы, а прохожие монахиня — молить бога за мою щедрость и здоровье", — думала жена кулака.

Так нежно баюкали себя надеждами милые супруги и не думали, что кто-то разобьет их „скромные" планы...

Но не спали те, кому пришлось бы с осуществлением планов Титыча строить ему дома, спиваться в его трактире и издали ломать шапку перед его женой.

Выпутавшейся из паутины мухе тяжело обратно лезть в сети...

Бедняки знали, что у них есть Совет, который не допустит быть первым в деревне Титу Титычу, не посмотрит ни на смазные сапоги, ни на цепочку и так тряхнет паука, что у него не хватит больше сил плести паутину. Знали это бедняки и со своим горем пошли к Совету. Вот что они рассказали здесь.

ПИСЬМО ОТ ГОЛОДАЮЩИХ ДЕРЕВЕНЬ ПРОТИВЬЯ И САМСОНИХИ, ЧАМЕРОВСКОЙ ВОЛОСТИ

„Голод обрушился на нас и кулаки со своими прихвостнями обрекают нас на голодную смерть. Волостное общее собрание постановило не давать хлеба голодному населению, а особенно нам, тогда как наши деревни

находятся на песчаных местах на берегу реки Мологи. Бороться с кулаками мы бессильны, так как сытые селения затыкают рот своей бедноте, дабы она не дала голоса в защиту голодающих других мест. Мы просим притти на помощь в нашу Чамеровскую волость, где хлеба достать можно, но он пока лежит под пресом буржуазии. Мы твердо надеемся, что наши товарищи, стоя на защите бедноты, не откажут нам и совместно с ними мы, как один человек, пойдем защищать себя от голодной смерти. Просим не отказать в поддержке, потому что хлеб ежедневно увозят. Нами были приняты меры на всех дорогах и пристани, но везде не усмотришь, волость велика, а хлеб уходит. Дайте нам красную боевую армию и мы сломим буржуазные запоры и их западни, где спрятана жизнь голодающих людей".

ЕЩЕ ПИСЬМО ИЗ ЧАМЕРОВСКОЙ ВОЛОСТИ

„Товарищи! Убедительно просим вас не дать нам умереть голодной смертью. Сделайте реквизицию хлеба у наших крестьян. Они скрыли хлеб и продают на сторону, из-под полы, в Ярославскую губернию 180—200 руб. пуд. А нам и за деньги нет. Граждане Чамеровской вол., Дюдиковское общество, при первой реквизиции не дали реквизировать, а взялись прокормить своих голодных. Некоторые деревни поступили законно и своим дали весь свой лишний хлеб, а деревня (?)—наоборот. При реквизиции нашлось 9 пуд. 20 фун. своим односельчанам, а на сторону продают возами. Один Иван Рогов продал 50 пуд. в Ярославскую губ., Кочегаров тоже не меньше и по дорогой цене и много других.

Нас неимущих — пять домов. Мы ничего сделать не можем. Нам угрожают топором и пулей. Просим вас распорядиться сделать проверку, пока есть хлеб. Сейчас происходит мена его на разные товары, а нам говорят: „околейте с голода, а хлеба не дадим".

Не худо бы проверить Дюдиково, Поповку, Огнишино, Беняково и поставить на карточную систему и привлечь к ответственности за скрытый хлеб.

Труды ваши оправдаются, только заставьте искать хлеб голодающих в каждой деревне. Они знают, у кого есть и где искать. Пожалуйста сделайте предписание и дайте человек несколько красной армии, а то они (кулаки) говорят: „теперь нет законов и ничего не будет". Нужно им показать, что есть закон и ему надо повиноваться. — „Что хотим, то и сделаем, хлеб наш и нам ничего не будет", — это говорят имеющие хлеб.

Пожалуйста, просим вас, мы делали заявление в волостной комитет, но осталось без последствий".

ПИСЬМО ИЗ МАРТЫНОВСКОЙ ВОЛОСТИ

Голодающие пишут о результатах общего собрания граждан Мартыновской волости, где разбирался продовольственный вопрос и обсуждалось распоряжение Весьегонского уездного исполнительного комитета об отмене свободной торговли пищевыми продуктами, каковая ведется в волости.

„Председателем избирается Алексей Калявин. Секретарем его родной брат Василий Вещий, он же Калявин, оба завзятые контр-революционеры. Кулаки и богатеи подвигаются к выборным, бедняки стоят в стороне. Председатель рисует мрачными красками власть Советов и говорит, что уездная власть не должна совать носа в чужие дела. Начинается агитация против Уездного исполнительного комитета, которую поддерживают кулаки.

Бедняки просят отменить свободную торговлю, проверить тщательно хлеб и установить твердую цену. Богатеи поддерживают мнение председателя. Бедняки протестуют, но под угрозами богатых замолкают. Кулаки берут верх, и вольная торговля не отменяется.

Следующим разбирается вопрос о продовольственном налоге. Председатель настойчиво предлагает его отменить, указывая на то, что неизвестно куда и кому пойдут эти деньги. Секретать Вещий говорит, что уездная власть для волости ничего не сделает, а если приедут комиссары, то волость им покажет. — „Этим комиссарам

надо глотку переесть",—говорит он. В результате налог отклоняется. Кулаки злорадствуют".

Сообщение заканчивается так:

„Товарищи! Из краткого объяснения нашего видно, что творится в нашей волости. Беднота не в силах ничего сделать и ждет вашей помощи. Придите же на помощь как власть законная и положите конец этому делу. Вырвите нас из рук вампиров. Товарищи! Что делать дальше нам, страдающим от голода рабочим массам? Имеющие хлеб — набивают карманы. Хлеб попадает капиталистам, которые скупают, не считаясь с деньгами. Где же взять нам и так уже разоренным чуть ли не в корень? Дайте продержаться хотя до нового урожая! Помогите нам встать на ноги! Хлеб-то ведь есть в волости, только не хотят нам дать, часто и за деньги. А сколько таких страдающих жен и невинных детей. Еще повторяем, не медлите! Придите на помощь!.."

ПИСЬМО ИЗ ЧАМЕРОВСКОЙ ВОЛОСТИ

„Мы, граждане деревни Еремейцева, обращаемся с просьбой к Весьегонскому уездному Совету Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов помимо нашего Чамеровского волостного Совета, потому что наш волостной Совет по снабжению продовольствием о нас не заботится и общее волостное собрание большинством голосов кулачества к точной поверке в волости хлеба не допустило, и нас, граждан нашей деревни, захватила костлявая рука голода и у нас граждан иного выхода нет и мы обращаемся с просьбой к вашей помощи.

Когда у нас в волостном Совете были председатель Бодряков и председатель продовольственного отдела Косев, то мы с Совета получили даже по 1 пуду на едока в месяц, а теперь у нас поступили члены в Совет новые и они не заботятся о нашей бедноте и в настоящее время общим собранием большинством голосов кулачества постановили вольную цену на хлеб в волости и с нас, бедных граждан, дерут теперь по сто и пол-

тораста рублей за пуд ржи, а во многих случаях и совсем отказывают, дескать, у нас нет и не хотим давать.

Выходит, что хотят бедноту с голода задушить, потому что, мы лично знаем, у граждан нашей волости в некоторых деревнях имеется хлеб, но они не хотят дать голодным ни куска. Мы, граждане нашей деревни, просим вас, Весьегонский уездный Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, дать нам разрешение на поверку хлеба в нашей волости и в помощь нам вооруженную силу, или же нам самим гражданам голодающим вооружение, что бы мы были сильными получить хлеб от наших кулаков, иначе нам угрожает голод.

Еще добавляем. Обслушав резолюцию, граждане дер. Мосеевского к нашей резолюции присоединились и еще дер. Горбачево.

Обслушав вынесенную резолюцию, граждане трех деревень: Еремейцева, Мосеевска и Горбачева постановили единогласно: приступить к делу и выбрали трех выборных из среды нашего собрания с докладом в Весьегонский уездный Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов для разъяснения нашего тяжелого положения и просят граждане известных деревень вас, В. У. С. Р. и Кр. Д., не откладывать нашей просьбы. Дело не ждет и нам грозит голод".

6 июня нового стиля 1918 г.

Что сделал Весьегонский Совет в деле помощи деревенским беднякам

Озаботившись получением всех распоряжений Советского правительства, касающихся продовольственного дела, всеми волостными Советами, Весьегонский Совдеп неоднократно давал указания для более правильного проведения в жизнь законов о продовольствии, при чем разъяснял тем Советам, кои не выполняли этого закона, все гибельные последствия небрежного отношения к распоряжениям Советской власти.

Объявленная свободная торговля в Чамеровской и Мартыновской волостях вызвала приказание Совдепа волостным советам о немедленном прекращении торговли, как контр-революционного шага по отношению к Советской власти и к беднейшему населению.

К сожалению, там, где нужна сила и суровые меры, слова оказались бессильными.

Там, где у власти встали кулаки, нельзя было рассчитывать на правильное понимание законов рабоче-крестьянского правительства.

И Весьегонский Совдеп должен был прибегнуть к последнему, самому верному сейчас и испытанному средству—силе оружия и наказания неповинующихся.

Предложенный голодающими деревень Чамеровской волости отряд Совдепом был вооружен, для лучшего выполнения возлагаемых на него задач ему было придано несколько красноармейцев, и отряд, под командой комиссара продовольствия тов. Димитриева и члена исполкома тов. И. Чистякова, выступил для отвоевания хлеба у обнаглевших кулаков Чамеровской волости.

Действия и судьба отряда голодающих

Сорганизованный из голодающих и подкрепленный красноармейцами отряд в 40 чел. 11 июня начал производить учет хлеба в Чамеровской волости.

В проверенных деревнях „Противье“ и „Самсонихе“ оказалось лишних 167 пуд. хлеба, считая, что на каждого человека полагается 1 пуд до 1 сентября с/г.

Оказалось много таких семей, где хлеба было всего по 5 — 10 фунтов на всех.

Реквизированный хлеб был отправлен отрядом в Чамерово на ссыпной пункт.

Услыхав о реквизиции хлеба, кулаки Чамеровской волости разослали по всем деревням гонцов с сообще-

нием, что Весьегонский Совдеп отбирает в волости все продукты, какие только имеются у населения (масло, яйца, крупу и пр.) и отправляет все забранное в Весьегонск.

Волость заволновалась и, подогреваемая кулаками, сорганизовалась в отряды, вооруженные винтовками, с целью рассеять отряд голодающих. На всех дорогах были поставлены разъезды. Отряды кулаков постепенно стали окружать голодающих.

Сопровождавшему хлеб на ссыпной пункт кулаки в Чамерове нанесли 12 ран в голову и избили до полусмерти.

Под превосходящими силами, окружаемый отрядом кулаков, отряд голодающих принужден был рассеяться и отступить.

Лесами и болотами удалось вернуться в Весьегонск 12 июня.

Кулаками были забраны в плен 4 голодающих и 1 красноармеец, при чем посажены были сначала в сарай, а потом в арестантскую бывшего волостного правления. Кулаками же арестована проживающая в Чамеровской волости жена члена исполнительного комитета Весьегонского Совдепа тов. Киселева.

После победы над отрядом голодающих

Рассеяв отряд голодающих и ясно сознавая, что вызов Советской власти сделан, чамеровские кулаки решили начать борьбу с Весьегонским Совдепом.

Для этой цели, дабы собрать около себя значительную силу, они обратились через Чамеровский волостной исполнительный комитет с воззванием ко всем волостям уезда при следующей препроводительной записке:

В . . . . . . ВОЛОСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ЧАМЕРОВСКИЙ
Исп. Ком. Сов. Кр. Деп.
11 июня 1918 г.

При сем препровождая воззвание, Комитет убедительно просит в срочном порядке оповестить население Вашей волости и, обсудив положение вещей, дать ответ утвердительно, желает ли волость работать совместно в интересах труженика крестьянина с нашей, тогда явиться на сборный пункт в с. Суково для более детального обсуждения — 13 июня нов ст. Просьба: воззвание по возможности отправить для дальнейшего оповещения следующих волостей.

Председатель волостного Совета *Д. Филиппов.*
Секретарь *В. Федотов.*

ВОЗЗВАНИЕ
ВО ВСЕ ВОЛОСТИ ВЕСЬЕГОНСКОГО УЕЗДА

Товарищи граждане!

Съезд крестьян Чамеровской волости, возмущенный поступком уездной власти, приславшей без ведома и помимо желания волости наряд красной армии для производства обыска с целью реквизиции хлеба, при чем при обыске совершенно не учитывались ни декреты и распоряжения Центральной власти, ни постановления власти на местах, отбирался весь хлеб, как семенной, так и положенный паек для еды, оставляя трудящемуся классу лишь 30 фунтов, считая в том числе жито, крупу и картофель, постановил:

13 июня н. ст. отправиться в село Суково к 12 часам дня для обсуждения переизбрания местной власти в связи с гнусными поступками Уездной власти, действующей в настоящее время, и выборы новой, облеченной доверием всего уезда. К вам, товарищи, обращаемся с просьбой оказать нам помощь в деле переизбрания той власти, которая, являясь народной и имеющ й действовать в наших интересах, нарушает мирную жизнь крестьян, не ограждает добытый с таким трудом хлеб и разоряет наше жилище.

Надеемся, что среди крестьян и жителей уезда найдутся люди, достойные власти, действующие действительно в интересах населения, а не люди, занимающиеся грабежом, Чамеровский Съезд просит население всех волостей собраться 13 июня н. ст. к 12 часам в село Суково, Телятинской волости.

Подписали:

Председатель собрания *Кузьма Бобров*
Секретарь *Федор Печенов.*

Таким образом, создавая небылицы о действиях бывшего 11 июня в пределах волости отряда голодающих и вместе с ним и об уездном совете, чамеровские кулаки решили поднять восстание всего уезда, все более и более запутываясь в контр-революционных сетях. Не оценивая вполне всех сил, коими располагал Весьегонский Совет, восставшие кулаки все же чуяли, что власть подлинных рабочих и крестьян, власть, борющаяся с кулачеством, не остановится ни перед чем и примет вызов к борьбе.

Подавление мятежа кулаков революционным отрядом

13 июня в пределы полоненной кулаками волости вошел отряд весьегонских красноармейцев под командой члена исполнительного комитета товарища Долгирева и отряд Рыбинской Красной армии.

Тревога среди кулаков

Поставленные пред необходимостью или защищаться, или поднять руки и сдаться, чамеровские кулаки заволновались. То и другое одинаково не избавляло их от справедливого возмездия Советской власти и они рискнули испытать защиту.

На общем собрании 13 июня в с. Чамерове было решено оказать сопротивление советским войскам, для каковой цели был сформирован вооруженный отряд, командование которым перешло к Приселкову. В сформированный отряд кулаки буквально сгоняли крестьян, угрожая нежелающим сражаться штрафом, лишением пайка и расстрелом.

По сформировании отряд был уведен командиром к деревне „Савино“, где и расположился цепью на опушке леса.

Руководители отряда

Приселков

Командир отряда Борис Иванович Приселков, сын местного священника, бывший офицер, начальник команды связи 441 пехотного Тверского полка. Уволен от военной службы, согласно приказа Народного Комиссариата по военным делам от 2 марта с. г., № 182, как призыва 1913 г.

9 сего июня был избран Чамеровским волостным военным комиссаром.

Максаков

Павел Сергеевич Максаков один из главных вдохновителей кулацкого мятежа.

Неизменно участвовал на каждом собрании, призывая к свержению Советской власти. Всех энергичнее загонял крестьян в вооруженный отряд. Бывший заведующий банкирской конторой М. А. Левина в Петербурге. Бывший писарь при управлении весьегонского уездного воинского начальника. Зауряд-военный чиновник.

Как герой тыла, первым удрал из сопротивляющегося отряда еще до выстрелов, но по дороге своего „бли-

стательного“ отступления заставлял попадающихся навстречу присоединяться к отряду.

Сопротивление кулаков

Соседние с пристанью Ламь деревни, где высадился революционный отряд, приветствовали красноармейцев и рассказали, что кулаки под угрозой расстрела заставляли их итти наступать на Весьегонск, но они не подчинились.

Отряд, полный решимости научить мятежных кулаков признавать власть трудящихся, двинулся по направлению к селу Чамерову. В виду сообщенных разведкой сведений, что кулаки намерены оказать сопротивление, были приняты все необходимые меры для выполнения боевой задачи по возможности без жертв.

Как и следовало ожидать, у деревни Савино, где на опушке леса рассыпался отряд кулаков, красноармейцы были встречены залповым огнем, при чем у некоторых из них были прострелены шинели, а находившаяся за отрядом случайно девушка была ранена пулей в грудь. Кулацкая цепь была немедленно обстреляна пулеметным огнем, а для рассеяния находящейся в другой стороне многолюдной толпы была открыта ружейная стрельба в воздух, дабы избежать невинных жертв.

Толпа моментально в панике разбежалась и сразу же дрогнул отряд кулаков, рассеявшись в лесу и по болоту.

Все показания участвовавших в сопротивлении и затем арестованных похожи одно на другое, так что из них мы приведем здесь два:

„14 июня 1918 г. я, гражданин дер. Осорина (такой-то) был на сходе на общем собрании. На собрании Приселков дал приказание у кого находится оружие принести ружья

и патроны, чтобы вместе итти, а кто не пойдет— посадить на 20 фунтов. И мне дали охотничье ружье и велели итти. И вот когда мы сошли в лес, Приселков при угрозе смерти, если кто не будет стрелять, то я застрелю того на месте, и он у меня взял ружье и показывал как стрелять. Я тогда два раза выстрелил в воздух и ушел от ихней партии и я лег в болоте и тогда меня застали лежащего в болоте. Винтовка лежала рядом со мной. Я отдал ружье красноармейцам и с ними шел до Чамерова".

„Гражд. дер. Сычева (такой-то) показал, что на сход приглашались все граждане волости без повесток. На собрании было много народа. Говорил Максаков, поповский сын и Бородкин. Кричали, что надо прогнать отряд, пришедший реквизировать хлеб, так как Советом реквизиция не постановлена. Максаков предлагал пойти в д. Савино, где говорил, что будет собрание. Когда мы шли туда, то его встретили бегущим обратно. Спросили почему он из Савина бежал. Он сказал, что скоро туда придет, а нам все же сказал, чтобы мы шли туда. Пришли в деревню, услышали выстрелы и разбежались в лес, а оттуда по домам. Максакова встретили без оружия".

Революционный отряд в Чамерове

Разогнав кулацкие банды, революционный отряд без боя дошел и занял село Чамерово, немедленно расставив караулы на перекрестках дорог, у телеграфа и в прочих важных местах.

В окрестности была выслана разведка, а кругом Чамерова в поля и леса высланы патрули с задачей разыскивать скрывающихся. Штаб отряда разместился в волостном Совете, при чем освободил арестованных кулаками голодающих и красноармейца.

Во всех деревнях волости было расклеено обращение к населению начальника отряда следующего содержания;

„Призываю всех товарищей к благоразумию! В Чамеровской волости открыт контр-революционный заговор против власти трудового народа. Безответственные агитаторы, нанятые помещиками и кулаками, устроили восстание для получения земли помещикам и власти капиталистам. Руководители отряда — бывшие офицеры и буржуи — кулаки. Отряд революционной армии прибыл для восстановления порядка и Совета и все лица, замешанные в заговоре, понесут наказание пред революционным трибуналом.

Предупреждаю, что никакой реквизиции производить мы не намерены. Предлагаю самим гражданам произвести перепись хлеба в целях его учета и правильного распределения. Злонамеренные лица распустили слухи, что якобы армия отбирает масло, яйца, одежду и все, что попадет. Не верьте им! Это последний козырь кулаков натравить вас друг на друга и этим спасти свое господство. Лиц, агитирующих по уезду к свержению Советов и выступлению, предлагаю арестовывать и препровождать в Весьегонск или Чамерово. Город и уезд объявляются на осадном положении. Во избежание недоразумений предписываю сдать все имеющееся оружие, как то: винтовки, револьверы, бомбы и патроны и доставить в Чамерово в течение 24 часов. По постановлению исполнительного комитета вся власть передана военной коллегии. Никакие выступления недопустимы. Призываю к спокойствию и повиновению своей собственной власти.

Член военной коллегии *Н. Долгирев*“.

14 июня производились обыски в Чамерове и его окрестностях, а также допрос свидетелей и аресты причастных к восстанию лиц. При обыске в Чамерове найдено много винтовок, револьверы, бомбы, а также посылки неизвестной организации с ружейными патронами, револьверами и патронами к ним, предназначенными для кулацких отрядов.

В этот же день в Чамерово начали прибывать делегаты от смежных волостей, введенных в заблуждение

*

чамеровскими кулаками о действиях Красной армии.

Делегаты сообщили начальнику отряда о спокойствии в избравших их волостях и о желании подчиниться и выполнить закон о продовольствии.

Мятеж кулаков силою уездной власти был подавлен и к 15 июня наступило полное успокоение, так что прибывшему на помощь Тверскому отряду действовать уже не пришлось.

15 июня Рыбинский отряд выбыл из Чамерова в Суково, Телятинской волости, где общему собранию граждан волости комиссаром отряда было разъяснено: что такое Красная армия, для чего существует и чем она является для беднейшего трудового народа: врагом или другом. Комиссар указал на дружелюбное отношение отряда в данном событии к беднякам деревни и предупредил всех, кому еще раз придет охота пытаться итти наперекор Советской власти, что Рыбинский отряд будет через несколько часов в пределах Весьегонского уезда и поможет своим боевым товарищам из местной Красной армии отстоять власть трудового народа от всяких на нее посягательств.

15-го же июня состоялось общее собрание граждан Чамеровской волости, где был переизбран исполнительный комитет и образована комиссия по одному выборному голодающему из каждой деревни для реквизиции излишков хлеба и правильного его распределения, при чем постановлено оставить на каждого человека до нового урожая по 30 фунтов ржи и 45 фунтов овса на месяц. Весь излишний хлеб сложить на ссыпной волостной пункт, откуда он получит следуемое назначение. Комиссия будет работать под руководством члена исполкома. За отобранные излишки хлеба выпла-

чивается по 40 рублей пуд, но хлеб скрытый и найденный оплате не подлежит.

На собрании выступил начальник отряда, который разъяснил важность происшедших событий и предостерегал бедняков быть более осмотрительными и не отдавать власти в руки врагов народа. Между прочим, он обратился к общему собранию с просьбой: сообщить какой-нибудь факт из действий красноармейцев, где бы видно было, что последние кого-либо обидели и что-либо насильно отняли. „На ваших глазах, товарищи, будет сейчас же расстрелян виновный красноармеец", закончил речь начальник отряда.

„Нет, нет! Красная армия вела себя безукоризненно, и никто не имеет оснований жаловаться на нее", — ответило собрание.

Прибывшим от Весьегонского Совдепа секретарем исполн. ком. было заявлено собранию, что все расходы, вызванные прибытием революционных отрядов, должны лечь на карманы восставших кулаков. Было предложено собранию наметить лиц, с которых должно быть взято через обложение прямым чрезвычайным налогом 50 000 рублей. Собрание постановило взыскать налог со следующих лиц:

	в руб.
1. с. Чистой-Дубровы, Петра Прикащикова	1000
2. с. Романовского, Арсения Эрина	1000
3. д. М.-Высоково, Максима Игушина	10000
4. д. Ульянихи, Михаила Дорогова	3000
5. д. Сажихи, Василия Корнилова	1000
6. д. Дюдикова, Григория Иванова	10000
7. д. Чурикова, Ивана Борзова	1000
8. д. Огнишина, Алексея Кочегарова	5000
9. д. Приворот, Данила Васильева	500
10. д. Дюдикова, Кузьмы Тютина	500

		в руб.
11.	д. Поповки, Василия Смирнова	500
12.	д. Сычева, Михаила Водрякова	500
13.	д. Боловина, Любови Максаковой	5000
14.	д. Дьячкова, Алексея Сумкина	2000
15.	д. Микляева, Тимофея Еремина	1000
16.	д. Лопатихи, Пахома Стронгина	2000
17.	д. Самсонихи, Ивана Егорова	1000
18.	д. Станина, Федора Щепелева	1000
19.	д. Беликова, Моисея Никанорова	1000
20.	д. Чурилкова, Николая Кабанова	2000
21.	д. Ульянихи, Михаила Борисова	1000

Жертвы, аресты и поведение красной армии

По непроверенным сведениям в волости было раненых от 5 до 11 человек. Убитых ни одного.

Революционным отрядом в связи с восстанием было арестовано 15 человек, 12 из которых отправлены в Тверь для предания суду революционного трибунала, а трое были заключены в местную тюрьму.

По свидетельству населения волости, поведение Красной армии не вызвало никаких упреков и обид.

Дисциплинированные и серьезно понимающие свое назначение быть другом бедняков, красноармейцы не оставили по себе и тени плохого воспоминания в волости. Все, что бралось у населения из продовольствия для армии, тут же оплачивалось, на что имеются счета (напр.: от гражд. д. Ново-Коровкина Григория Кострикова, от буфетчика Мартыновской общ. чайной Тимофея Шелгова и мн. других). Говоря здесь только правду, не скроем, что некоторыми красноармейцами были ударены чамеровский священник и совершенно случайно гражд. Токарев. Это явилось следствием чрезвычайно повышенного нервного состоя-

ния бойцов, в данный момент не имевших около себя начальника.

По постановлению уездного исполнительного комитета виновные красноармейцы были привлечены к ответственности и понесли наказание.

Этот единичный случай, однако, нисколько не мешал назвать революционные отряды, бывшие в Чамерове, отрядами, состоящими из сознательных революционеров, подчиненных строгой дисциплине.

Возвращение отряда

16 июня, подавив кулацкий мятеж и восстановив Советскую власть в Чамерове, отряд красноармейцев с развернутым красным знаменем вернулся в Весьегонск, честно и доблестно выполнив свой долг защиты угнетенных.

Какой урок дали чамеровские события

После подавления кулацкого мятежа Весьегонским уездным исполнительным комитетом через свою газету „Известия“ было сказано уезду о том, какой урок дали чамеровские события врагам Советской власти, кулакам и беднякам.

Вот что сказал исполком врагам Советской власти.

Всем тем, кто особенно много говорит о том, что Советы являются не выразителями воли трудового народа, а захватчиками власти, разделенными толстой стеной с подлинным народом, чамеровские события доказывают, что взоры бедняков деревни обращены на Совет.

Они его считают единственным помощником, который не даст их в обиду. Совет является силой угнетенных, которой всегда они могут воспользоваться.

Всем тем, кто сейчас огульно обвиняет Красную армию в хулиганстве и опричнине, кто говорит, что она состоит из кучки дезорганизованных людей, чамеровские события доказывают, что Красная армия состоит из честных и сознательных революционеров, Красная армия является другом трудящихся, Красная армия — могуча своей дисциплинированностью.

Весьегонским кулакам

Чамеровские события вполне ясно говорят местным кулакам о том, что их надежды на захват власти обречены на всегдашнюю неудачу, ибо в помощь своей силе Весьегонский Совет может всегда рассчитывать на силу соседей и высшей Советской власти.

Всем кулакам должно быть теперь понятно, что все их шаги и приготовления цепей для бедняков не остаются незамеченными Советом, так как последний имеет везде своих друзей, которые поставили его у власти и которые всегда предупредят все замыслы кулаков.

Братьям беднякам

Вам всем, братья бедняки, чамеровские события дают лучший урок не выпускать власть из своих рук и не давать кулакам пролезать в Советы. Как бы они ни прикидывались, но друзьями вашими они быть никогда не могут.

Только тогда из угнетаемых и унижаемых вы можете стать свободными гражданами, когда будете держать тесную связь с высшими революционными организациями, с Советами,

Помните всегда, что здесь — ваши друзья. Как только у вас начинает шевелиться кулак, немедленно сообщайте Совету.

А, главное, будьте смелы. Крепко держите власть в своих руках. Помните, что к вашим услугам всегда будет предоставлена сила, которая сможет одолеть ваших врагов. Не сгибайте никогда своей головы. Смейтесь в лицо всем кулакам и не допускайте их к тому святому месту, которое зовется Советом. Если вам тяжело в чем-нибудь разобраться, мы вам поможем.

Помните, что вы — свободны.

Помните, что вы — хозяева русской земли. Позор тому, кто позволяет кулаку набрасывать аркан на свою шею.

Будьте же сильны и смелы!

Все ближе и ближе наша победа.

Эти события — последние судороги наших врагов. Скоро их не будет, и мы легко заживем дружной и счастливой семьей, первые свободные граждане мира.

Стойте всегда за одно:

Вся власть Советам.

Вся власть беднякам.

Только тогда не увидите вы ни цепей, ни арканов!..

Перелом в настроении крестьянства

Вскоре же после чамеровских событий уездный исполком решил созвать 3-й уездный съезд Советов для освещения перед ним работы исполкома и для испрошения необходимых директив на предмет решительных действий против контр-революционных элементов, обнаружившихся в уезде.

На съезд 20 июня прибыло 119 человек и из них только 30 коммунистов.

С самого же начала заседания съезда ясно обнаружилось, что делегаты занимают определенно враждебную сторону против уездной власти и намерены, переизбрав исполком, поставить на его место тех, кто прожужжал им уши о том, что большевики — захватчики власти, немецкие шпионы и дела им до интересов трудового народа совсем мало.

Видя, что участники съезда сознательно введены в заблуждение и являются слепым орудием в руках разогнанных, но не уничтоженных врагов Совета, исполком решил не прерывать заседания, а раскрыть перед делегатами всю правду и вынести на их суд свою работу.

Исполком верил, что инстинкт трудящегося подскажет, кто является врагом народа. И он не ошибся.

Перед съездом прошли все члены исполкома, и каждый обстоятельно и подробно рассказал о том, что он делал и что намерен делать.

Вместо „пьяниц, воров и опричников", каковыми рисовали в деревне контр-революционеры представителей уездной власти, делегаты увидели таких же, как и они, рабочих и крестьян. Увидели людей дела, смелых и энергичных, которые, несмотря на великие трудности, высоко держат голову и крепко верят в то, что власть трудящихся — нерушима.

Делегаты, вначале посмеивающиеся, недоверчивые, внимательно вслушиваясь в доклады, становились серьезнее. Ясна становилась правда, и съезд, вместо перевыборов исполкома, единогласно принял следующую резолюцию:

„3-й Весьегонский уездный съезд Советов, выслушав все доклады членов Весьегонского исполнительного комитета и ознакомившись с их деятельностью, выра-

жает им, как истинным защитникам интересов трудового крестьянства, свое полное доверие и благодарность за ту тяжелую работу, которую выполняли они среди грязных сплетен на них со стороны врагов Советской власти".

Вместе с этим съезд послал следующую телеграмму

5-му ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

„Весьегонский уездный съезд Советов, ознакомившись с деятельностью своих уездных комиссаров, представителей Советской власти, и видя, что только эта власть является защитницей интересов трудового народа, выражает полное доверие Совету и заявляет, что он будет всегда поддерживать их, как свою крестьянскую власть".

Вместо того, чтобы подпеть „дудке" учредиловцев, которые дали определенный наказ делегатам показать свое недоверие Советской власти и заявить, что „единственным" вершителем судеб народа является Учредительное Собрание, съезд, „раскусивший", какой мотив напевали дудки, правдиво и решительно высказал следующее:

„Принимая во внимание, что существующий строй вступил на путь осуществления социализма, когда рушится человеческое рабство и капитализм, веками угнетавшие беднейшее и обездоленное крестьянство и пролетариат и, имея в виду, что единственной властью для укрепления завоеванных свобод и для проведения в жизнь социалистического строя является только Советская власть, как в центре, так и на местах, съезд считает необходимым оказывать всяческую поддержку Советам и особенно в их беспощадной борьбе против тех, кто стремится к свержению Советской власти и заботу об интересах беднейшего трудового народа хочет передать через учредительное со-

брание снова в руки капиталистов и помещиков".

Карты врагов беспощадно бились одна за другой.

Все контр-революционеры, вся гнилая обывательщина крепко и вслух надеялись на то, что съезд обязательно отменит продолжавшееся по городу и уезду военное положение и во всяком случае укажет власти на недопустимость каких-либо репрессивных мер по отношению к ее „политическим противникам".

Съезд же, обстоятельно разобрав всю „политику" местных контр-революционеров и подробно ознакомившись с работой исполкома в деле борьбы с врагами народа, постановил:

„Весьегонский уездный съезд все действия У. И. К. по борьбе с контр-революцией и объявление города и уезда на военном положении считает правильным и требует от У. И. К. принятия более решительных мер борьбы против врагов трудового народа и Советской власти и там, где эти меры требуются, применения более сурового наказания к виновным".

А когда перед закрытием заседания председатель уездного исполнительного комитета тов. Степанов выразил съезду глубокую благодарность от имени исполкома за выраженное товарищеское доверие и просил быть уверенным, что и в будущем уездная Советская власть будет зорко охранять завоевания пролетарской революции и честно выполнять возложенные на нее обязанности по устройству всей жизни уезда, съезд ответил долго несмолкавшими аплодисментами.

„Враги Советов иначе и не могут относиться к нам, сказал тов. Степанов, как только с подозрением и с заранее определенным утверждением, что мы — ничего

не делаем. Они, не так давно бывшие у власти, привыкли смотреть на нее, как на место „теплое“, где можно чувствовать себя „барином“ и расточать народное добро. По своим делам судят они и о нас.

Пусть они остаются при своем убеждении, а мы будем делать свое дело дружной артелью в селениях, волостях и городе, шаг за шагом добиваясь все бо́льших и бо́льших успехов в улучшении нашей общей трудовой жизни“.

Время заседаний 3-го съезда Советов можно считать историческим в жизни местной рабоче-крестьянской власти, так как с этого момента произошел перелом в пользу Советов у трудового народа Весьегонского края, а контр-революции была нанесена такая серьезная рана, что после этого она стала с каждым днем хиреть.

Вместо „венчанья“ съезд развенчал блудливую ханжу и показал простакам, что за песнями об учредительном собрании явственно слышалось „боже, царя храни!“...

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ — ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Надо сознаться, что несмотря на происшедшие перемены в настроении крестьянства, все же нельзя было поручиться, что революционный порядок и проведение в жизнь мероприятий Советской власти не будут встречать препятствий.

Израненная, но недобитая контр-революция могла еще заражать своим дыханием окружающих. Среди темных деревень уезда она могла продолжать свою гнусную работу.

Только в моменты ее особо нахальных выступлений можно было обратить на нее внимание и выступить с ней на борьбу, но ее тайные подпольные шаги

к подрыву власти Советов не всегда были замечаемы представителями власти, так как последние „с головой“ ушли в советскую работу и налаживали отделы и органы кропотливо и усидчиво.

Эта чисто чиновничья работа начинала „заедать“ товарищей, и постепенно революционный пламень, когда-то клокотавший, стал меркнуть, засыпаться ворохами казенных бумаг и заливаться канцелярскими чернилами.

Надо было обязательно грянуть грому, который бы заставил „креститься“, заставил бы соскочить с протертого кабинетного стула, выбежать на улицу, оглядеться и встать смело на опасную работу большевика.

Гром этот не заставил себя долго ждать и грянул из тех туч, из которых мы его совсем не ждали.

Лево-эсеровский мятеж был тем ударом, который заставил нас встрепенуться и выбежать из канцелярий.

И здесь на воле мы увидели, что рано еще затворять двери своих кабинетов для кропотливой будничной работы.

Борьба еще разгорается... Замазанные в чернилах руки еще должны покрыться копотью порохового дыма.

Лево-эсеровский мятеж круто изменил наш путь и заставил сойти с одной дороги на другую — во главу угла нашей деятельности поставить работу партийную.

Лево-эсеровский мятеж и восстания в Рыбинске и в Ярославле

Мы не можем обойти молчанием тех дней, когда обстоятельства еще раз заставили нас крепко сжать винтовку и встать на подлинные боевые посты.

Дни эти должны быть отмечены в нашей краткой истории.

Отношение исполкома к лево-эсеровскому мятежу

7 июля на имя Совдепа были получены из Москвы две телеграммы, сообщившие о восстании группы левых социалистов-революционеров против Совета Народных Комиссаров.

Сразу же по получении их состоялось экстренное заседание, на котором была принята и отправлена телеграфом по назначению следующая резолюция, выясняющая отношение исполкома к происшедшим чрезвычайной важности внутренним событиям.

„МОСКВА, 5-й СЪЕЗД СОВЕТОВ

Весьегонский исполком, заслушав телеграмму за подписью временного Комиссара Шейкмана, до боли поражен печальными событиями в Москве, которые могут повести к краху все завоевания Октябрьской Революции и возрождающуюся к новой жизни Россию сделать снова ареной кровавой борьбы и торжества врагов народа.

Весьегонский исполком клеймит презрением всех тех, кто глух к указаниям Советской власти, и решительно заявляет, что он в данный момент будет выполнять только распоряжения и действовать по указанию Совнаркома, возглавляемого тов. Лениным“.

Отношение исполкома к контр-революционным выступлениям в Рыбинске и Ярославле

8 июля были получены сведения о начавшихся контр-революционных восстаниях белогвардейцев в Рыбинске и Ярославле, что заставило исполком снова

сделать экстренное заседание, на котором во избежание всяких могущих быть в это тревожное время неожиданностей, была утверждена военная коллегия по борьбе с контр-революцией в составе членов: Долгирева, Тодорского, Чистякова и Голубкова.

Исполкомом было постановлено, для оказания хотя и незначительной, но все же нужной помощи Рыбинскому Совету, выслать немедленно в Рыбинск часть Красной армии с членами коллегии Голубковым и Тодорским. В задачу отряда было поставлено продвижение и к Ярославлю, если Рыбинский Совет отклонит помощь.

Весьегонский отряд в Рыбинске

Прибыв 9 июля вечером в Рыбинск, отряд поступил в распоряжение местного военного комиссариата, был придан к расположенному в здании коммерческого училища отряду Красной армии города Мышкина, совместно с каковым отрядом приступил к несению дозорной и караульной службы у пороховых погребов и на окраине Рыбинска на том месте, где 7 июля белогвардейцы начали свои действия, рассчитывая на поддержку размещенных тут во многих бараках военнопленных австрийцев и чехо-словаков.

11 июля в Рыбинск с остальной частью Весьегонской Красной армии прибыл тов. Долгирев и оба отряда, соединившись, должны были, по распоряжению военного комиссара, покинуть Рыбинск для сопровождения идущего водой в Весьегонск хлебного груза.

Еще одно испытание

Необходимость вооруженной охраны хлебного груза вызывалась тем, что уже неоднократно в Иловенской волости, Мологского уезда, на пристани „Иловна" за-

держивались пароходы, самовольно обыскивались и разгружались, при чем иловенские грабители, нисколько не стесняясь, забирали хлеб, изюм, семечки, клей и прочее и тут же на берегу делили добычу.

Так, например, был перед этим разграблен провозимый хлеб для голодающей Брейтовской волости.

Само собой разумеется, что Весьегонская Красная армия не могла равнодушно отнестись к таким случаям и поставила целью дать надлежащий отпор грабителям, которые уже однажды поживились за счет Весьегонска.

В ожидании идущего хлеба на пристани в Иловне собрались любители легкой наживы, а невдалеке стояли готовые для отвоза хлеба подводы.

Отряд при остановке парохода сделал несколько выстрелов вверх и рассеял толпу.

Но только лишь пароход отошел от пристани около четверти версты, как из села Иловны открылась ружейная стрельба по пароходу („Крестьянка"), при чем пулей в ногу был ранен помощник капитана.

Отряд принужден был открыть ружейный и пулеметный огонь, стараясь, однако, обойтись без жертв, и заставил прекратить стрельбу.

Несколько пуль со стороны Иловны еще попали в пароход, но потерь не нанесли.

Весьегонские красноармейцы еще раз доказали свою дисциплинированность и всегдашнюю готовность быть на страже интересов Советской власти и революционного порядка.

В ружье!..

Контр-революционные выступления в центре и у соседей, само собой разумеется, нашли отклик в рядах кулачества нашего края, которое почувствовало под ногами „свою" почву и при содействии саботирующей

интеллигенции и поповства снова начало „обходить“ бедноту.

Медлить было нельзя. Боевые позиции надо было переносить в деревню и дать генеральный бой обнаглевшим врагам.

В половине июля уездный исполком создает чрезвычайную комиссию по борьбе с контр-революцией и спекуляцией, сосредоточивая в ее руках общее наблюдение за революционным порядком, а деревням уезда дает подробную инструкцию, основываясь на декрете, о комитетах бедноты, о том, как им выбиться из нужды и сбросить кулацкое ярмо.

Одновременно с этим возрождается партийная жизнь в городе и уезде.

Весьегонская организация спешно производит перерегистрацию членов, вырабатывает подробный устав и избирает уездный комитет партии, который основывает еженедельную партийную газету „Красный Весьегонск“ и энергично принимается за организационную партийную работу в деревне. В это же время усилиями представителя губернского комитета партии организуется ячейка коммунистов Чамеровской волости; самостоятельно образуется волостная организация коммунистов Макаровской волости и объединяются в ячейку товарищи Любегощской волости во главе с тов. Царевым, недавно умершим, товарищем смелым и решительным.

Мобилизует все свои силы агитационно-вербовочный отдел при уездном военном комиссариате и идет работать в деревню для вербовки красноармейцев и разъяснения беднякам о положении дел в Советской России.

„Известия Весьегонского Совета“ открывают на своих страницах беспощадную травлю всех тех, кто мешает

выпрямиться во весь свой рост деревенской бедноте.

Отдел народного образования начинает работу по созыву 2-го съезда учащих уезда, дабы вытащить из медвежьих углов работников школы, саботаж коих выразился на 1-м съезде, раскрыть им глаза и показать, с кем они должны быть: с беднотой и Советами, или против них с кулаками.

12 августа уездный исполком разгоняет Любегощский кулацкий и бездеятельный волостной исполнительный комитет и организацию такового поручает местной группе коммунистов.

Для помощи беднякам в создании своих комитетов и для обуздания кулаков в некоторые волости уезда выезжают члены уездного исполкома с красноармейцами.

Начинается оживленная работа в Советах и комитетах. Избираются комитеты бедноты, и сила бедняков все крепнет и крепнет.

18 и 19 августа собирается съезд учащих, который заметно показывает, что одураченное правыми эс-эрами учительство мечется и начинает понимать свое „грехопадение". Саботажники отсутствуют, участники съезда избирают новое правление учительского союза вместо сбившегося с пути и запутавшегося в эс-эровских „указках" старого.

25 августа весьегонская организация коммунистов устраивает митинг для городского населения, на который приходит такое количество слушателей, какового не бывало ни на одном спектакле и съезде.

По окончании митинга выносится следующая резолюция:

„Граждане города Весьегонска, заслушав речи тов. коммунистов по вопросам

*

продовольствия, классовой борьбы и организации Красной армии, считают все мероприятия Советской власти во всех областях жизни Пролетарского Государства правильными и необходимыми.

Впредь употребят все меры к тому, чтобы Советская власть также решительно боролась с врагами трудового народа, как она делала это до настоящего времени, обещая ей безусловную во всем поддержку".

Работа дает плоды

С каждым днем оживляется деятельность как отдельных коммунистов (большевиков), так и сельских и волостных организаций коммунистов уезда.

Перемутская волостная организация РКП(б) в 1918 г. (в центре за столом в папахе — председатель Фурашев, погибший на фронте; правее его — секретарь Шанин, в 1927 г. слушатель военной академии).

Уездный комитет ежедневно получает запросы из разных уголков края по партийным вопросам, и почти ежедневно являются в Весьегонск ходоки за большевистской литературой.

Попутно с этим отовсюду приходят сведения, что кулаки и контр-революционеры всех мастей в уезде

начинают кручиниться и выпускать власть из своих рук.

То там, то здесь от проскочивших нахально волков в овечьей шкуре освобождаются комитеты.

Видеть кулака, смиренно опустившего голову и распекаемого представителем какого-нибудь комитета деревенской бедноты за неправильную дачу показаний количества продуктов или за скрытие таковых,— стало обычным явлением.

То там, то здесь кулаки раскошеливаются мошной и платят штрафы, налагаемые Советами, или понуро идут садиться в весьегонскую тюрьму.

В уезде работают члены уездного исполкома, причем волость за волостью тщательно контролируются. Беднякам, переплатившим последние деньги за хлеб, обменявшим за него и скот и домашний скарб, все возвращается, а грабители несут ответственность.

Смятение в рядах кулаков и богатеев полное. Начинают слезиться жадные глаза. Дрожат колени. Подбирается живот и уныло виснет жилетка.

Комитеты деревенской бедноты неутомимо работают по учету и распределению продуктов. Со стороны их приняты все меры к обсеменению полей.

Среднее крестьянство, имеющее хлеб, но без излишков, начинает понимать, что Советская власть не стремится к их разорению, делается спокойнее и уж начинает брезгливо смотреть в сторону кулаков.

Беднота подбодрилась. Расправляет суровые морщины и любовно следит за деятельностью своих комитетов.

Так, шаг за шагом, краснеет Весьегонский уезд в огне революционного пламени, и близится время, когда кулацкое нахальство, хамская гордость богача, жадная скупость и грабительские цены на хлеб будут

в прошлом, как черное воспоминание тех дней, когда мы были неорганизованы, не были смелы и энергичны.

Последняя атака на стан ворогов

Убийство тов. Урицкого и выстрелы в тов. Ленина отозвались здесь как грозная команда: „в атаку... вперед!“

Чаша терпения переполнилась. Коммунисты и бедняки увидели, что жалеть воронов черного стана не надо и громко об этом сказали и в этом направлении стали действовать.

И момент этот можно считать началом конца для всех врагов Советской России, ютящихся в нашем крае.

Беднота и коммунисты с неизъяснимым подъемом сомкнули свои ряды и грозно ударили на вражий стан, который еще ликовал по поводу крупной победы, одержанной им над „главным штабом большевиков“.

Об этом скажем по порядку.

ВЕСТЬ ОБ УБИЙСТВЕ ТОВ. УРИЦКОГО И РАНЕНИИ ТОВ. ЛЕНИНА ЗАСТАВИЛА КОММУНИСТОВ КРАСНОГО ВЕСЬЕГОНСКА И ЕГО УЕЗДА ЕЩЕ РАЗ ГРОМКО ЗАЯВИТЬ О РЕШИМОСТИ БЕСПОЩАДНО БОРОТЬСЯ С ВРАГАМИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Коммунисты города

По получении сведений о предательском покушении на вождя пролетариата весьегонская организация коммунистов послала следующую телеграмму раненому тов. Ленину.

„Прими, дорогой вождь, искренний привет коммунистов Красного Весьегонска,

Велика горечь от постигшего нашу партию несчастья, что ты на время лишен сил, но мы подавим эту горечь и также бодро будем трудиться над созданием того светлого здания, которое воздвигается под твоим наблюдением и именуется Советской Республикой.

Пусть не изменит тебе здоровье!

С тобою во главе мы скорее пройдем последние версты, оставшиеся до нашей цели.

А за твою кровь и кровь павших товарищей мы жестоко отомстим обнаглевшим врагам“. —

Чамеровские коммунисты

Чамеровской волостной организацией коммунистов по поводу убийства тов. Урицкого и ранения тов. Ленина вынесена следующая резолюция:

„Товарищи! Печальные вести долетели до нас. Из рядов авангарда нашей партии хищные шакалы вырвали одного из лучших бойцов за свободу угнетенных и за светлое будущее народов и покушались отнять у нас нашу гордость, нашего любимого вождя.

Пусть же знают они, что эти предательские поступки врагов пролетариата влили в нас удесятеренные силы и мужество.

Товарищи! Враги народа уже отказываются от открытой борьбы. Они чувствуют себя бессильными против сплоченного пролетариата. Они делают последние попытки белым террором поколебать наши ряды, но мы им шлем проклятия и клянемся отомстить за павших наших товарищей.

Каждую каплю крови наших товарищей мы смоем волной предательской крови.

Нам не страшен белый террор.
Да здравствует красный террор!“
Чамеровская организация коммунистов.
Председатель *Ходаренков.*
Тов. председ. *М. Тимофеев.*
За секретаря *Я. Ивушин*“.

Кесемские коммунисты

Кесемская волостная организация вынесла следующую резолюцию:

„Кесемская организация коммунистов, узнав об убийстве одного из лучших сынов Революции тов. Урицкого и о покушении на вождя Российск. Коммунистич. партии тов. Ленина, не находит слов выразить весь свой гнев и всю ненависть к убийцам.

Требуем, чтобы за одного раненого или убитого предательским образом товарища буржуазия и социал-предатели немедленно бы платили тысячью своих жизней.

Приветствуем тов. Ленина, как вождя всенародной социалистической революции, и желаем скорого выздоровления, чтоб вновь вернуться в наши ряды путеводной звездой.

Председатель *Косточкин.*
Секретарь *А. Карабанов*“.

Коммунисты и молодежь села Сукова

На совместном заседании суковской организации коммунистов и культурно-просветительного кружка суковской молодежи вынесена следующая резолюция.

„Мы, коммунисты и молодежь села Сукова, услышав о предательском убийстве тов. Урицкого и о покушении на тов. Ленина, проклинаем всех мировых паразитов и их присных.

Не думайте, подлые проституты, что мы — слабы! Мы не падаем духом, а клянемся перед прахом доро-

гого товарища и раненым вождем отомстить вам за подлое дело. Все мировые подлецы будут сметены железной метлой трудящихся. Мы — землеробы долго были в паутине капитала, а теперь наши спины распрямились, а мускулистые руки крепко сжали топоры и вилы.

Смерть всем предателям! Да здравствует коммунизм!

Председатель собрания *Юрчиков*.
Секретарь *Чухляев*".

Беднота Телятинской волости

Представители комитетов бедноты Телятинской волости на общем собрании вынесли следующую резолюцию:

„В то время, когда жизнь поставлена на карту, когда наши стремления к осуществлению идей социализма пресекаются буржуазией, с коей мы ведем борьбу и желание коей восстановить свое владычество, мы, представители комитетов бедноты, заявляем, что всецело стоим на платформе Советской власти, которая одна лишь приведет нас к свободной жизни, а не к порабощению.

Прочь руки от Советов! Прочь, буржуазная сволочь, от власти народной!

С оружием в руках, защищая Советскую власть, мы не дозволим буржуазии поработить нас.

Прочтя в газетах о гибели тов. Урицкого и о покушении на тов. Ленина, мы заявляем и протестуем против подлых действий из-за угла всей сволочи, которой власть народа, Советы, стоят бельмом на глазу. Ваше мнение о власти над народом — несбыточная мечта. Народ трудящийся не допустит власти вашей, а что касается подлых убийств из-за угла, мы говорим вам: — за каждый единичный террор над нашими представителями и вождями мы ответим врагам народа массовым террором.

Председатель *П. Малышев*.
Секретарь *Я. Пустоварин*".

Граждане Лопатинской волости

Выстрелы в вождей революции гулко отозвались в сердцах лопатинцев. Об этом красноречиво говорят резолюции собраний 11 и 15 сентября. Одна из них:

„Признавая политику Народных Комиссаров правильной, мы глубоко возмущаемся убийством из-за угла тов. Урицкого. Вечная память отважному борцу с контрреволюцией. Смерть на посту Советских работников насильно заставляет дорожить партией коммунистов, которая отдает своих лучших людей и силы на служение Родине рабочих и бедных крестьян. Шлем вам проклятья, убийцы из за угла. Вам не удастся поколебать революцию пролетариата путем убийства отдельных лиц. Выражаем наше соболезнование великому вождю тов. Ленину. Предлагаем Совету Народных Комиссаров применить массовый террор к врагам Советской власти. Узнав о победах наших доблестных красноармейцев и взятии города Казани, шлем приветствие. Желаем успеха“.

И другая:

„Одобряем всю политику Советской власти... клеймим убийц из-за угла... и говорим, что за каждого честного работника необходимо создать целый ряд черных могил предателей. Тов. Володарский, Ленин и др. являются апостолами мировой революции, а убийцы черного капитала своими террористическими актами показали, что они могут выбирать все, что есть наихудшего, лишь бы обезглавить и расстроить ряды революционных работников, а посему довольно слов и человеколюбия к своим врагам. К столбу их, к массовым столбам повсюду и везде“.

Мы ограничиваемся здесь приведением только этих заявлений, так как опубликование всех тех резолюций, кои выносились комитетами, организациями и ячей-

ками, заняло бы слишком много места. Но и из этого материала видно, как встрепенулись бойцы при несчастьи с любимым вождем.

Каждый бедняк понимал, какой тяжелый урон хотели враги нанести коммунистической партии, защитнице обездоленных.

Созванный на 22 сентября съезд комитетов бедноты уезда прежде всего вынес следующую резолюцию, показав всем, какую позицию занимает беднота в это время.

„Мы, граждане бедняки собравшиеся на 1-й уездный съезд комитетов бедноты, шлем горячий товарищеский привет дорогому товарищу Ленину и всем борцам, защищающим пролетариат. Чтим память идейных борцов тов. Володарского и Урицкого, убитых наймитами мирового капитала.

Мы, бедняки, клеймим позором всех тех, кто в собственных интересах добиваются порабощения пролетариата, который был все время под гнетом помещиков и капиталистов.

Мы, свободные граждане, стоящие сейчас у власти, не допустим снова порабощения и встанем все, как один, если только это от нас потребуется, и по первому зову наших товарищей долг защиты пролетариата выполним и это же будем требовать от каждого гражданина, которому дорога власть Советов, Земля и Воля.

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Да здравствует Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Да здравствует власть Советов и беднейшего класса!!!“

Тов. Ленину послана следующая телеграмма:

„Съезд комитетов бедноты Весьегонского уезда приветствует в вашем лице Советскую власть, единственную защитницу деревенской бедноты.

Мы объявили войну кулакам и сделаем все, что требуется, для скорой и окончательной победы над ними. Мы вырвем у них хлеб и заставим встать на колени

всех врагов Советов перед хозяевами Русской земли — городским пролетариатом и деревенской беднотой".

Резолюции — в центр, а контр-революцию — за горло

Претворение в жизнь резолюций и телеграмм прежде всех начала чрезвычайная комиссия, расстрелявшая несколько контр-революционеров и организовавшая энергичный и стремительный поход туда, где еще „жеманились" кулаки.

Чтобы еще последний раз ударить по кулацким затылкам, выбить остатки спеси у деревенских живоглотов, были командированы отряды комиссии по волостям уезда, которые заставили щедро „раскошелиться" кулаков и за один напор только с кулаков одной Мартыновской волости путем обложения богатеев было взыскано 140 400 рублей. В других волостях кулаки также лазили по подпольям и несли спрятанные до более лучших для них времен „николаевки".

При внимательных обысках по кулацким хоромам было отобрано несколько сотен винтовок и десятки револьверов разнообразных систем.

За чрезвычайной комиссией воспрянули духом и все, еще неуверенные, не осознавшие ранее могучей силы деревенские комитеты бедноты.

Лапы кулаков по всему уезду попались в капканы. Вылетела всякая надежда на изменение „существующего строя".

„Не до жиру, быть бы живу" — шептал кулак, отдавая и оружие и деньги.

А в целях раз навсегда отбить охоту у контр-революционеров посягать на жизнь ответственных работников и руководителей партии и восставать против власти Советов в уездном комитете партии было ре-

шено взять от буржуазии, саботирующей интеллигенции и бывшего офицерства заложников, которые бы в случае каких-либо мятежных выступлений в городе ответили в первую очередь своей головой и весьегонская тюрьма сразу пополнилась взятым из города и уезда таким „ассортиментом“ арестантов, каких она не видела с самого своего существования.

Сели те, кто когда-то при царе числился попечителем тюрьмы, кто служил молебен и освящал при открытии ее стены, кто никогда ни во сне, ни на яву не думал, что добьется такой „чести“.

В кулацком стане „смешались в кучу кони и люди“. Как крыловского волка прижали к стене кулаков всех мастей и оттенков и давили из них масло.

Все сколько-нибудь известные и нагрешившие контрреволюционеры разбежались, как крысы, неизвестно куда.

И вот этот-то момент, время жаркой атаки бедноты и полного разгрома вражьего стана, мы считаем последним вздохом старого помещичьего Весьегонска и рождением нового коммунистического красного Весьегонска.

Революционная дисциплина в наших рядах, всегдашнее бодрствование на боевых постах, выдержка и спокойствие при атаках врагов, смелость в контр-атаках на враждебный лагерь и великая вера в правоту нашего дела и в окончательную победу пролетариата над станом паразитов и эксплоататоров — сделали свое дело: враги побеждены, власть — в руках именинницы Советской Республики — бедноты.

Сейчас в нашем крае, так недавно еще бывшем вотчиной дворян и торговой клетью купцов и кулаков, днем с фонарем не сыщешь улыбающегося кулака и помещика и не увидишь унылого бедняка.

Это — можно назвать победой.

Празднования сегодняшнего дня, дня первой годовщины Октября, мы добились потому, что держали крепко в своих руках винтовку.

Запомним же раз навсегда, что и праздник мирового Октября будет завоеван только винтовкой.

Крепко сжатая в революционных руках, дерзко и уверенно направленная в любой вражий стан — весьегонских ли кулаков, англо-французских ли грабителей — винтовка, и только одна она, добьется, завоюет то светлое время, когда во всех уголках земного шара заблестит заря новой жизни, взовьются алые коммунистические знамена и с хрипом рухнут под ноги пролетариата паразиты и насильники всех стран, всех народов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

II. С ПЛУГОМ

Мирное строительство жизни

В предыдущей части мы рассказали о боевой работе, о том, как шаг за шагом, через сотни препятствий боролась с врагами Советская власть и закрепляла за собой отнятые вражьи позиции.

Много было подкопов, козней и лая врагов. Бывали моменты, что вставал грозный вопрос „быть или не быть?“.

Но дело защиты интересов бедноты вручено было в надежные руки.

Правда, почти все время руки эти были заняты винтовкой. Надо было, не смыкая глаз, стоять на боевом посту и зорко смотреть по сторонам.

Но все же, в перерывах, в передышках, руки отдыхали за мирной работой, за делом строительства новой жизни.

Только девять месяцев (с 10 февраля) Советская власть является в Весьегонске хозяином положения.

Что можно было сделать в такой короткий срок, в это крайне тяжелое время боевой страды?

Кругом были и тайные и явные враги. Всюду слышался шопот клеветы, злостных слухов, всевозможных выдумок и сплетен. Везде были препятствия.

Какое поле для возделывания получил Совет от прогоревших „горе-управителей?“.

Все было запутано и перепутано. Нива поросла бурьяном и плевелами.

Но все же, не выпуская из рук винтовки, в крайнем случае перенося ее за плечо, власть рабоче-крестьянская могучим плугом провела неизгладимые борозды на весьегонской ниве.

Некоторые полосы были заборонены и засеяны и, несмотря на короткий срок, мы уже можем приблизительно подсчитать в нескольких местах наш первый урожай.

Железная дорога „Овинище — Суда“

Еще во времена самодержавия несколько раз поднимался вопрос о необходимости проведения железной дороги в пределах Весьегонского уезда. Возбуждались ходатайства перед разными „высокопоставленными“ лицами, но ответа и привета не получалось.

Хлопотали о железной дороге помещики и потому, что каждому из них хотелось, чтоб дорога проходила мимо его имения, а у каждого были свои „высокопоставленные“ лица, хлопоты затирались, и дело не двигалось.

Помещики были заинтересованы в постройке дороги не потому, что она коренным образом изменила бы к лучшему жизнь края, а потому, что на ее постройку

потребовалось бы громадное количество леса (шпал), каковой они могли легко отпускать из своих безграничных лесных дач за плату, которая всегда бывает высокой в таких случаях.

Интересна была для них дорога и по окончании постройки, так как содействовала бы им в обогащении от вывозки того же леса.

Одним словом ранее лишь говорили о ней. Советская власть осуществляет на деле мечту о железной дороге в нашем крае, имея в виду интересы военные, хозяйственные и культурно-просветительные молодой Советской республики, интересы крестьян и рабочих.

Всякому очевидно огромное значение новой железной дороги не только для гор. Весьегонска, но и для всего местного края. Город, до настоящего времени лишь часть года имевший общение с внешним миром по водному пути и на долгие зимние месяцы замиравший в глубоких снегах, теперь будет соединен вечным путем со всеми важнейшими пунктами страны на пользу своего развития и процветания. Однако, важность новой постройки окажется еще большей, если принять во внимание, что строится не маленькая ветка Овинище — Суда (Овинище — станция вновь сооружаемой железной дороги Волхов — Рыбинск), совершенно изолированная и имеющая чисто местное значение, а часть будущей огромной магистрали Москва — Петрозаводск.

Дело в том, что на одном направлении имеются несколько отдельных веток небольшого протяжения. Ветки эти — Москва — Савелово и Кашин — Красный Холм. С постройкой линий, сооружаемых почти одновременно, Кашин — Савелово, Красный Холм — Овинище (в настоящее время заканчивается) и Овинище — Суда, получается сплошная весьма важная как в обще-культур-

ном, так и стратегически-военном значении железнодорожная линия Москва — Суда, соединяющая Москву с линией Петроград — Пермь. В Высшем Совете Народного Хозяйства предположено в ближайшем будущем продолжение этой линии до Петрозаводска, что создаст новую связь между центральным промышленным районом и обильным естественными богатствами севером.

Общее протяжение сооружаемой железной дороги Овинище — Суда около 110 верст.

В настоящее время работа по постройке дороги кипит.

Недалеко от Весьегонска за дер. Дели приступлено к устройству через Мологу железнодорожного моста длиною около 250 сажен, для которого уже прибыло несколько железных устоев.

По сооружению насыпи на берегах Мологи работают специальные машины, экскаваторы, приводимые в действие паровыми машинами.

В начале сентября прибывшая из Рыбинска баржа доставила долгожданного гостя — первый паровоз.

Ожидается прибытие водою вагонов и паровозов. Скоро на том берегу Мологи будут проложены рельсовые пути, и воздух огласится свистками паровоза.

Так как при постройке моста и насыпи требуется применение большого количества разнообразных машин, то на месте работ строятся специальные мастерские для ремонта всего механического хозяйства. Там же сооружаются бараки для жилья; место близ постройки быстро обстраивается и скоро превратится в совершенно своеобразный временный городок, живущий трудовой жизнью.

На правом берегу р. Мологи, сейчас же почти подле моста, будет расположена ст. Весьегонск на открытом привольном месте. Сначала станция будет стоять

несколько в стороне от города, а потом, как это обыкновенно бывает, город начнет обстраиваться и развиваться в сторону железной дороги. Глядишь, лет через десяток, станция очутилась в самом городе и даже за вокзалом раскинулась обширная слобода.

Мы не будем сейчас заглядывать далеко в будущее. Впереди так много хорошего, что и не перескажешь. Одно мы скажем.

Недалеко то время, когда с шумом и грохотом, разбрасывая миллиарды искр, уверенно и легко заходит по Весьегонскому краю могучий советский паровоз, замелькают пассажирские и товарные вагоны, и воздух огласится звонким гулом рвущегося на простор пара.

И смело утверждаем, что радостно посмотрит на железную дорогу[1] трудовой крестьянин, так как она — его, а не помещика.

Телефон

В недоброе старое время, говоря по правде, телефон был забавой и помощником для лени богачей.

Где висели телефонные аппараты? В шикарных городских квартирах банкиров и дельцов разного вида, которым надо было обделывать быстро коммерческие дела.

Скучающие жены и дочери капиталистов переговаривались по телефону со своими „кавалерами", лежа на мягких подушках.

В наших краях кое-где был телеграф, но и им мы не пользовались. И дорого, и хлопотно, да и что могли мы и кому телеграфировать?

Власть была в руках генералов и помещиков и им служили и почта, и телеграф, и телефон.

---

[1] Железная дорога уже давно работает.

Встали у власти крестьяне и рабочие и все стало — их, все — на пользу трудящимся.

Раньше было бы смешно сказать, что деревне нужен телефон. Теперь Советская власть не только говорит, что нужен, а „должен быть“, и энергично проводит в жизнь свое решение.

Сейчас время лихорадочной работы. Все перестраивается на новый лад. Центр дает распоряжения и указания, власть на местах просит различных разъяснений и справок. И все это должно итти без задержек, быстро.

В настоящее время каждый интересуется новостями со всего света. Каждому хочется знать, как идет дело в нашей рабоче-крестьянской стране, что делается в других странах. Газеты получаются не везде, да и приходят с большим опозданием. Как же быть?

В том и другом случае неоценимую услугу окажет телефон. Через него можно моментально передать распоряжение, запросить и получить ответ на справку, сообщить самые интересные новости почти в тот же день, когда они совершились хоть в Москве, хоть и дальше за ней.

Наш уезд особенно нуждается в телефоне, так как некоторые волости (Лопатинская, Никольская, Топалковская, Михайловская) отстоят от города в ста или больше верстах. Чтоб получить им справку от уездного исполкома, приходится ожидать неделю, а то и более.

Принимая все это во внимание, Весьегонский уездный исполнительный комитет, заботясь о правильной постановке Советской работы в уезде и в интересах его населения, поручил инженеру, тов. А. С. Кассич, составить проект и сделать схему телефонной сети города и уезда.

В настоящее время в городе уже поставлен коммутатор (телефонная станция), фирмы Эриксон, монтированный на 60 номеров.

В каждый номер включается по аппарату, той же фирмы, с индуктивным вызовом, очень удобному для общего пользования.

Сейчас имеют аппараты и пользуются телефоном почти все учреждения города, как-то: исполнительный комитет, земельный отдел, касса мелкого кредита, военный комиссариат, отдел управления, союз кооперативов, городской отдел, отдел народного образования, чрезвычайная комиссия, отдел народного хозяйства, кожевенный отдел, совет народных судей, казначейство.

Спешно производятся работы по подготовке и скорейшей установке телефонной сети в уезде.

Уездная сеть будет представлять следующее. Каждая волость будет иметь свою линию и аппарат непосредственно с городом, а каждый волостной аппарат, в свою очередь, будет связан с несколькими деревнями волости.

В первую очередь будут связаны Весьегонск — Макарово, Любегощ — по одной магистрали.

По другой магистрали Весьегонск—Телятино, Кесьма.

Линейные работы будут производиться до глубокой осени до ближайших волостей.

К весне будет сделана подготовка и другим дальним волостям и весной связан весь уезд.

Главный материал для проведения в жизнь проекта имеется. Аппараты есть. Провода приобретено на 350 верст и ожидается к получению из Москвы еще требуемое количество (1500 пуд. проволоки). Столбы отпускает земельный отдел для успешности работ по пути следования магистрали.

То, что служило богачам помощью в наживе и забавой, в Советской республике служит и будет служить помощью в устройстве лучшей жизни трудящихся.

Помещики смотрели на деревню, как на конюшню, из которой можно брать навоз для удобрения их полей, их цветов, их барской породы.

Рабоче-крестьянская власть сама — из деревни. Деревня — ее колыбель, ее мать.

И Советская власть все силы отдаст на то, чтобы не было различия между городом и деревней, чтобы всем, что служит человеку, все пользовались одинаково, по-братски.

Советская типография

В наследство от старых „правителей“ Советская власть получила в Весьегонске маленькую типографию, которая лет 25 ютилась где-то на задворках в полусарае, полудоме.

На первых же порах деятельности уездного исполнительного комитета ясно обнаружилось, что типография не сможет удовлетворить всех тех задач, кои требуются от нее настоящим временем, ибо типография, перейдя в руки Совета, стала уже не коммерческим предприятием, а помощницей в деле укрепления завоеваний нашей революции.

С первых же дней владения типографией исполнительный комитет приступил к изданию брошюр на различные политические темы, каковых было отпечатано около 100 000 экземпляров („Пауки и Мухи“ — Либкнехта, „О сером“—М. Горького, „Куй железо пока горячо“ — Д. Бедного, „С кем итти крестьянской бедноте“ — Преображенского, „Отделение церкви от государства“ — Бурова и др.), но недо-

статочность оборудования типографии останавливала в это время отпечатание декретов, распоряжений, необходимых канцелярских книг и другого тоже крайне нужного материала.

Надо было думать о том, как бы наладить дело. Без сомнения, на эти „думы“ много бы ушло времени у господ, составляли бы сметы, просили бы разрешений, входили бы с ходатайством и т. д.

Советская власть знает другие пути, по которым она и пошла.

Прежде всего было установлено, что некоторый типографский материал имеется у одного богатея в Чамеровской волости, куда немедленно же были направлены специалисты-рабочие и через несколько дней в Весьегонск было доставлено: 10 пудов шрифта (букв), одна машина-американка и одна бостонка.

В это же самое время из полусарая, в котором губили свое здоровье рабочие, типография была переведена в просторный и светлый дом, где имелись отдельные комнаты и для печатной, и для наборной, и для переплетной.

Все же материала было недостаточно для постановки дела на должную высоту, и исполнительный комитет командировал члена комитета тов. Мокина с наказом во что бы то ни стало приобрести все, что можно.

По приезде в Петербург тов. Мокин прямо с вокзала пошел к товарищу Зиновьеву, председателю Совета Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны, объяснил все дела и затруднения в благих делах Весьегонского исполкома и... в результате через несколько времени пароход доставил для Весьегонской советской типографии плоскую машину, американку, резательную машину, сшивательную машину и 40 пудов шрифта.

И сейчас типография выполняет не только заказы исполкома и его отделов, но без отказа принимает громадную работу от вновь строящейся железной дороги, от союза кооперативов, потребительских обществ и других учреждений.

Можно ли бы было раньше допустить даже и в мыслях, чтобы, ну, положим, какой-нибудь член бывшей земской управы прямо с вокзала прошел в кабинет петроградского градоначальника и устроил для Весьегонска дела!

Рабочие Весьегонской типографии в 1918 г.

Этого быть не могло, потому что были у власти господа. А сейчас все по-другому. Член уездного исполкома тов. Мокин, макаровский мужик, он же питерский переплетчик, не моргнув и бровью, входит в квартиру председателя Совета Народных Комиссаров Петроградской Коммуны и „два счета“ устраивает дела

для затерявшегося в чаще „брынских" лесов городка.

Потому это, что сейчас одинаковы и Петербург, и Весьегонск и Макарово, товарищи—и Ленин, и Мокин, и Зиновьев и все те, кто живет в вольных поселках, слободах и городах и трудится над отшлифовкой вольной Советской республики.

Советские мастерские

В наследство от господ уездный исполком получил плохо оборудованную мастерскую, имеющую два токарных станка, маленькую кузницу и столярное отделение. Здесь стоял также нефтяной двигатель, но станки всетаки приводились в движение ногами и руками рабочих.

Перед советскими работниками сразу же встал вопрос об удовлетворении потребности населения в мастерских, об их оборудовании.

Мастерским ставились три задачи:

1) ремонт и выделка простейших сельско хозяйственных орудий, как-то: плугов, борон, веялок, молотилок и т. п., в которых население, вследствие общего упадка нашей промышленности, испытывало весьма острую нужду, тем более, что откуда-нибудь со стороны, извне, по причине полного на первых порах расстройства транспорта, помощи получить не представлялось возможным;

2) ремонт сепараторов и сливкоотделителей и ремонт и изготовление молочной посуды: сбоек и всех необходимых принадлежностей для маслоделен, в виду того, что сильно развившееся в уезде маслоделие (до 200 000 пудов масла в год) начинало уменьшаться вследствие неисправности сепараторов и невозможности их гделибо починить;

3) изменение и улучшение характерной и специальной весьегонской телеги, которая со времен покойного Рюрика оставалась в нетронутом виде, замена ее деревянных осей железными и приспособление к последним колес.

Для осуществления вышепоименованных задач необходимо было расширить мастерские и снабдить их нужными инструментами.

Исполком энергично взялся за дело и вскоре же от Рыбинского Технического (Комаровского) училища был приобретен токарный станок, а из Москвы привезены: фрезерный, сверлильный, строгательный станки, тиски и различные мелкие инструменты.

К станкам была установлена трансмиссия, которая через двигатель приводит сейчас станки в движение, избавляя, таким образом, рабочих от изнурительного труда.

Полное оборудование мастерских еще не закончено, но уже и сейчас они успешно справляются с возлагаемыми на них работами и во многом помогли и помогают трудовому населению.

Одной из главнейших своих задач Советская власть Весьегонска ставит улучшение этих мастерских и об этом заботится и со временем при развитии деревенских коммун, у которых будут более совершенные сельско-хозяйственные машины, мастерские сыграют видную роль в упрочении крестьянского хозяйства и принесут неоценимую пользу весьегонскому земледельцу.

И недалеко то время, когда рюриковская колымага, с визгом и стоном уныло качающаяся по выбоинам и колеям, сменится удобным экипажем на железном ходу, который весело застучит по гладким дорогам, а многострадальная дедовская соха — выйдет всюду

из употребления и, лежа где-нибудь в сарае, будет служить лишь воспоминанием о сгинувшем навеки и трижды проклятом нами барском царстве.

Электричество

Принятая от земской управы электрическая „станция“, состоявшая из одного двигателя, который снабжал светом несколько лампочек, была необорудована и сила двигателя оставалась в большей мере неиспользованной.

Забота о постановке советского хозяйства на должную высоту и стремление сделать все возможное для помощи населению поставили перед уездным исполкомом и вопрос об электричестве, а остро ощущаемая нужда в освещении заставила особенно внимательно отнестись к данному делу, выдвинув его на первый план.

Сейчас в Москве закуплена электрическая арматура, которая позволит использовать двигатель полностью и в первую очередь электричеством будут снабжены советские учреждения и заменен ручной труд при типографских машинах, для чего уже приобретены три мотора.

Приняты все меры к тому, чтобы в нынешнем же году получили электрическое освещение городские улицы, прилегающие к учреждениям, в каковых целях кроме двигателя мастерских будет использован и двигатель кинематографа.

В настоящее время исполнительный комитет занят изысканием средств на оборудование настоящей электрической станции вместе с предполагаемым водопроводом, о чем возбуждено ходатайство перед Высшим Советом Народного Хозяйства.

Лесопильный и хромовый заводы

Налетевшая ураганом на стан толстосумов-богатеев пролетарская революция так тряхнула последних, что некоторых повергла, так сказать, в „паралич“, а у иных отшибла совершенно руки.

Равнодушно оставить их в стороне, пройти мимо их было нецелесообразно.

Надо было заставить подняться купеческим рукам и взяться за работу, но уже не ради личных их выгод, а ради пользы рабоче-крестьянской страны.

Уездный исполком, энергично взявшись за работу сам, добивался, чтоб и все другие, кто может что-нибудь сделать, не оставались безработными.

В этих целях были призваны в исполком три молодых энергичных и особенно дельных промышленника, Е. Е. Ефремов, А. К. Логинов, Н. М. Козлов, и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов, к оборудованию которых сразу же и было приступлено.

Советская власть не ошиблась в выборе работников, а промышленники, к чести их, почти первые поняли, что имеют дело не с „двухнедельными случайными гостями“, а с настоящими хозяевами, взявшими власть в твердые руки.

Вполне правильно уяснив это, они энергично взялись за выполнение распоряжений исполкома и уже в настоящее время Весьегонск имеет лесопильный завод на полном ходу, обслуживающий всю потребность местного населения и выполняющий заказы от вновь строящейся железной дороги.

Что же касается завода по выделке хрома, то сейчас оборудовано помещение и идет установка двигателя,

барабанов и прочих машин, доставленных из Москвы, и не далее как через 1½ — 2 месяца Весьегонск будет иметь хромовую кожу своего приготовления.

Оборудование двух советских заводов „несоветскими“ руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом нам враждебным.

Это—еще полдела, если мы ударим эксплоататоров по рукам, обезвредим их или „доканаем“. Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть.

Дорожностроительное дело

Дорожное строительство, наконец, разбужено Советской властью от слишком долгой спячки.

Почти всюду заметно, как начинает воплощаться в жизнь то, о чем ранее можно было только мечтать.

В одно нынешнее лето по дорожностроительному делу выполнено столько работы, что ранее это делалось не менее чем 20 лет.

В пределах 5 района Весьегонского и Краснохолмского уезда приступлено к заготовке (выработке) операционных планов дорожного строительства на 5 лет.

Закончены изыскания дорог (нивелировочные работы): 1) Любегощ — Орудово; 2) Кесьма — Софрониха; 3) Хабоцкое — Молоково; 4) Красный Холм — Воробьиха.

Всего на протяжении 74 верст.

Приступлено к изысканиям дорог, на что в заседании 12 октября Весьегонским уездным комитетом постановлено ассигновать 20 000 рублей, 1) Весьегонск—Макарово—Званка; 2) Макарово—Любегощ; 3) Приворот—Сандово—Топалки—Смердынь—граница Вышне-

Волоцкого уезда; 4) Молоково—Сандово. Всего на протяжении 179 верст.

К 1 января 1919 г. будут представлены в Высший Совет Народного Хозяйства профили со всеми необходимыми данными на 263 версты для получения кредита.

Производится капитальный ремонт и переустройство дорог и искусственных сооружений (мосты, дамбы, плотины и пр.): 1) Весьегонск—Красный Холм; 2) Живни—граница Ярославской губ. (всего на протяжении 117 верст) и частичное исправление других дорог.

Для всех вышеуказанных работ привлечено много технического персонала и рабочих сил и организованы два дорожностроительных отдела, руководство технической стороной которых поручено специалисту инженеру, командированному от губ. дор.-стр. отдела и управления.

Все расходы по работе ведутся под строгим контролем Советов.

В настоящее время, в виду стесненности в средствах у. исполкома, ведется лишь ремонт школ и больниц, но, рассчитывая на более благоприятные условия в этом отношении, в будущем предположено приступить к ряду построек советских больниц, школ, бараков и пр., для чего уже поручено инженеру выработать необходимые проекты.

В последнее время, с объявлением в городе и уезде трудовой повинности, деревенское население привлечено в первую очередь к работам по улучшению народных школ и постройке народных домов, что в настоящее время весьма успешно производится, и мы не далеки от тех дней, когда вместо хороших тюрем и церквей по социалистическому краю будут радовать взор хорошие школы, театры и больницы.

ГАЗЕТЫ

Две издающиеся сейчас газеты, „Известия Весьегонского Совета“ и „Красный Весьегонск“, не явились здесь новостью, так как еще в первые дни „их“ революции в городе вышло 5 номеров газеты „Весьегонский Гражданин“.

Но при сравнении газеты кадетской с советскими явственно обнаруживается, для кого и чего печатались „их“ строки.

Прежде всего скажем, что „беспартийный орган общественной инициативы“, как называл себя „Весьегонский Гражданин“, издавался на средства, собираемые подпиской на паи, а по содержанию газеты мы смело можем заключить, что пайщиками состояли уж во всяком случае не бедняки и рядовые крестьяне, а их превосходительства, степенства и высокоблагословения.

В № 3 „Весьегонского Гражданина“ мы натыкаемся на следующие строки — воззвание:

> Граждане, помещики, землевладельцы, крестьяне, казаки, арендаторы и все, *кто трудится над землей!*

Если по „их“ над землей трудились помещики и арендаторы, то выходящими сейчас советскими газетами и эти „труженики сохи“ и присные им были отнесены совершенно в противоположную группу, в группу людей, трудящихся над эксплоатацией трудового крестьянина.

И тогда, когда кадетская газета радовала сердца всех своих пайщиков-помещиков, советские газеты явились радостью для бедноты, беднота приняла в них горячее участие, помогла и помогает им всем, чем может.

Советские газеты сделали свое дело в отношении разоблачения тех, кто прикрывал себя со всей сворой маской друзей деревни.

Каково действие газет на вражеский стан и на ряды деревенской бедноты, нам говорит следующее стихотворение, помещенное в № 5 „Красного Весьегонска", где наши газеты названы колокольней для бедноты.

ВЕСЬЕГОНСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

На поповских колокольнях дребезжат колокола —
Меди старой посинелой отдохнуть давно пора...
Нам — не горе! Мы, лихие коммунисты-мастера,
Строим мигом колокольню,
Звон с ней — лучше серебра.
Выше храмов, выше башен гордо высится она
И несут по вольным пашням перезвон колокола...
„Дзинь... бом"... Что за приключенье?
Затряслися кулаки.
Прячут хлеб. Как на пожаре, запирают сундуки.
Побледнели чище снега. Дрожь по телу так и бьет...
А с высокой колокольни звон раскатисто гудёт...
„Дзинь... бом"... Поп в чулан забился.
Не отыщешь со свечей!..
Сельский лавочник с испугу прыгнул в реку, как шальной.
„Дзинь... бом"... Бывший пан — помещик
Из усадьбы в лес бежит,
А урядник в лихорадке,
Как щенок зимой, дрожит.
Что такое? Что за сказка —
Чудеса колоколов?
Что за панику наводит
Перезвон большевиков?
. . . .
Оттого бегут все в страхе,
Запирают сундуки,
Что встают во всем уезде
В бой с врагами бедняки;
Что, услышав наши звоны,
Просыпаются они,

Вспоминают горе, стоны,
Дней недавних злые сны,
И под звоны колокольни
Жмут, как масло, кулаков.
„Жми сильнее!..“ вторит вольный
Перезвон колоколов.

Продовольствие

Организованный при уездном исполкоме 13 февраля отдел снабжения принял от бывшей продовольственной управы все дела, книги и инвентарь в крайне запущенном виде. Продовольственный аппарат был совершенно неналажен, и пришлось браться за работу с самых „азов“, с начала.

Недостаток продовольствия к весне настоящего года привел к голоду близлежащие к городу волости Макаровскую и Перемутскую и всю бедноту уезда, и в предъидущей части, в рассказе о чамеровских событиях, мы уже достаточно полно нарисовали картину борьбы за хлеб в нашем крае, которая велась при энергичном участии отдела снабжения, организовавшего повсюду учет хлеба и отобрание его излишков.

Преодолев все препятствия, вложив в дело всю свою энергию и опыт, Советская власть, так или иначе, благоприятно разрешила продовольственный кризис, не дав умереть бедноте с голода и беспощадно расправляясь с кулаками.

Не имея возможности особенно подробно остановиться и проследить шаг за шагом всю работу отдела снабжения, мы воспользуемся здесь лишь итогами тех продуктов и предметов необходимости, которые были получены с 13 февраля по 25 октября и распределены отделом, так как нам и нужны более всего результаты работы.

Отделом снабжения было получено и распределено: муки — 5660 п. 20 ф.; ржи 23 п. 21 ф.; жита 286 п.; овса 18 008 п. 8 ф.; гречи 323 п. 2 ф.; пшена 1004 п. 26 ф.; гороха 38 п. 38 ф.; бубликов 60 п. 27 ф.; чаю 548 п. $3^3/_8$ ф.; сахару 2115 п. 22 ф.; карамели 26 п. 5 ф.; ландрину 55 п. 14 ф.; соли 41 334 п. и 1490 кулей; постного масла 873 п. 16 ф.; льняного семени 204 п. 23 ф.; махорки 500 ящ.; легкого табаку 48 ф.; гильз 200 000 шт.; сельдей 15 б.; кеты 121 п. 2 ф.; спичек 143 ящ. и 93 п.; рису 890 п.; горчицы 18 п. 35 ф.; мыла 704 п. 15 ф.; масла 383 п.; варенья 31 б.; сахарина 19 286 гр.; рыбы 742 п.; гарного масла 511 п. 36 ф.; табаку 19 178 ф.; остатков нефти 314 боч.; моторн. нефти 173 б.; смазочного масла 10 б.; дегтя 22 б.; керосина 9594 п.; сапожного товара 18 885 пар; шорного товара 207 шт.; конской упряжи 116 комплектов; мануфактуры 216 388 арш.; стекла 93 ящ.; кос 841 шт.; плугов 200 шт.; лемехов 899 шт.; гвоздей 1660 п. 23 ф.; два привода к молотилке; железн. лопат 250 шт.; четыре косилки; косных лопат 560; регуляторов к плугам 50; веялок 16; одну молотилку; жаток 21; серпов 582; сеялок 5; шильного железа 51 п. 4 ф.; полосового железа 200 п.; брусков 692 шт.; сапожных шпилек 20 п.; кровельных гвоздей 238 п.; чугунных стоек 100 шт.; ободьев 800; топоров 396 шт.; ведер 192 шт.

Получение продуктов и предметов первой необходимости было налажено при ближайшем участии взятой 25 марта уездным исполкомом в свои руки кассы мелкого кредита, которая имеет в настоящее время склады: кожевенный, продовольственный, сельскохозяйственный и книжный и тесно работает с отделом снабжения.

При сорганизованных в настоящее время повсюду комитетах бедноты, волостных учетных комиссиях и

заградительных отрядах учет хлеба весьма успешно уже подходит к концу и хлеб поступает на ссыпные пункты, так что можно надеяться, что нынешний год в продовольственном отношении будет благоприятнее пережитого.

Примером этому может служить хотя бы то обстоятельство, что в последние дни от Чамеровского волостного комитета бедноты поступило 500 пуд. ржи, тогда как в прошлое время каждый пуд хлеба от имеющих излишки его приходилось буквально вырывать силой.

Более или менее спокойная работа сейчас наладилась. Население начинает понимать пользу хлебной монополии и ее необходимость.

Кой-где еще кулаки стараются провести бедноту, но всегда неудачно проходят их попытки и скоро раскрываются.

Если продовольственный аппарат разрушили, набивая себе карманы, помещики, так его исправят мужики.

Мы не можем здесь не вспомнить первого времени перехода власти в руки Совета.

Когда, по постановлению исполкома, 26 марта пришел в кассу мелкого кредита для взятия всех дел и денежных сумм в руки Совета тов. Смирнов, ныне председатель кассы, то бывший председатель правления кассы и председ. земской управы в волнении сказал ему: „исполком становится на неправильный путь, и вы, беря кассу в свои руки, берете на себя большую ответственность. Я больше чем уверен, что вы не более недели просуществуете в кассе и сознаете, что я вам говорю правду. Вы сейчас можете разрушить весь кассовый аппарат, так как управлять кассою нужно специалисту“.

Так говорил любегощский помещик Калитеевский любегощскому же мужику Смирнову, передавая 7294 руб. 12 коп. наличных денег кассы.

Настоящее время показало, кто был в то время прав. Касса мелкого кредита не разрушилась, а наоборот — улучшилась.

Мужицкие руки сумели совладать с трудными барскими делами, и сам гражданин Калитеевский, энергичный и дельный, работая сейчас в том же деле снабжения и тем самым помогая нам, наверное уверился в том, что к нам уже никто не придет принимать учреждения, и сами мы не отступим ни перед какими трудностями в нашей работе.

Народное образование.

Темной и забитой застала деревню Советская власть, и первые же ее шаги были направлены к тому, чтобы всеми мерами просветить народ, вывести его из векового умственного оцепенения, влить в деревню живительные струи знания.

Прежней власти выгодно было иметь темную, полуграмотную и неразбирающуюся в политике деревню, Советская же власть сознавала, что только при посредстве просвещенного, грамотного и во всем разбирающегося крестьянства возможно провести в жизнь все социалистические мероприятия, итти по пути к социализму.

Весьегонский уездный совет по народному образованию по предложению комиссара тов. А. П. Серова в заседании своем 1 июня с. г. постановил с нынешнего же года ввести в уезде обязательное обучение.

Выполняя это решение, отдел по народному образованию открыл несколько новых учительских мест и несколько новых школ и теперь же возбуждает

ходатайство, в виду переполнения школ учащимися, об открытии еще нескольких десятков новых школ и комплектов учащих в уже открытых.

В нынешнем году отделом открыто семь двуклассных училищ: Телятинское, Чернецкое, Горское, Растороповское, Пневское, Гришкинское и Сандовское; три высших начальных училища: Любегощское, Лукинское и Смердынское и параллельные классы при Весьегонском высшем начальном училище.

Обращая особенное внимание на школьное образование, отдел стремится и к тому, чтобы взрослое население было все грамотно и образованно.

С этой целью отдел разбил весь уезд на шесть районов и в центре каждого организовал библиотеку, назначив туда заведующих мероприятиями по внешкольному образованию, на обязанности которых лежит организация курсов для взрослых, устройство чтений, лекций, выставок и пр.

Отдел надеется, что нынче же для неграмотных взрослых будет открыто несколько десятков школ.

На все эти мероприятия имеются ассигнования, о которых бывшему земству и не снилось. Сумма расходов на это дело выражается не менее чем в 100 000 рублей.

Деревня к сердцу принимает дело народного образования, и работа в этой области идет легко и дружно.

Зорька света уже пробивает угрюмую деревенскую тьму, все ширится и растет и скоро заблещет ярким огнем над всем нашим краем, ослепив глаза еще иногда каркающим ночным совам, для которых пробуждение деревни и ее просвещение является „отходной“.

Работа в деревне

До сего времени мы говорили более всего о деятельности уездного исполкома и только изредка, по пути, касались жизни деревни. К величайшему сожалению, нам не удалось собрать, за недостатком времени, исчерпывающий материал по этому крайне важному делу. Остановимся бегло на нескольких волостях и взглянем на работу в деревне, начав с Чамеровской волости.

Пережившая контр-революционное восстание, на собственной шее своей испытавшая засилие кулаков,— волость сейчас неузнаваема и является наиболее революционной частью уезда.

Вполне безболезненно и успешно производится учет и распределение хлеба крепко взявшей власть беднотой. Сопротивления кулаков нет и в помине. Деятельно работает волостная организация коммунистов, аккуратно собирая своих членов на собрания и решительно проводя в жизнь свои постановления.

Хозяйственной стороне жизни отводится большое внимание.

При волостном комитете бедноты организована мясная лавка.

Все граждане по постановлению волостного Совета состоят членами кооператива.

На последнем заседании волостного исполкома поручено председателю волостного комитета бедноты оборудовать в дер. Федове, Ульянихе и Сычеве маслобойни, а в селе Чистой Дуброве, дер. Ульянихе и Топорищеве — три овчинных мастерских; маслобойни и мастерские, имеющиеся в волости, взять в ведение комитету бедноты и Чамеровскому кредитному товариществу выстроить кирпичный завод.

На одном из последних заседаний коммунистов постановлено образовать в каждой деревне партийные ячейки и библиотеки-читальни. Волостью получается много газет и литературы. В Чамерове имеется библиотека и читальня. Мебель для них взята от помещика Репенак. В дер. Поцепове организовался культурно-просветительный кружок. Клуб и библиотека-читальня открыты в дер. Ульянихе. Открывается клуб в селе Чистой Дуброве. При волостной организации коммунистов вполне успешно функционируют курсы международного языка „эсперанто".

Организатор Весьегонского комсомола Люся Смирнова. Погибла на восточном фронте от сыпного тифа.

В Телятинской вол. наиболее организованная работа идет в с. Сукове, где все управление сосредоточено в руках молодежи. Имеется организация коммунистов, культурно-просветительный кружок и при нем благоустроенный клуб. Устроен народный театр, в котором молодежь дает спектакли. В деревнях Большом и Малом Фоминских открылись культурно-просветительные кружки. В последней деревне организовалась ячейка коммунистов.

При начале занятий по всеобщему обучению учениками трех сборных пунктов вынесены приветствующие декрет об обучении резолюции, в которых товарищи заявляют о желании учиться военному делу для защиты Пролетарской революции.

Пробуждается находящаяся в углу уезда Никольская волость, из которой за последнее время поступают добровольцы в Красную армию, чего ранее не наблюдалось.

В Любегощской вол. работает волостная организация коммунистов. Имеются два культурно-просветительных кружка.

Руководство Перемутской вол. всецело в руках волостной организации коммунистов, председатель коей т. Фурашев является и председателем волостного исполкома. Работа во всех областях жизни идет успешно. В с. Лекме организована партийная ячейка и культурно-просветительный кружок, который в ближайшем будущем приступает к постановке спектаклей. Живое участие в последнем принимает местный учитель А. А. Крешневской. Лекомские товарищи намерены устроить народный дом. Имеется культурно-просветительный кружок в дер. Перемут и партийная ячейка в дер. Делях.

В Лукинской вол. работает волостная организация коммунистов, которой открыт культурно-просветительный клуб и библиотека-читальня. Кружок сценического искусства из местной молодежи дает спектакли в с. Лукине. Организуется летучая труппа любителей-артистов (Н. Панов, Корсакова, Шестериков, А. Панов, Кудрявцев, Кулакова, Смирнов и др.) для постановки спектаклей в соседних волостях. Из протоколов исполкома видно, что идет работа по образованию советской лавки, кожевенного завода и овчинной мастерской.

В Топалковской вол. в с. Пожарье организован культурно-просветительный клуб крестьян.

В Мартыновской вол. организация коммунистов устроила клуб и кружок. По деревням организуются

в помощь комитетам бедноты ячейки коммунистов. В дер. Михалеве открылся культурно-просветительный клуб, а в дер. Черницине и Браткове — кружки. Приступлено к открытию советской мясной лавки.

В Кесемской вол. организация коммунистов насчитывает 150 человек. Открыт в с. Кесьме пролетарский клуб и при нем научно-политическая библиотека. В сегодняшний день, 7 ноября, состоится открытие народного театра. Приступлено к устройству народного дома и организации курсов по обучению грамоте взрослых.

В Лопатинской вол. деятельно работает волостная организация коммунистов, которая сейчас приводит на должную высоту богатую Смердынскую библиотеку.

В Покрово-Коноплинской вол. вся работа в руках волостной организации коммунистов.

Щербовская вол. имеет партийные ячейки в Сандове и Соболинах. В Сандове имеется библиотека-читальня, пролетарский клуб, где устраиваются чтения и спектакли.

С 1 января в национализированном имении Парфеньево, Лукинской вол., открываются постоянные годичные сельскохозяйственные курсы, на которые центральной властью отпущено 37 500 руб., а всего расход по ним выразится в 79 500 руб. Курсы будут подготовлять сведущих сельских хозяев, которые бы могли рационально вести хозяйство, а также ознакомлять слушателей с общественными формами ведения хозяйства: артелями и коммунами. При приеме на курсы предпочтение будет отдаваться земледельцам нашего уезда обоего пола, не моложе 17 лет, грамотным.

В Телятине и Лукине будут организованы уездным земельным отделом трехнедельные сельскохозяйственные курсы, а в Смердынях, Решетихе, Расторопове,

Чамерове и Весьегонске курсы по огородничеству. Кроме того, с наступающей зимы агрономическим отделом в нескольких пунктах каждой волости будут производиться летучие беседы и лекции на сельскохозяйственные темы.

Краткий обзор работы в деревне мы закончим упоминанием о Макаровской вол., где крестьянство энергично взялось за работу по просвещению.

Недавно там, под руководством тов. А. А. Виноградова, открылся детский клуб, где читаются стихотворения, рассказы, идут беседы, пение и танцы. Волость, кроме того, деятельно взялась за устройство деревенского университета, который уже сейчас функционирует.

Университет состоит из трех ступеней. На первой учатся неграмотные, вторая и третья дают возможность перейти грань грамотности и быть уже достаточно образованным человеком. Спешно идут работы в волости по устройству народного дома, на что из местных средств отпущено 20 000 р.

Шаг за шагом деревня одолевает вязкую тину неграмотности, темноты и невежества, в которую загнал ее помещичье-полицейский строй.

Впереди по этой тяжелой дороге идут Советы, показывая наиболее надежный путь.

И все ярче и ярче разгорается заря просвещения над обездоленной господами, но освобожденной рабоче-крестьянской страной.

С праздником

Наши прадеды, деды и отцы родились рабами и прожили всю свою жизнь с согнутой спиной.

Как будто в насмешку им дана была жизнь для того, чтобы они все свои силы отдали для счастливого и сытого существования других.

Представляя собой навоз, на котором пышно цвели барские цветы, работая без отдыха на своих угнетателей, они не знали, что такое — радость жизни.

Запуганные бесчисленным множеством начальства, всегда заботившиеся о завтрашнем дне, чтоб прокормить миллионы тунеядцев, они не видели ничего, кроме своей душной избы и кормилицы полосы, и терпеливо несли свою убогую долю, как слепые лошади на мельничном кругу.

Для их удовольствия „благодетели“ строили кабаки, где в винном угаре туманились головы и засыпала всякая мысль о том, что что-то неладно делается на земле, где одному живется хорошо и просторно, а другому — плохо и тесно.

Родились рабами наши прадеды, деды и отцы и рабами ушли в могилу, так и не устранив великой несправедливости.

Мы родились от рабов и были тоже рабами.

Но наши головы не затуманились. Мысль о неладах на земле не заснула в нас, а упрямо стучала в мозгах, колотилась в сердце и заставляла разбираться во всем, что — хорошо и что — плохо.

И вот мы сейчас разобрались.

Мы посмотрели на себя не как на слепую лошадь, а как на людей, и увидели, что мы — такие же, как и те, на кого мы убиваем жизнь, и ничем их не хуже.

Мы поняли, что вместе с работой мы имеем право и на укрепляющий отдых и на радости жизни. Имеем охоту и право распрямить свою спину и поднять голову. Имеем право ж и т ь, как хочет наша голова, а не так, как позволит какой-то „хозяин“, „барин“, „господин“.

Дети рабов, мы сейчас — вольные люди.

Мы начинаем жить по-новому, как надо жить человеку свободному.

Мы еще не можем ясно почувствовать того огромного счастья, которое дала свобода.

Только недавно выбились мы из мельничного круга и совсем еще не огляделись.

У нас сейчас забот даже больше, чем было раньше. Но это оттого, что мы только-что начали расчищать себе дорогу.

Мы — первые дровосеки, прорубающие прогалины в дремучем лесу.

Тяжело рубить топором вековые сосны! Тяжело подпиливать могучие дубы!

Но зато, за этим темным угрюмым лесом — вольный простор и сладкий отдых.

Мы, первые дровосеки, пробьем дорогу туда, и наши дети не скажут про нас, что мы, родившись рабами, покорно протянули свою лямку и сошли в могилу, оставив им в наследство позорное рабство и ржавые кандалы.

Но... великие трудности еще ожидают нас.

Впереди много будет жарких схваток с теми, против кого мы восстали, кому мы гордо и смело крикнули: „мы — не рабы“.

Выйдем ли мы победителями?

Да, товарищи! Победа за нами!

Боевая практика ясно доказала, что наиболее надежные, спокойные и уверенные бойцы вырабатываются там, где позиция имеет сближенное расстояние с противником и всегда может ожидать неожиданных выступлений с его стороны.

Наоборот, там, где окопы отстоят далеко от вражеских окопов и гарнизон не чувствует около своих бойниц глаз врага, часовые „распоясываются“,

кое-как несут службу на своих постах, становятся беспечными, а при малейшем подозрительном шорохе с фронта тотчас теряются и в большинстве случаев представляют собой не боевой отряд с согласованными действиями, а стадо слепцов, не находящих своего места.

Наши окопы, которые мы занимаем вот уже год, не могут быть отнесены к тем, которые зовутся бездействующими и где можно распоясаться.

Узорчатой лентой идут они около самых вражеских окопов и из наших бойниц видны глаза врага.

И потому, что враг не дремлет, потому, что всегда можно ожидать его неожиданных атак, мы за год приучили себя к спокойствию и уверенности.

Мы не бегаем с места на место при подозрительных шорохах. Каждый из нас знает свой сторожевой пост, знает свое дело при отражении атаки.

Для нас не может быть ничего неожиданного, так как всегда и ко всему мы готовы.

Наш гарнизон — броневая стена, которая доблестно выдержала уже много ударов.

Наши окопы — не простая узкая канава, а крепость, о которую разобьется враг.

Мы не из тех, кто боится смерти. В сторону врага и в сторону опасности мы смотрим всегда смелыми глазами.

Мы всегда готовы и к бою и к смерти, и чем больше врагов, тем крепче наш дух.

Белого флага сдачи на милость в наших руках враг не увидит.

Мы стоим только под красными знаменами, каждый зная свое место и свое дело.

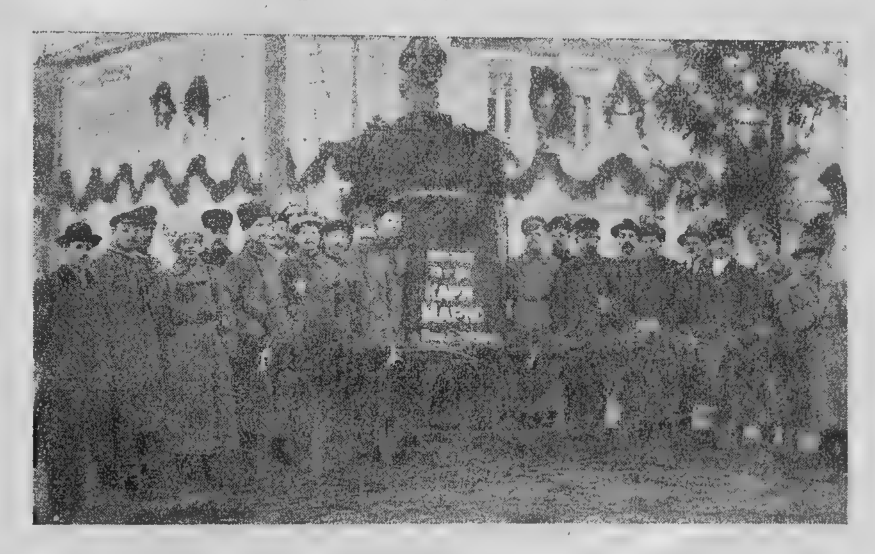
Мы никогда не молим о пощаде и умираем гордо и мужественно, как надо умирать бойцам.

И мы сами не знаем пощады для врагов, так как вырвали из сердца своего жалость к тем, кто никогда сам не был жалостливым к другим.

Мы готовы к бою и атак наших врагов ждем, чтоб скрестить мечи и, победив, утвердить царство справедливости на земле...

Победа за нами!

Залогом тому служит нам настоящий праздник, которого мы с неимоверными трудностями, но добились.

Памятник Карлу Марксу, открытый в Весьегонске в 1918 г. (работы скульптора б. князя Ухтомского).

Сейчас только русский пролетариат имеет право на радость.

Но уже поднимаются головы и у зарубежных братьев.

Скоро и там заколышутся красные знамена.

Скоро все народы сольются в одну дружную, счастливую семью вольных людей.

Паразитам и насильникам всех стран и всех народов приходит конец.

И мы, товарищи, без устали работаем для прихода этого желанного времени.

Сегодня мы можем радостно сказать друг другу счастливое: с **праздником**!

А... завтра... завтра — опять за работу. Часовые — на свои посты! Дровосеки — рубить вековые угрюмые чащи! Пахари — за плуг проводить неизгладимые борозды на вольных нивах!

Каждый должен знать свое дело и свое место!

С праздником, товарищи! С праздником, вольные орлы, могучими крылами рвущие черные пологи ночи!

С праздником, бодрые часовые, неустанно сторожащие врага!

С праздником, могучие дровосеки, прорубающие прогалины в дремучих лесах!

С праздником, вольные пахари, советским плугом разрыхляющие запущенную барами ниву!

С праздником, освобожденная рабоче-крестьянская страна!

С праздником, родной красный Весьегонск!

С праздником, и вперед к торжеству мировой социальной революции, вперед к торжеству коммунизма!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

7 ноября 1918 г.
Весьегонск.

ГОРОДОК ОКУРОВ[1]

По поводу книги: „Год с винтовкой и плугом".

Мы совсем забыли о городке Окурове, с которым нас когда-то познакомил М. Горький.

Что с ним? Как протекает его немудрящая жизнь, куда делись его рыхлые, нескладные герои-обыватели, с которыми мы расстались в начале революции 1905 г.? Тогда они как будто не в состоянии были охватить смысла совершающегося, и окуровская жизнь, взбаламученная невиданным потрясением до самого дна, разразилась диким погромом и торжеством темных сил. Повидимому, в Окурове после революции стало еще темнее, глуше и скучнее, чем было раньше.

Худо ли, хорошо ли (скорее худо, чем хорошо), городок Окуров прожил, проскрипел эти ужасные послереволюционные годы, когда по России „свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо". На голову окуровцам свалилось новое потрясение — война. Окуровцы провожали детей, открывали лазареты, встречали раненых и калек, кряхтя поругивали дороговизну и спекуляцию и постепенно привыкали к войне. Любимой духовной пищей окуровцев за этот период была „Биржевка", да еще „Русское Слово". Пропперовские и сытинские писатели подводили фундамент под миро-

[1] „Городок Окуров" — повесть М. Горького, написанная им после революции 1905 года. Описан городишко, каких в России много, глухой, сонный, бестолковый, темный, без проблеска сознательной жизни.

созерцание окуровца и обрабатывали его мозги в желательном для начальства и хозяев смысле.

Окуровец по-пропперовски оценивал и цели войны, и роль классов, наций и местностей, по-сытински рисовал себе победоносные перспективы войны, вплоть до завоевания проливов. Перед концом войны окуровец стал вполголоса поругивать Штюрмера, Алису, Распутина. Из-под полы передавались друг другу громовые думские речи Милюкова. В той мере, в какой это желательно было руководящим кругам буржуазии, окуровец стал проникаться почти революционным духом.

Февральская революция застала окуровца, пожалуй, основательно подготовленным. По крайней мере, он не был поражен происшедшим, а если поразился, то только легкости переворота. Он был слишком убежден в незыблемости участка.

Но революцию окуровец принял без всякой внутренней борьбы, как нечто должное, неизбежное. Нацепил на себя ярко-красный бант, стал шататься по митингам, приглядываться к партиям, ораторам, прислушиваться к лозунгам.

Сначала в Окурове возникли всесословные, общегражданские органы власти под пышными названиями. Например: „Комитет общественной безопасности“, „Комитет народной власти“ и пр.

В городе Весьегонске, Тверской губернии, о котором речь будет впереди, такой комитет *после февральской революции* состоял из следующих милостивых государей: „два полковника, один капитан, два помещика, два купца и один поп“. Иногда к этой теплой компании присоединялся на правах „бедного“ родственника какой-нибудь учитель, фельдшер, земский служащий, а чаще всего — адвокаты, врачи, дантисты, судейская чиновная братия.

Вчера только эта публика вела самый окуровский образ жизни, а иногда даже переходила грань окуровщины. Сегодня окуровский „дирижирующий класс“ стал, якобы, перестраивать порядки на новый лад, но и в новизне этой старина слышалась.

Скоро полиняли красные бантики, исчез интерес новизны. Окуровцы перестали называть друг друга „гражданами“ и вернулись к прежнему обращению „господа“. Митинги, собрания, заседания в клубе стали заменяться „пулькой“ по „сороковой“ или „железкой“. Все шло по-старому, по-хорошему. Только столичные газеты приносили ощущение какой-то тревоги, беспокойства. Мутят какие-то большевики, ленинцы и явно угрожают, как уверяет Керенский, всем завоеваниям революции. Конечно, и тут дело не без немца. „Русское Слово“, „Биржевка“, „Русская Воля“ с фальшивыми документами в руках вдалбливали окуровцу, что все большевики — немецкие агенты. Известно было даже, за сколько именно миллионов продались большевики и где, в каком банке, хранят свои капиталы. Окуровец готов был разорвать в клочки проклятых большевиков, но таковых под рукой не оказалось. Правда, и в Окурове завелась эта порода, но о своих окуровских большевиках ни у кого язык не поворачивался сказать, что они подкуплены немцами: все на виду. Какой там подкуп? Но так как большевиков в Окурове было до смешного мало, то никто ими и не интересовался.

Когда же пришла пора всяких выборов — в городскую думу, уездное земство — окуровцам поневоле пришлось самоопределяться по партиям, ибо голосовать-то нужно обязательно за какой-нибудь список.

Окуровцы разделились между эсерами и кадетами. Самые дикие окуровцы составили еще списки „православных мирян“, „домовладельцев“, потом — мещан-

ский. Но на первом месте все-таки стояли эсеры, которые, не в пример другим, и литературой запаслись из губернского комитета. Плакаты этакие яркие — „Земля и Воля“.

Соблазнительно было также попасть без всякой опаски и риску в хорошую компанию. Подашь листок, — скажем, № 3, — и попадешь в ту самую партию, где состоят Брешко-Брешковская, Керенский, Спиридонова, Чернов. В прежнее бы время окуровец даже во сне не посмел эти имена произнести, а теперь — он их партийный товарищ, коллега.

Конечно, и Милюков с Шингаревым — тоже хорошая компания, но нет того шику: все-таки не террористы, а благонамеренные, либеральные смирные политики. В прежнее время и они хороши были, а теперь, извините, пресновато...

Покончили со всякими выборами и стали ждать-поджидать Учредительного Собрания. Как вдруг — Октябрьский переворот...

Октябрьский переворот свалился на окуровцев совершенно неожиданно. Когда они узнали, что правительства Керенского уже не существует, это показалось им невероятным. Еще невероятнее была мысль, что в России существует правительство во главе с Лениным — с тем самым Лениным, о котором все окуровские воробьи на крышах прочирикали, что он — немецкий шпион.

Окуровцы бросились за ответом к своим любимым газетам. Оттуда с завидной твердостью и уверенностью ответили, что большевики не продержатся и двух недель, что все это — печальное недоразумение...

Однако, с тех пор прошло больше года. Окуров стал „честным советским городком“. Ко дню октябрьской годовщины он порадовал нас книжкой, которая называется: „Год с винтовкой и плугом“.

Собственно, книжка издана в городе Весьегонске, Тверской губернии, местным уездным Совдепом. Но по ближайшем ознакомлении оказалось, что Весьегонск, пожалуй, и есть Окуров. Вернее, „Окуров“ — это литературный псевдоним Весьегонска.

Весьегонск — типичнейший уездный городок нашей Совдепии. Таких городков в России множество. Поэтому всякий, кто хочет получить представление о жизни рядового городка российской республики за год Советской власти, пусть прочтет „Год с винтовкой и плугом“. Вы пожалеете, читатель, если не купите эту книжку. Она издана прилично, написана увлекательно, живо, снабжена документами, цифрами и, может быть, является единственным пока цельным, сильным очерком, подводящим итоги годовой работы с винтовкой и плугом на определенной территории.

Алексей Максимович Горький не узнал бы своего городка Окурова в нарисованной здесь картине.

Что такое Весьегонск? Вот как его характеризует книга:

„Окруженный болотами и лесами, только летом (пароходом) имеющий связь с остальным миром, весной же, осенью и зимой представляющий собой островок на море житейском,[1] Весьегонск представляет собой тихую заводь, похожую на ту, какая каждый год остается после разлива Мологи, скромно прячется где-нибудь в траве, сонно нежится под солнышком, киснет и является желанным приютом для беззаботных лягушек. Тишь да гладь, да божья благодать никогда не покидали Весьегонска и всех живущих в нем и около него овевали какой-то особенной дремой, заставляя волков превращаться в овец, а нагайку — в прохладительный веер“.

В отличие от нормального типа помещика-зубра, Весьегонск выдвинул тип либерального барина, про-

---

[1] Советская власть уже провела теперь железную дорогу через Весьегонск.

священного земца (оттуда вышли, между прочим, такие столпы либерализма, как Родичев, Колюбакин и др.).

Никакой промышленности ни в городе, ни в уезде не водилось. Тишь да гладь.

И вот началось превращение Весьегонска и его уезда в „честный советский край“. Надо сказать, что власть Советов водворилась в Весьегонске не в октябре, а только в конце января 1918 года. За 9 месяцев была проделана колоссальная историческая работа по очищению земли весьегонской от корней помещичьего и буржуазного быта. И в городе, и в деревне закипела ожесточенная борьба, доходившая до вооруженных столкновений. В книжке т. Тодорского подробно, вплоть до документального изложения событий, изложен ход восстаний буржуазии и мобилизаций пролетарских и крестьянских революционых сил. Историк революции найдет здесь яркий, красноречивый материал для изучения природы этих восстаний.

Но победить весьегонскую буржуазию все-таки было не так трудно, особенно после того, как основательно разгромлена была буржуазия в центре. Гораздо труднее пришлось, когда приступили к созидательной работе по переустройству жизни на совершенно новых началах.

Наследство от старых хозяев осталось самое плачевное. В земстве весьегонские коммунисты нашли несколько чернильниц и ручек, да числившийся за земской управой долг разным лицам и учреждениям в размере 522 057 руб. 58 коп. Вот и все. Мерзость, заброшенность, запустение.

Там, где дело не было так безнадежно запущено, — как, например, в кассе мелкого кредита, где все-таки кое-что осталось в порядке, — старые хозяева в волнении говорили новым:

„Исполком становится на неправильный путь, и вы, беря кассу в свои руки, берете на себя большую ответственность. Я больше, чем уверен, что вы не более недели просуществуете в кассе и сознаете, что я вам говорю правду. Вы сейчас можете разрушить весь кассовый аппарат, так как управлять кассой нужно специалисту“.

Однако, весьегонские коммунисты не побоялись запугиваний и уверенно взялись за дело управления государственной жизнью великого народа. Все было ново и до крайности трудно. Опыта — почти никакого. Интеллигенция, само собой разумеется, благородно саботировала. Мещанство хихикало и с нетерпением дожидалось краха, банкротства новых хозяев. А те через ошибки и неудачи подвигались вперед, к полной победе над капитализмом.

Срок в 9 месяцев для полного переустройства социального строя не бог весть как велик, особенно, если часть этого срока ушла на борьбу с контр-революцией, и если дело происходит в стране до крайности темной, некультурной, разоренной. Однако, весьегонские коммунисты вышли из труднейшего испытания несомненными победителями. Они кое-что успели организовать, перестроить в интересах трудового народа. Появились первые признаки настоящей культурной жизни. Когда я внимательно прочел всю книжку, меня стал сильно занимать вопрос о личности, социальном положении, образовательном цензе, политическом стаже этих строителей новой жизни. Захотелось даже посмотреть на фотографии этих людей, пионеров коммунизма в глухой провинции. Я обратился к тов. Тодорскому с письменной просьбой — прислать какие только можно фотографии из местной жизни. Он любезно прислал большую пачку фотографий, изображающих отдельные моменты весьегонского быта (открытие памятника-бюста Марксу на площади Весьегонска, детская

манифестация, октябрьские юбилейные торжества, снимки групп советских работников по отделам и т. п.).

Но самое ценное и интересное во всем присланном— это фотографии наиболее видных ответственных работников исполкома, чрезвычайки и партии.

Достаточно было взглянуть на эти лица, чтобы сразу проникнуться доверием к судьбам русской революции. К каждой фотографии товарищ приложил коротенькую справку о прошлом каждого человека. Справки эти очень кратки, сухи, формальны, но покамест я воспользуюсь хотя бы теми краткими сведениями, какие имеются.

Справа налево: Григорий Терентьевич Степанов (погиб от сыпного тифа на хозяйственном фронте в 1920 г.), Л. С. Сосновский и Демьян Бедный в 1919 г. в Весьегонске.

Вот молодое интеллигентное лицо, с твердым и каким-то упорным взглядом. Это — председатель уездного исполкома Г. Т. Степанов. О нем написано:

„29 лет, крестьянин. Учился в сельской школе и выдержал экзамен на звание учителя. Член одесского исполкома. Член комитета военной организации большевиков в Одессе. Председатель соединенного комитета 1-го авиопарка в Одессе. Председателем исполкома в Весьегонске состоит с 1 марта 1918 г.".

За ним — симпатичное лицо брюнета, типичного питерского рабочего, с глазами, в которых отразилась напряженная умственная работа. Это — председатель совнархоза Н. Г. Петухов (Михайлов).

„Крестьянин. Работал на питерском заводе, бывший член Пятигорского Совета. 3 раза сидел в тюрьме. До революции был на нелегальном положении. Учился в сельской школе и в народном доме Паниной, в Питере“.

Далее идет мужественная фигура комиссара продовольствия А. Н. Дмитриева.

„37 лет, крестьянин. Был рабочим Балтийского завода с 1897 г. по 1901 г., работал 7 лет на заводе Артура Коппеля. На фронте был председателем ячейки большевиков местечка Ивенец, Минской губ. Член Минского Совета. Самоучка“.

Председатель Весьегонской чека И. А. Чистяков.

„27 лет, крестьянин. Питерский рабочий завода Эриксон, патронного завода, фабрики Платонова и мастерских на Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. На фронте был членом революционного комитета 15-го тяжелого артил. дивизиона. Учился в сельской школе“.

Заведующий отделом управления при исполкоме А. И. Киселев:

„32 лет, крестьянин, был рабочим в Питере на заводах Нобеля, Айваз, на фабрике Чешера. Два раза высылался из столицы за революционную работу. На фронте был председателем полкового комитета, корпусного комитета и комиссаром 1-го Туркестанского корпуса. Учился в сельской школе“.

Военный комиссар Весьегонска А. А. Чистяков.

„29 лет, крестьянин, бывший рабочий — маляр в Петербурге. На фронте работал в военных организациях. Учился в сельской школе“.

Председатель кассы мелкого кредита при исполкоме Г. Е. Смирнов.

„29 лет, крестьянин, последние 9 лет был рабочим в Питере на Трубочном заводе. Член союза металлистов. Учился в сельской школе“.

Член исполкома Н. А. Долгирев:

„28 лет, крестьянин, питерский рабочий завода „Динамо“, бывший член Питерского Совета. Сидел в тюрьме при царском режиме. Учился в сельской школе. Ныне избран на должность товарища председателя Тверской губернской чрезвычайной комиссии“.

Член исполкома И. Е. Мокин:

„32 лет, крестьянин, работал по переплетному делу в Питере, Сормове и др. местах. Учился в сельской школе и на курсах в народном доме Паниной. Анархист-одиночка“.

И, наконец, единственная сколько-нибудь похожая на интеллигента физиономия А. П. Серова, заведывающего народным образованием при исполкоме:

„37 лет, сын крестьянина, сельский учитель, один из основателей организации большевиков в Весьегонске“.

Такова галлерея советских работников Весьегонска. Советская власть выдвинула новый тип администратора, новую интеллигенцию из среды рабочих и крестьян. Обратите внимание: все столичные рабочие, вернувшиеся в родные края после долгих лет работы на фабриках и заводах. А если это не рабочие, то опыт коллективной общественной работы им дала война, фронтовая организация. Только один интеллигент, да и тот из среды местных крестьян.

Сверху донизу рабоче-крестьянская власть строится руками самих рабочих и крестьян. Пусть наши враги найдут какой-нибудь подобный режим в другой стране. Весьегонские фотографии ответили на много важных вопросов. Меньшевики очень жалобно пищали насчет того, что, вследствие промышленного кризиса и неправильной политики большевиков, рабочий класс будто бы

отдается на произвол крестьянства. Весьегонский состав власти указывает, что крестьянство без всяких колебаний вверяет решение важнейших вопросов своей жизни именно рабочим. Рабочие являются привычными вождями деревни.

Исторически сложившаяся связь русских рабочих с деревней, которая раньше сильно тормозила развитие революционного движения, теперь, наоборот, помогает рабочему движению стать непобедимым, ибо связывает тесными узами пролетариев города и деревни.

Как бы то ни было, за предыдущий период рабочего движения, выработалась многочисленная, свежая, талантливая рабочая и крестьянская интеллигенция. За год революции она приобрела невиданно богатый опыт борьбы и творчества. Пройдет еще год-два — и эта интеллигенция начнет выдвигать не только администраторов, агитаторов и борцов, но также и специалистов всех отраслей государственного управления и народного хозяйства.

Среди карточек, полученных мною из Весьегонска, я с особенным волнением рассматривал группы молодых коммунистов села Сукова, Телятинской волости. Прекрасные, открытые и бодрые лица юношей и девушек в платочках. Это подрастает и сказочно быстро формируется под влиянием пролетариата новая крестьянская интеллигенция, заимствующая многое из идеологии и тактики пролетариата.

На одной из карточек изображен хороший двухэтажный дом в селе Сукове, а на фасаде — яркая надпись: „Пролетарский клуб". Не крестьянский, а пролетарский клуб. Может быть, не очень сознательно, инстинктивно, но крестьянская молодежь предпочитает именно пролетарское знамя, под которым родилась и победит мировая революция.

Окуровский быт семимильными шагами мчится к коммунизму. Всякий, имеющий глаза, может видеть воочию.

27/XII 1918 г.

Л. Сосновский.

РАК НА ЗОЛОТОМ ПОЛЕ

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Бывший герб города Весьегонска — „рак на золотом поле“.

Сам себе делаю взбучку.
Превратился я в „столичную штучку“.
Есть такая порода:
Сидит в столице триддать три года,
Отбившись от народа,
И народ уму-разуму учит,
Инда слушать наскучит.
Спасаясь от такой беды,
Замел я старые следы
И пустился на новую дорогу —
Через Тверь Волгой на Мологу; —
Полный столичной спеси,
Добрался до некоей веси,
Сиречь городка богоспасаемого,
В е с ь е г о н с к о м нарицаемого.
Хожу это я по городу, вздыхая:
— Вот она где провинция глухая!
Городок — в роде Окурова,
Ждущий приезда цирка Дурова,
Чревовещателя или гадалки,
Привыкший сутяжничать, сплетничать, пить,
Не умеющий шагу ступить
Без начальственной палки.
Обывателей — пять тысченок, не боле.
Угадать и осмыслить его судьбу
Легко по городскому гербу:
„Рак на золотом поле!“

Рак, так рак!
Самый символический знак,
Всероссийского прямо масштаба.
И хоть я далеко не баба,
Одначе ошарашен был так
„Контрастом духу времени“.
В роде свистнул меня кто по темени.
— Ах ты, думаю, беда!
Попал я куда.
На что народная сила тратится?
Народ тут никак все назад еще пятится.
Новых побегов не видно! —
И так-то мне стало обидно!

—

Зашел я в „Народный Дом“.
Пробрался к эстраде с трудом.
Весь город в наличности.
Пришли поглядеть на столичных гостей:
— Что, мол, за личности?
Не будет ли, дескать, хороших вестей? —
„Товарищ Сосновский“ — оратор на диво,
Изложил все, что надо, правдиво
И без лишних прикрас.
Угодил в самый раз!
Слыханое ль дело!
Можно весьегонцу жаловаться смело
На все, чем грешны комиссары,
Не ожидая за это кары.
— „Накомиссарил не по декрету,
Пожалуй за это к ответу!
Будь хоть растрижды большевик-коммунист,
Но коль на руку вышел не чист
И имеешь преступные склонности,
Мы приучим тебя к законности!
Сколько таких молодцов отдельных,
Коммунистов поддельных,
Нами ни будет наловлено,
Всем им местечко приготовлено,
Смотря по вине.
Будут довольны вполне!“

Публика затаила дыхание:
Такое внимание.
После конца доклада —
Видать, что рада! —
Ногами затопала,
Руками захлопала.
Глядел я на нее с недоверием
Не пахнет ли тут лицемерием?
Не обманут ли я признаками внешними?
Чай, хлопают не руками, а клешнями
И шевелят рачьими усами.
Пред моими глазами
Выплывал вопреки моей воле
„Рак на золотом поле".
Как пришел мой черед
Выступать вперед,
Не стал я утруждать внимания
Почтенного собрания,
Читать ему много отпала охота;
Прочел я о попе два анекдота
И, уподобясь весьегонскому раку,
Пятясь, пошел в атаку.
Рады весьегонцы, не рады, —
Поклонился и ушел с эстрады!

День прошел или два, примерно,
Вижу, что дело не так уже скверно,
И провинция наша не так уж плоха:
Оказалось, что рак — лишь одна шелуха
С перетлевшей давно сердцевиной.
И увидел я новый весьегонский герб:
— Солнце, светлое солнце над зеленой равниной,
Два снопа и скрещенные — молот и серп. —
И увидел я жизнь настоящую, новую, —
Пусть пока еще в форму готовую
Не влилася она,
Но уж новая форма видна!

Над рекою Мологой
Любовался я новой железной дорогой.
Это мы ее строили! Мы!
Мост не кончен, торчат только ребра, основа.
Кончим мост, и дорога вся будет готова
До прихода зимы.
Засвистит паровоз, загрохочут вагоны,
Оживет целый край, спавший сном вековым.
Берегов примоложских лесистые склоны,
Деревушки — наполнятся шумом живым.
И Весьегонск — уютный, приветливый, милый —
С возрожденной душой, с распрямленным горбом,
Позабывши свой жребий минувший, постылый,
Расцветет под советским гербом:
Братским молотом с братским серпом!

Демьян Бедный.

Весьегонск
20 мая 1919 года.

СТРОИТЕЛИ РОССИИ [1]

ХОЗЯИН УЕЗДА

Во главе Весьегонского уездного исполкома, в чисто крестьянском районе, с начала революции стоял рабочий из местных крестьян Степанов. Стоило приглядеться к нему, как невольно вспоминался покойный Яков Михайлович Свердлов.

Та же железная рука, тот же железный голос, такое же громадное влияние на всех ближайших и тот же непререкаемый авторитет в глазах всех, с ним соприкасавшихся.

Был момент в 1919 г., когда, после проведения чрезвычайного налога в уезде и после ликвидации периода

---

[1] Статья Л. С. Сосновского, помещенная в „Правде“ 7/XI 1920 г. Здесь приведена выдержка.

комитетов бедноты, крестьянство при ослаблении нажима сверху приходило на уездные съезды Советов в очень взбудораженном настроении. На поверхность выплывал „беспартийный“ элемент, который с большим успехом выступал против коммунистических списков. Так было и здесь. Уездный съезд провел в исполком подавляющее большинство беспартийных и меньшинство коммунистов, но кандидатура тов. Степанова прошла единогласно и именно в председатели. И крестьяне и обыватели очень любят рассказывать друг другу сплетни и слухи относительно образа жизни и поведения руководящих советских работников. Но деятельность и личная жизнь тов. Степанова были таковы, что к его имени никто не решался приплести какие-нибудь сплетни или даже намек. Для рабочих, для бывших людей из буржуазии, для крестьян, для интеллигенции имя Степанова означало величайшую справедливость, беспристрастие, непреклонность в борьбе и величайшую внимательность к интересам бедноты.

Степанов являл собою образец хозяина-строителя. Он не только успешно справлялся с текущей работой, объединяя деятельность всех отделов и подотделов исполкома, зная решительно все, что делается в различных областях государственной и хозяйственной деятельности уезда. Он с увлечением разрабатывал план строительства и перерождения жизни родного уезда на новых началах.

Время было тяжелое, голодное, смутное. Приходилось думать о том, как сводить концы с концами, как провести хлебную разверстку, мобилизацию, сбор налога и т. п. Но это не мешало Степанову разрабатывать план широкого благоустройства своего городка, план постройки громадной гавани у города, план создания

в уезде промышленности, основанной на использовании местных богатств.

Когда, вследствие распоряжения высших партийных инстанций, Степанов должен был перебраться на губернскую работу, по всему уезду пронесся вопль. Партия и крестьяне готовы были чуть ли не с „оружием в руках" добиваться оставления Степанова в этом городе. Чувствовалось, что с уезда сняли голову, и голову незаурядную.

Л. Сосновский.

7/XI 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ

16372

1 р. 50 к.—р

2

